

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

30 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 30 (633) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Владимир Клавдиевич Арсеньев* (1872–1930), русский путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока.

Владимир Арсеньев родился в Петербурге. Его отец Клавдий Арсеньев был выходцем из тверских крепостных, дослужился до заведующего движением Московской окружной железной дороги, был удостоен почетного звания потомственного почетного гражданина Санкт-Петербурга.

По примеру своих вдохновителей — путешественников-офицеров Пржевальского и Невельского — Арсеньев избрал военную карьеру. В 1891 году он поступил в 145-й Новочеркасский пехотный полк, а два года спустя — в Петербургское пехотное юнкерское училище. В 1896 году Владимира Арсеньева уже в чине подпоручика направили служить в 14-й Олонекский пехотный полк, расквартированный в польском городе Ломже.

В 1900 году Арсеньев подал прошение о переводе на почти не изученный в то время Дальний Восток, и его перевели в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк. В следующие годы офицер-путешественник ходил в короткие экспедиции по Дальнему Востоку, в 1900–1905 годах обследовал весь юг Приморья. Уже тогда Арсеньев не только наносил на карту то, что полагалось по заданию военного начальства, но и описывал флору и фауну, археологические находки и этнографические особенности местности.

Несмотря на то что Владимир Арсеньев никогда не учился в университете и закончил только двухгодичное юнкерское училище, с помощью самообразования ему удалось стать компетентным и разносторонним исследователем. Сфера его научных интересов была разнообразна и обширна: он занимался географией и этнографией, картографией, статистикой, археологией, геологией, гидрологией и метеорологией, музейным делом и даже орнитологией и лингвистикой.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов Арсеньев участвовал в разведывательных операциях, был награжден орденами Святой Анны III и IV степени и Святого Станислава III и II степени.

После поражения в войне было решено осваивать территорию Дальнего Востока. В 1906 году приамурский генерал-губернатор Павел Унтербергер выделил средства на первую большую экспедицию — в нее отправили штабс-капитана Владимира Арсеньева, которого к тому моменту перевели в Хабаровск. Во время экспедиции команда Арсеньева изучала горную область Сихотэ-Алиня от залива Святой Ольги до бухты Терней и систему реки Уссури.

Летом 1906 года группа встретила в тайге нанайского охотника Дерсу Узала, который затем стал проводником и другом Арсеньева, а позже — и героем его книг.

В следующей экспедиции 1907 года Владимир Арсеньев продолжил изучать восточные склоны Сихотэ-Алиня и бассейны рек Иман (сегодня — Большая Уссурка) и Бикин. За семь месяцев группа прошла более тысячи

верст, пережила две голодовки и зимнюю стужу без теплой одежды, которую унесло с лодкой. Но самой тяжелой стала третья экспедиция 1908–1910 годов: за 19 месяцев путешественники обследовали север Уссурийского края в низовье Амура.

Во время экспедиций Арсеньев привел в единую систему географические наименования Дальнего Востока, указал, как одна и та же река или гора называется у разных народов и какое русское наименование следует использовать. Арсеньев описал быт и верования коренных народов Приамурья — удэгейцев, тазов, орочей, нанайцев.

В 1910–1919 годах Владимир Арсеньев параллельно с военной службой работал директором Хабаровского краеведческого музея.

После переезда во Владивосток в начале 1920-х годов Арсеньев заведовал этнографическим отделом Приморского музея, который сегодня носит его имя. Обширный материал, собранный им во время экспедиций, пополнил коллекции не только Хабаровска и Владивостока. Многие предметы Арсеньев отправлял в дар антропологическому музею Московского университета, этнографическому музею Казанского университета, этнографическому отделу Русского музея. За материалы, отправленные в Вашингтонский музей, путешественника избрали членом Вашингтонского национального географического общества.

В 1920-х годах ученый побывал в экспедициях на Камчатке, Командорских островах, прошел по маршруту Советская Гавань — Хабаровск. Арсеньева интересовали самые разные темы: от борьбы с браконьерством до организации переписи населения. Его книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» были очень популярными у читателей.

Все эти годы Арсеньева, подполковника царской армии, не отпускало из поля зрения ГПУ. В 1931 году во владивостокской газете «Красное знамя» вышла статья «В. К. Арсеньев как выразитель идей великодержавного шовинизма».

Личный архив Арсеньева остался у его дочери, Натальи Владимировны Арсеньевой, у которой он был приобретен Приморским филиалом Географического общества СССР. После Великой Отечественной войны пропала его незаконченная рукопись «Страна Удеге», которую он писал 27 лет и редактировать которую согласился профессор Лев Штернберг. Эта рукопись не обнаружена до сих пор.

Владимир Арсеньев умер 4 сентября 1930 года от пневмонии, которой он заболел в экспедиции.

Именем Арсеньева названы ледник на северном склоне Авачинской сопки, гора в Приморском крае, приморский город, теплоход, самолет, перевалы в горном массиве Хибини Мурманской области и другие географические объекты.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Арыштаева М. А.

Особенности рассмотрения дел
о банкротстве в арбитражном процессе 131

Балашова Д. С.

Актуальные вопросы принудительного
исполнения административного выдворения
за пределы Российской Федерации
иностранного гражданина или лица
без гражданства 133

Бородай В. Д.

Виды обеспечительных мер, применяемых
в делах о несостоятельности (банкротстве) ... 136

Бородай В. Д.

Правовая природа и цели обеспечительных
мер в арбитражном процессе и деле
о банкротстве 139

Дровалева Д. С.

Перспективы развития системы управления
служебной нагрузкой на судей 142

Ковешникова А. И.

Особенности квалификации преступлений
против интересов службы в коммерческих
организациях 144

Комаров Д. П.

Правовой статус политических партий
в Российской Федерации 146

Кочура А. А.

Использование биометрии
в банковских операциях: баланс между
технологическим прогрессом и защитой
персональных данных 147

Мозговенко А. В.

Банкротство физических лиц: проблемы
теории и практики 149

Муравьев А. И.

Амнистия при дроблении бизнеса как
инструмент минимизации налоговых рисков
и легализации доходов 154

Паукова А. И.

Реформа наследственного законодательства:
новеллы и их реализация в практике
нотариата 156

Савченко Е. Ю.

Предъявление для опознания
в отечественном судопроизводстве:
генезис, правовая регламентация 164

Сайко А. М.

Медико-криминалистическая оценка
поздних трупных явлений и тактика осмотра
гнилостно-измененных и скелетированных
останков на месте их обнаружения 166

Сайко А. М.

Криминалистическая тактика
и процессуальные особенности осмотра
места происшествия при обнаружении
трупа: проблемы правоприменения
и пути их решения 167

Сайко А. М.

Виктимологические и доказательственные
аспекты проведения осмотра места
происшествия в условиях повышенной
опасности техногенного характера 169

Сайко А. М.

Организационно-тактические аспекты
обеспечения безопасности участников
следственного действия при осмотре места
происшествия техногенного характера 171

Саликов А. В.

Взаимодействие уголовного
судопроизводства и инвестиционного
арбитражного разбирательства 173

Сацкевич Н. А.

Проблемы института административного
судопроизводства в Российской Федерации ... 176

Сегал О. А.

Преддоговорная ответственность:
инструмент правовой защиты или
бессмысленная формальность? 178

Сочнев Ф. Н.

Судебная защита жилищных прав граждан:
критерии фактического восстановления 181

Трофимова Т. А.

Эволюция составов
преступлений злоупотребления
должностными полномочиями
и превышения должностных полномочий
в дореволюционной России..... 183

Федюкович М. М.

Теоретико-правовая трансформация
института представительства в эпоху
цифровизации..... 187

Черноусов Д. А.

Правовой режим апартаментов: проблемы
квалификации и пути решения..... 193

Шашина О. А.

Признание работника выполняющим
трудовые функции при несчастных
случаях на производстве при отсутствии
заключенного трудового договора 195

Шилова Е. В.

Обращение в суд с иском об установлении
сервитута по законодательству Российской
Федерации 199

Шилова Е. В.

Плата за сервитут..... 201

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности рассмотрения дел о банкротстве в арбитражном процессе

Арыштаева Мария Александровна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В настоящее время институт несостоятельности (банкротства) представляет собой широко востребованную правовую процедуру, применяемую в отношении должников, неспособных в полном объеме погасить имеющиеся финансовые обязательства [9].

Увеличение количества физических и юридических лиц, испытывающих финансовый кризис, актуализирует вопросы эффективного управления процедурами несостоятельности. Грамотно выстроенное законодательство о банкротстве служит важнейшим барьером, позволяющим сохранить стабильность финансовой системы и избежать затяжных экономических последствий [10].

Таким образом, существует необходимость глубокого изучения текущей практики рассмотрения дел о банкротстве и внесения изменений в законодательство для улучшения ее эффективности и минимизации негативных последствий для экономики страны.

Судопроизводство по делам о банкротстве базируется на общих принципах АПК РФ, но на законодательном уровне дополняется специальным процессуальным регулированием отдельной главой самого АПК РФ, посвященной банкротству и специальным законом — Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ, что придает ему уникальную организацию и отличает от иных судебных процессов [1].

Закон о банкротстве, при этом, регулирует как материально-правовую составляющую данного института, так и процессуальную, а несудебная процессуальная составляющая процедуры банкротства невозможна без судебного регулирования и контроля.

Основная часть процессуальных особенностей, связанных с рассмотрением дел о банкротстве (несостоятельности) выходят далеко за рамки раздела IV АПК РФ и Закона о банкротстве, находя свое закрепление в судебной практике по данной категории споров. [8].

Судебная природа процедур банкротства обуславливает судебные способы защиты прав кредиторов. Вероятно, именно это обстоятельство и объясняет, почему на протяжении двух десятилетий процессуальные особен-

ности банкротных дел в большей степени определяются судебной практикой, нежели законодательством. Е. Е. Укусова обоснованно подчеркивает исключительную роль суда и процессуальной формы в делах о несостоятельности, где признание банкротства возможно только судом, а грань между материальным и процессуальным правом стирается [11].

В результате за последние годы арбитражная практика по делам о банкротстве претерпела значительную эволюцию.

Верховный Суд РФ последовательно ориентирует нижестоящие суды на отказ от формального подхода (оценка лишь документов, регистрационных данных, статуса лиц) и переход к исследованию фактических обстоятельств, экономической сущности операций и реальной возможности пополнения конкурсной массы.

Так, в новом Обзоре судебной практики по делам о несостоятельности (банкротстве) высшая инстанция особо указала, что финансовый управляющий вправе исключать из конкурсной массы неликвидное имущество должника.

В качестве примера приведён спор о банкротстве, где финансовый управляющий исключил из конкурсной массы принадлежащую должнику долю в праве общей долевой собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения. Кредиторы обжаловали эти действия, ссылаясь на пункт 8 статьи 213.9 Закона о банкротстве и утверждая, что управляющий обязан принять имущество в ведение и реализовать его для расчётов с кредиторами. Суд первой инстанции в удовлетворении жалобы отказал, установив, что стоимость спорного актива незначительна, а затраты на организацию и проведение торгов лишь сократят конкурсную массу. Иными словами, реализация подобного имущества как способ погашения долгов лишена экономической целесообразности [7].

В другом деле Верховный Суд РФ отменил судебные акты о привлечении бывшего руководителя общества к субсидиарной ответственности и направил спор на новое рассмотрение.

Основанием для отмены послужил формальный подход нижестоящих инстанций, которые ограничились констатацией статуса ответчика как директора согласно данным ЕГРЮЛ в период совершения сделок, признанных недействительными и причинивших вред кредиторам.

Доводы ответчика о том, что вменяемый период он объективно не мог руководить обществом из-за тяжелого заболевания, и, следовательно, не осуществлял фактическое управление, оставлены без оценки.

Верховный суд подчеркнул, что наличие формального статуса руководителя не исключает обязанности суда устанавливать реальную вовлеченность лица в принятие управленческих решений и наличие у него объективной возможности влиять на деятельность должника.

Обстоятельства, исключающие виновное поведение, в том числе тяжелая болезнь, подлежат обязательной проверке. Тем самым Верховный Суд вновь акцентировал ключевой принцип субсидиарной ответственности: она носит виновный характер и не может возлагаться автоматически лишь на основании записи в реестре. Даже при наличии презумпций, предусмотренных статьями 61.11 Закона о банкротстве, бремя доказывания не трансформируется в безусловное вменение ответственности [4].

Данное определение развивает ранее сформированную практику, напоминая о необходимости устанавливать действительные основания для привлечения к субсидиарной ответственности, а не ограничиваться формальными критериями.

В другом деле о банкротстве фирмы конкурсный управляющий оспорил сделку, по которой компания передала бывшему сотруднику в собственность жилье. Суды первой инстанции признали сделку недействительной, посчитав ее безвозмездной (дарением) и совершенной с неравноценным встречным исполнением, что нарушает права кредиторов.

Однако Верховный Суд РФ отменил эти решения и вернул дело на новое рассмотрение, руководствуясь следующими доводами:

Неравноценность — понятие оценочное.

Нельзя просто сравнивать цену сделки с рыночной. Существует необходимость изучения всех обстоятельств и контекст отношений сторон.

Необходимо учитывать трудовой вклад работника.

Встречное предоставление со стороны работника — это не только деньги, но и его вклад в хозяйственную деятельность предприятия в рамках его трудовой функции.

Значимость условий трудового договора. Ответчик документально подтвердил, что передача жилья была не подарком, а материальным поощрением, которое предусматривалось трудовым договором и было обычной практикой компании.

Контекст взаимоотношений. Если такие поощрения были частью кадровой политики должника, это исключает подозрения в неравноценности и вывод о том, что сделка была совершена во вред кредиторам.

Принимая иное решение по делу, Верховный Суд указал, что при оценке подозрительных сделок должника с работниками суды не должны подходить формально (ограничиваясь лишь сравнением рыночной и договорной цены). Если сделка является частью системы мотивации персонала, а работник действительно добросовестно трудился на предприятии, такой договор нельзя признать неравноценным лишь потому, что имущество передается без денежной оплаты. Трудовой вклад работника приравнивается к полноценному встречному исполнению, и сделки в рамках трудовых отношений пользуются большей защитой от оспаривания в банкротстве [2, п. 7].

Рассмотрев вопрос об исполнительском иммунитете в отношении жилого помещения должника-банкрота в деле о банкротстве № А40–81520/2023 Верховный суд дал материально-правовую оценку фактических обстоятельств, указав, что иммунитет (запрет на обращение взыскания на единственное пригодное для проживания жилье) не действует автоматически только на основании факта регистрации права собственности [3].

В иммунитете может быть отказано, если должник фактически не проживает в этом помещении, оно не является единственным пригодным для проживания, в результате чего помещение утрачивает социальную значимость для должника (например, является «роскошным» или не используется по назначению).

В таких условиях реализация (продажа) такого имущества для пополнения конкурсной массы допускается.

В судебных делах № А50–4811/2021, № А32–32692/2023 рассмотрены ситуации, когда имущество должника не подлежит включению в конкурсную массу, несмотря на формальное наличие права собственности.

Так, в деле № А50–4811/2021 — грузовой автомобиль был исключён из конкурсной массы, поскольку фактически он уже разобран и сдан в металлолом. Суд первой инстанции ошибочно признал его «малоценным» и не включил в массу, но апелляция указала, что решающим фактором является не стоимость актива, а реальная возможность его реализации. Поскольку автомобиль физически отсутствует, его включение бессмысленно [6].

В деле № А32–32692/2023 — Верховный Суд указал, что суды обязаны проверять доводы должника об отнесении помещений к общему имуществу многоквартирного дома. Нельзя ограничиваться формальным отказом в исполнительском иммунитете — необходимо исследовать фактический правовой режим объекта. Если имущество является общедомовым, оно не может быть реализовано в пользу кредиторов [5].

Для формирования конкурсной массы недостаточно подтвердить право собственности — необходимо доказать, что имущество существует в натуре и может быть продано с публичных торгов, а вырученные средства — направлены кредиторам. Если имущество утилизировано, утрачено или принадлежит третьим лицам, оно не может служить источником погашения долгов, даже если оно

числится за должником. Это защищает должника от необоснованного включения «мёртвых» активов и экономит ресурсы управляющего.

Таким образом, судебная практика опережает законодательство, а основные процессуальные особенности рассмотрения дел о банкротстве формируются Верховным Судом РФ, что создаёт некоторую неопределённость для участников оборота, вынужденных ориентироваться на позиции высших судов.

Существует необходимость закрепления в Законе о банкротстве тех принципов, которые уже сформированы судебной практикой, но не нашли прямого отражения в нормах закона.

Учитывая динамичное развитие судебной практики, целесообразно вести систематический мониторинг определений ВС РФ по вопросам банкротства с целью своевременного внесения соответствующих изменений в законодательство.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190;
2. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год / (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) //;
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2025 № 305-ЭС25-2348 по делу № А40-81520/2023;
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2025 г. № 305-ЭС25-7310 по делу № А40-144100/2021;
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2025 № 308-ЭС25-856(3) по делу № А32-32692/2023;
6. Постановление семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.07.2022 № 17АП-4917/2022(1)-АК по делу № А50-4811/2021;
7. Постановление двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2022 по делу № А06-9552/2021;
8. Аверина А. В. Особенности регулирования судопроизводства по делам о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 64–76;
9. Расторгуев М. А. Проблемы банкротства юридических лиц // Юридическая наука. — 2023. — № 11. — С. 266–269;
10. Терехин Д. С. Проблемы и особенности процедуры банкротства юридических лиц в России // Научный Лидер. — 2025. — № 52 (253).
11. Уксусова Е. Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Lex russica. — 2014. — № 2. — С. 211–227; № 6. — С. 683–703; № 8. — С. 975–985.

Актуальные вопросы принудительного исполнения административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства

Балашова Дарья Сергеевна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства из пределов РФ рассматривается как вид мер принудительного исполнения, призванных поддерживать общественный порядок и гарантировать национальную безопасность страны. Цель данного исследования — комплексное изучение проблематики, касающейся выдворения указанных категорий лиц, с охватом законодательных, правоприменительных и социальных сторон вопроса. Методологический базис работы сформирован на основе общенаучных и специальных методов, включая сравнительно-правовой, формально-юридический и аналитический подходы. В работе анализируются трудности, возникающие при реализации процедуры административного выдворения в России, а также намечаются перспективы развития нормативной базы и правоприменительной практики в данной сфере. Особый акцент делается на необходимости взвешенного, сбалансированного и прагматичного подхода к проведению данной процедуры, который должен учитывать не только интересы национальной безопасности, но и права, а также законные интересы иностранных граждан и лиц без гражданства.

Ключевые слова: административное выдворение, иностранный гражданин, лицо без гражданства, миграционное законодательство, права человека, международное сотрудничество.

Административное выдворение выступает важнейшим инструментом правового регулирования миграционных потоков, однако его внедрение сопряжено с комплексом юридических, социально-гуманитарных и финансовых трудностей. Существенным пробелом в правоприменительной практике является то, что процедура не всегда приводит к фактическому пересечению мигрантами границы России, что свидетельствует о недостаточной эффективности данного вида административного наказания. Статистика фиксирует рост числа выдворяемых лиц, что диктует необходимость срочной доработки существующих подходов.

Помимо этого, актуальной проблемой остается содержание нарушителей миграционного режима в центрах временного пребывания до принятия решения о правомерности их нахождения в стране. Дефицит мест в специализированных учреждениях приводит к тому, что меры воздействия часто не применяются к лицам, пребывание которых на территории РФ является незаконным.

Согласно положениям статьи 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, административное выдворение иностранных подданных и лиц, не имеющих гражданства, представляет собой принудительное и контролируемое перемещение данных категорий лиц через государственную границу с территории РФ. В ситуациях, регламентированных действующим национальным законодательством, данная мера может заключаться в обеспечении контролируемого самостоятельного отъезда указанных физических лиц из пределов России.

Данная процедура применяется в качестве вида наказания за совершение определенных административных правонарушений.

Назначение данной административной санкции требует обязательного учета того факта, что ее исполнение носит принудительный характер и осуществляется уполномоченными органами на основании вынесенного постановления по делу об административном правонарушении. Судебная практика опирается на данный подход, руководствуясь нормами действующего законодательства. Реализация меры в виде административного выдворения в отношении иностранного гражданина неразрывно связана с особенностями правового регулирования соответствующих отношений. Порядок процедуры выдворения закреплён в ряде нормативных правовых актов РФ, включая:

— Федеральный закон № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», который определяет общие правила въезда и выезда, основания для ограничения въезда в Россию;

— Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»,

содержащий основные положения, регулирующие права и обязанности иностранных граждан, а также основания для их выдворения;

— Статья 3.10 КоАП РФ регламентирует процесс выдворения иностранных граждан за пределы территории Российской Федерации.

При вынесении судом решения о применении к нарушителю национального миграционного режима административного выдворения за пределы Российской Федерации, у судьи возникает полномочие применить к данному лицу дополнительную меру — его содержание в специализированном учреждении.

В соответствии с положениями статьи 27.19 КоАП РФ, помещение в такие учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному депортированию, включает в себя их доставку в специальные учреждения, указанные в Федеральном законе № 115-ФЗ, либо в специально выделенные помещения пограничных органов. Дальнейшее пребывание в этих местах осуществляется до момента фактического принудительного выдворения за границу, отмены соответствующего постановления об административном выдворении или изменения данного постановления в случаях, предусмотренных частью 1 статьи 30.7 упомянутого Кодекса.

Согласно статье 3.10 КоАП РФ, административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства представляет собой принудительный и контролируемый процесс их пересечения государственной границы РФ в обратном направлении. Порядок депортации и выдворения лиц без гражданства регулируется Федеральным законом № 115-ФЗ. Статья 31 данного закона определяет основания для выдворения, включая нарушение миграционного законодательства и угрозу национальной безопасности.

С 5 января 2024 года в КоАП РФ появилась возможность заменить административное выдворение иностранного гражданина на штраф. При вынесении решения о выдворении суд обязан учитывать семейное положение, отношение к уплате налогов (отсутствие задолженности), наличие дохода, обеспеченность жильем, профессиональную деятельность и законопослушное поведение (ч. 4 ст. 3.10 КоАП РФ).

Выдворение также может быть заменено штрафом в случаях, когда ни одно государство не готово принять лицо без гражданства. В таком случае мигранту назначается штраф в размере от 40 до 50 тыс. руб. или обязательные работы на срок от 150 до 200 часов (ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ).

Процедура принудительного выдворения из страны регламентируется нормами российского права и охватывает широкий спектр вопросов, среди которых клю-

чевыми являются правовые основания, процессуальные моменты, социально-гуманитарные факторы и международное взаимодействие.

Основаниями для применения данной меры выступают:

- незаконное нахождение на территории РФ в нарушение миграционных правил;
- совершение административных проступков, создающих угрозу общественной безопасности;
- деятельность, наносящая ущерб национальной безопасности государства;
- несоблюдение установленных правил пребывания или ведения трудовой деятельности.

Целью административного выдворения является защита миграционного законодательства и пресечение незаконного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства. Реализация процедуры подразумевает фиксацию правонарушения, рассмотрение материалов уполномоченными миграционными службами или судебными инстанциями, вынесение соответствующего решения и его последующее исполнение.

Ключевые трудности обусловлены фрагментарностью применения миграционного законодательства различными ведомствами, ущемлением прав иностранцев и апатридов, а также сложностями во внешнеполитическом взаимодействии и отсутствием четких процедур передачи депортируемых лиц. Низкий уровень цифровизации препятствует эффективному документообороту и обмену данными, тогда как сама практика административного выдворения способна нанести ущерб как отдельным лицам, так и экономике государства в целом.

Для оптимизации данного процесса требуется модернизация нормативной базы, гармонизация правоприменительной практики, строгое соблюдение прав человека и укрепление международных связей. При этом выдворение должно осуществляться исключительно в рамках закона и международных обязательств РФ. Особое внимание следует уделить профессиональной подготовке кадров миграционных служб для минимизации рисков ошибок и коррупционных проявлений.

Параллельно необходимо внедрять механизмы мониторинга и оценки результативности процедур, включая сбор статистики, регулярные аудиты и проверки. Автоматизация процессов и использование передовых технологий позволят существенно повысить управляемость миграционными потоками, сократив временные и финансовые издержки.

Ключевым аспектом выступает просветительская деятельность среди россиян, иностранцев и апатридов. Открытость данных о правах, обязанностях, регламентах депортации и способах юридической защиты укрепляет доверие к миграционной системе и повышает ее прозрачность.

Административное выдворение остается неотъемлемым элементом миграционной стратегии РФ. Для оптимизации этого механизма необходим системный подход,

объединяющий обновление нормативной базы, совершенствование правоприменения, гарантию прав человека и укрепление международного взаимодействия. Реализация этих мер направлена на формирование справедливого и действенного контроля, обеспечивающего законность и защиту интересов всех сторон.

Острой проблемой считается неопределенность сроков пребывания апатридов в центрах временного содержания. При невозможности фактической депортации за рубеж РФ такие лица рискуют оказаться в учреждениях на неопределенный период.

Для устранения обозначенной проблемы требуется комплексный подход, включающий следующие меры:

- законодательное закрепление предельных сроков задержания в центрах временного пребывания для лиц без гражданства;
- внедрение альтернативных форм контроля, таких как программы наблюдения в обществе, позволяющие гражданам оставаться на свободе под надзором, а не в местах лишения свободы;
- активизация международного сотрудничества с профильными организациями и государствами происхождения для оптимизации процедуры депортации.

Ключевое значение имеет соблюдение гуманитарных принципов при выдворении. Это подразумевает гарантию прав человека, обеспечение доступа к юридической помощи и гуманное отношение. Поддерживающие программы и инициативы по реинтеграции содействуют успешной адаптации указанных лиц в странах их родины. Не менее значимым аспектом выступает совершенствование реабилитационных и поддерживающих программ для депортированных граждан. Такие инициативы должны предусматривать психологическую поддержку, профессиональное обучение и содействие в трудоустройстве. Подобный подход способствует более эффективной реинтеграции этих людей в социум и помогает предотвратить их вовлечение в незаконную миграционную деятельность.

Необходимым шагом для устранения существующих проблем также является внесение изменений в законы и подзаконные акты, регулирующие миграционную политику, чтобы они соответствовали современным вызовам и международным стандартам. Это поможет создать ясные и справедливые правила, которые будут применяться ко всем участникам процесса.

Улучшение координации между различными государственными ведомствами и организациями, участвующими в процессах выдворения, также является критическим аспектом. Эффективное взаимодействие между миграционными службами, правоохранительными органами, социальными службами и судебной системой позволит ускорить процессы и улучшить качество принятых решений.

Чтобы избежать переполнения мест временного пребывания, целесообразно применить альтернативные подходы. В частности, внедрение систем электронного мони-

торинга позволит осуществлять контроль за мигрантами непосредственно в обществе, что снизит давление на инфраструктуру и повысит комфорт условий содержания.

Процедура депортации инициируется судебными инстанциями или уполномоченными ведомствами, включая пограничные органы, в случае нарушения правил въезда на территорию РФ. Решение суда об административном правонарушении приобретает юридическую силу по истечении десяти дней, если не было подано жалобы. В результате выдворения иностранному гражданину накладывается запрет на повторный въезд в Россию сроком до пяти лет.

В долгосрочной перспективе борьба с проблемами административного выдворения нуждается во всестороннем подходе, объединяющем правовые, социальные и экономические инструменты, нацеленные на искоре-

нение причин миграционных потоков. Не менее важно не только улучшать сами процедуры депортации, но и формировать условия для добровольного возвращения мигрантов на родину, их успешной адаптации в обществе и недопущения повторных случаев незаконного пересечения границ.

Следовательно, лишь комплексная стратегия, включающая гарантии правовой защиты, социальную помощь и активное международное взаимодействие, способна обеспечить результативный контроль над миграционными процессами. Усовершенствование нормативной базы и правоприменительной практики в данной области должно рассматриваться как приоритетное направление для поддержания общественного порядка, а также для защиты законных прав и интересов всех вовлеченных сторон.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек. N 140 (далее — КоАП РФ).
2. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Российская газета. 1996. 22 авг.
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 31 июля. N 140.
4. Волков А. С. Административное право Российской Федерации. М.: Юрайт, 2020.
5. Мишунина А. А. Административная ответственность за нарушение режима пребывания иностранных граждан в Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2020.
6. Паукова Ю. В. Административное выдворение, депортация и реадмиссия как механизм удаления иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации // Административное право и процесс. 2012. N 1.

Виды обеспечительных мер, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве)

Бородай Валерия Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются виды обеспечительных мер, применяемых арбитражными судами в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). Автором проводится разграничение общих обеспечительных мер, предусмотренных Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, и специальных мер, установленных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)». Особое внимание уделяется классификации обеспечительных мер в зависимости от стадии конкурсного процесса и категории обособленного спора. На основе анализа правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации формулируются выводы о критериях допустимости и соразмерности применения отдельных видов обеспечительных мер в деле о банкротстве.

Ключевые слова: обеспечительные меры, несостоятельность (банкротство), арест имущества, отстранение руководителя, субсидиарная ответственность, конкурсная масса, обособленный спор, арбитражный процесс.

Институт несостоятельности (банкротства) в современной российской правовой системе уже давно вышел за рамки формальной процедуры — сегодня это сложный, многослойный механизм, в котором переплетаются интересы должника, оказавшегося в финансовом ту-

пике, и его кредиторов, рассчитывающих вернуть хотя бы часть вложенных средств. И где-то на этом хрупком пересечении интересов возникают обеспечительные меры — как инструмент, который не дает системе «расползтись» в самый критический момент. Именно они позволяют во-

время остановить попытки вывода ликвидных активов, сокрытия имущества или иных действий, направленных на размывание конкурсной массы. Без такого процессуального «якоря» сама идея цивилизованного банкротства рискует остаться лишь теоретической конструкцией.

Если говорить о правовой природе обеспечительных мер, то в классическом арбитражном процессе они традиционно рассматриваются как способ гарантировать исполнение будущего судебного акта. Но в делах о банкротстве этот подход уже не работает в чистом виде — он становится глубже и шире. Здесь обеспечительные меры защищают не только интересы конкретного заявителя в рамках отдельного спора, но и всю конкурсную массу в целом, из которой впоследствии будут удовлетворяться требования всех кредиторов. Фактически возникает ситуация, когда внутри частноправового конфликта начинает проявляться отчетливый публично-правовой элемент. И это неизбежно влияет на характер ограничений, которые применяет суд [5].

Статистика последних лет только подчеркивает, насколько востребован этот инструмент. По данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве, в 2025 году количество процедур банкротства граждан — включая физических лиц и индивидуальных предпринимателей — достигло 568 тысяч, что на 31,5 % больше по сравнению с предыдущим годом. А если смотреть в ретроспективе с 2015 года, общее число таких дел уже превысило отметку в 2,2 миллиона [9]. В то же время корпоративный сектор движется в противоположном направлении: в 2025 году банкротами признаны 6477 юридических лиц — это на 24,3 % меньше, чем годом ранее, и в целом минимальный показатель за весь период наблюдений [10].

Такое расхождение трендов создает довольно напряженную картину: суды оказываются под серьезной нагрузкой, а вопросы защиты прав кредиторов выходят на первый план. В этих условиях обеспечительные меры превращаются из вспомогательного инструмента в один из ключевых элементов, позволяющих удерживать ситуацию под контролем и оперативно пресекать злоупотребления — как со стороны граждан-должников, так и со стороны контролирующих лиц в корпоративных спорах.

Актуальность выбранной темы напрямую связана с необходимостью переосмысления самой системы обеспечительных мер в условиях продолжающегося реформирования законодательства о банкротстве и формирования новых подходов в практике Верховного Суда РФ. Последние годы наглядно показали: формальный подход к применению норм Арбитражного процессуального кодекса без учета специфики конкурсных отношений приводит к перекосам. В одних случаях это выражается в фактическом параличе деятельности добросовестного должника, в других — в утрате активов, что делает невозможным удовлетворение требований кредиторов. Дополнительную сложность вносит и расширение практики привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, что потребовало разработки новых, более

точных инструментов обеспечения, ранее практически не исследованных на доктринальном уровне.

В научной литературе по гражданскому процессуальному и предпринимательскому праву традиционно выделяют две основные группы обеспечительных мер, применяемых в делах о банкротстве. Первая — это так называемые общие меры, закрепленные в главе 8 Арбитражного процессуального кодекса РФ. К ним относятся арест денежных средств и иного имущества, запрет на совершение определенных действий (например, отчуждение имущества), а также передача спорного имущества на хранение третьим лицам [2]. На первый взгляд, это универсальные инструменты, применимые в любом арбитражном процессе. Однако в рамках банкротства они приобретают особую специфику. Арест имущества должника здесь носит не точечный, а коллективный характер, поскольку направлен на защиту интересов всех кредиторов, включенных в реестр, а не только конкретного заявителя [7].

Вторая группа — специальные обеспечительные меры, прямо предусмотренные Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Их ключевая особенность заключается в том, что они «заточены» именно под конкурсные отношения и не применяются вне процедур банкротства. Эти меры направлены на предотвращение типичных для предбанкротного состояния действий. В соответствии со статьей 46 Закона о банкротстве к ним относятся: запрет на распределение прибыли (дивидендов) между участниками должника, запрет на выплаты по эмиссионным ценным бумагам, отстранение руководителя от должности, а также запрет на проведение собраний участников.

Отдельного внимания заслуживает классификация обеспечительных мер с учетом стадии конкурсного процесса. На этапе возбуждения дела о банкротстве (наблюдение) преобладают меры, направленные на сохранение статус-кво — это, прежде всего, арест активов и запрет на совершение сделок. Когда процедура переходит в стадию внешнего управления или финансового оздоровления, акцент постепенно смещается в сторону обеспечения исполнения плана восстановления платежеспособности. Но наиболее насыщенная и сложная практика формируется уже на стадии конкурсного производства. Именно здесь рассматриваются обособленные споры — об оспаривании сделок должника и привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. В таких спорах обеспечительные меры перестают быть просто «охранительным» инструментом и начинают выполнять функцию возврата активов, ранее выведенных из конкурсной массы [4].

Сравнительный анализ видов обеспечительных мер позволяет систематизировать их по нескольким критериям, что наглядно представлено в таблице 1.

Одним из наиболее заметных и, без преувеличения, поворотных изменений последних лет стало не просто формальное закрепление, а именно активное внедрение

Таблица 1. Классификация видов обеспечительных мер в делах о банкротстве [8]

Критерий классификации	Виды обеспечительных мер	Характеристика
По источнику правового регулирования	Общие (ст. 91 АПК РФ)	Арест, запрет на действия, приостановление реализации имущества
	Специальные (ст. 46 Закона о банкротстве)	Отстранение руководителя, запрет на выплату дивидендов, запрет на проведение собраний
По стадии конкурсного процесса	Применяемые до введения первой процедуры	Направлены на сохранение активов, блокировку реорганизации
	Применяемые в ходе процедур банкротства	Обеспечение исполнения плана реструктуризации, защита конкурсной массы
	Применяемые в обособленных спорах	Арест имущества контролирующих лиц, обеспечение иска об оспаривании сделок
По субъекту, в отношении которого применяются	В отношении должника	Арест имущества должника, отстранение его руководителя
	В отношении контролирующих лиц	Арест имущества ответчиков по спорам о субсидиарной ответственности
	В отношении третьих лиц	Запрет регистрационных действий, ограничения для контрагентов по сделкам

обеспечительных мер в рамках института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Статья 61.16 Закона о банкротстве фактически дала арбитражным судам инструмент быстрого реагирования: по заявлению конкурсного управляющего или кредитора суд вправе наложить арест на имущество ответчика в пределах заявленных требований. На практике это перестало быть «мерой на бумаге» — механизм начал реально работать. Как отмечает В. В. Романов, речь идет о настоящем прорыве в правоприменении, поскольку появилась возможность не номинально, а фактически пополнять конкурсную массу за счет личных активов тех лиц, чьи действия привели компанию к банкротству [1].

Но, как это часто бывает, за расширением возможностей сразу проявились и новые сложности. Практика показала, что применение этой нормы требует от судов гораздо более тонкой и внимательной оценки. Возникла необходимость четко разграничивать имущество, на которое может быть обращено взыскание, и так называемый «имущественный минимум» — прежде всего, единственное жилье и предметы обычной домашней обстановки, которые по закону не подлежат аресту. И вот здесь начинается самая непростая часть: найти баланс между интересами кредиторов и базовыми правами самого ответчика.

Если обратиться к судебной практике за 2024–2025 годы, становится заметно, что Верховный Суд РФ постепенно выстраивает довольно устойчивую линию именно по вопросу соразмерности обеспечительных мер. В одном из определений Судебной коллегии по экономическим спорам прямо подчеркивается: арест имущества контролирующего лица не должен фактически лишать его возможности удовлетворять элементарные жизненные потребности и продолжать законную экономическую деятельность — разумеется, при условии, что эта деятельность не используется для сокрытия активов [6].

Такой подход уже не выглядит единичным — он находит отражение и в научной позиции. Суды сегодня не могут ограничиваться формальной констатацией наличия оснований для применения обеспечительных мер. Требуется более глубокий анализ: необходимо соотнести объем заявленных требований кредиторов с последствиями, которые может повлечь введение таких мер для ответчика [2, с. 54]. Иначе говоря, речь идет уже не о механическом применении нормы, а о взвешенном судебном рассмотрении.

Параллельно с этим в рамках обособленных споров об оспаривании сделок должника активно используются и другие обеспечительные инструменты. В первую очередь — это запрет на совершение регистрационных действий в отношении недвижимости, которая перешла к третьим лицам по сомнительным сделкам, а также арест такого имущества. Причем принципиально важно, что обеспечительные меры в этих случаях могут затрагивать не только самого должника, но и его контрагентов. Это существенно расширяет возможности арбитражного управляющего: появляется реальный шанс «заморозить» последствия подозрительной сделки еще до того, как суд окончательно оценит ее правовую природу. В подобных ситуациях обеспечительные меры начинают выполнять фактически реституционную функцию, формируя условия для возврата имущества обратно в конкурсную массу [8].

Вместе с тем нельзя игнорировать и обратную сторону — проблему злоупотребления правом на подачу заявлений о принятии обеспечительных мер. На практике встречаются случаи, когда кредиторы используют этот инструмент вовсе не для защиты своих законных интересов, а как средство давления: блокируют деятельность должника, создают для него экономические сложности, подталкивая к невыгодным договоренностям. В ответ на такие риски законодатель предусмотрел определенные

«сдерживающие механизмы». К их числу относятся институт встречного обеспечения, а также возможность взыскания убытков с заявителя в случае, если в удовлетворении его требований впоследствии будет отказано.

Современная арбитражная практика в этом вопросе постепенно ужесточается. Суды все чаще требуют от заявителей не абстрактных опасений, а конкретных доказательств того, что непринятие обеспечительных мер действительно может затруднить или сделать невозможным исполнение будущего судебного акта. Простого предположения уже недостаточно — необходима убедительная фактическая база.

Проведенный анализ показывает, что система обеспечительных мер в делах о несостоятельности (банкротстве) представляет собой не просто набор разрозненных инструментов, а сложный, многоуровневый механизм, в котором переплетаются общие процессуальные кон-

струкции и специализированные элементы конкурсного права. Ее эффективность во многом определяется тем, насколько точно выбран вид обеспечительной меры с учетом стадии процедуры банкротства и специфики конкретного спора.

Современная судебная практика, особенно в делах о привлечении к субсидиарной ответственности и оспаривании сделок, постепенно смещается в сторону более строгих требований к обоснованности и соразмерности обеспечительных мер. Это позволяет снижать риски злоупотреблений и делает сам механизм более предсказуемым. Однако, несмотря на положительную динамику, остается очевидной необходимость дальнейшего совершенствования законодательства — прежде всего в части унификации процедур применения обеспечительных мер и усиления гарантий защиты прав тех лиц, в отношении которых они применяются.

Литература:

1. Величко В. В. Реализация обеспечительных мер по делам о банкротстве на примере стран ЕАЭС // Новый юридический вестник. 2020. № 2 (16). С. 11–13.
2. Ермаков А. А. Некоторые проблемы обеспечительных мер в практике арбитражного процесса // Молодой ученый. 2021. № 29 (371). С. 105–106. — URL: <https://moluch.ru/archive/371/83311>.
3. Карелина С. А. Система ограничений прав кредиторов как элемент механизма правового регулирования несостоятельности (банкротства) гражданина // Право и экономика. 2020. № 12. С. 35–44.
4. Новоселова Л. Обратное требование поручителя при банкротстве // Хозяйство и право. 2012. № 9. С. 3–17.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-18794/2021.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П // Российская газета. 2011. 11 февраля. № 29.
8. Смоленкова Е. Е. Обеспечительные меры в делах о банкротстве // Молодой ученый. 2024. № 35 (534). С. 131–133.
9. Суды признали банкротами 568 тыс. граждан в 2025 г. // Интерфакс. 2026. 26 января. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1069428>
10. Число россиян-банкротов превысило 2,2 млн человек // РБК. 2026. 26 января. URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/01/2026/69762dfa9a79475c617c508f>

Правовая природа и цели обеспечительных мер в арбитражном процессе и деле о банкротстве

Бородай Валерия Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается правовая природа обеспечительных мер как комплексного межотраслевого института процессуального права, который находит свое применение в арбитражном судопроизводстве и в рамках конкурсных правоотношений. Проводится анализ существующих в юридической науке подходов к определению сущности обеспечительных мер, выделяются их характерные черты, к числу которых относятся срочность применения, временный характер действия и превентивная направленность. Особое внимание в работе уделено изменению целевого назначения обеспечительных мер при переходе от традиционного искового производства к рассмотрению дел о несостоятельности (банкротстве).

Ключевые слова: обеспечительные меры, правовая природа, арбитражное судопроизводство, несостоятельность (банкротство), конкурсная масса, цели правового института, баланс интересов.

Институт обеспечительных мер в арбитражном процессе традиционно понимается как совокупность процессуальных инструментов, предназначенных для создания реальных предпосылок исполнения судебного акта в будущем [2, с. 142]. В отличие от мер юридической ответственности, применяемых вследствие уже совершенного правонарушения, обеспечительные меры имеют ярко выраженную превентивную природу. Их основная задача заключается в том, чтобы сохранить текущее положение сторон на период рассмотрения спора, фактически «зафиксировав» его. Это не позволяет ответчику распорядиться спорным имуществом либо иным способом осложнить или сделать невозможным исполнение будущего судебного решения. В этом смысле этот институт выступает важнейшей гарантией реализации права на судебную защиту, закрепленного в статье 46 Конституции Российской Федерации, поскольку без действенного механизма сохранения status quo (лат. — существующее положение, состояние, в котором находится что-либо в данный момент) само решение суда рискует остаться формальным.

При этом действующее законодательство не содержит четкого легального определения обеспечительных мер. В доктрине под обеспечительными мерами, как правило, понимается совокупность установленных судом правовых ограничений, применяемых по заявлению лиц, участвующих в деле, которые обладают срочным, временным и предупредительным характером и направлены на обеспечение исполнения будущего судебного акта либо предотвращение причинения значительного ущерба заявителю [3, с. 39]. Среди ключевых признаков данного института обычно выделяют его зависимость от основного требования (производный характер), оперативность рассмотрения заявлений (не позднее следующего дня с момента поступления), а также возможность их последующей отмены или замены при изменении фактических обстоятельств [3, с. 40].

Актуальность изучения правовой природы обеспечительных мер в рамках дел о банкротстве подтверждается и статистикой. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году арбитражными судами рассмотрено 38 825 заявлений о принятии обеспечительных мер, из которых удовлетворено 10 346, что составляет 26,6 %. При этом в делах о несостоятельности данный показатель существенно выше — около 58 %, что свидетельствует о повышенной значимости этого инструмента именно в конкурсных процедурах [2, с. 144]. Анализ структуры удовлетворенных заявлений показывает, что 62 % приходится на запрет совершения определенных действий (в первую очередь — проведения собраний кредиторов), 24 % составляют меры в виде ареста имущества, включая активы контролирующих лиц, и 1,5 % — приостановление реализации имущества должника [2, с. 145].

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что обеспечительные меры заняли устойчивое место в современной практике банкротства.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления изменения целей обеспечительных мер при переходе от классического искового производства к рассмотрению дел о банкротстве, где правовые конструкции приобретают иное содержание в силу коллективной природы конкурсных отношений. Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [4] существенно повлияло на подходы к применению обеспечительных мер, включая их использование в делах о несостоятельности, что требует дополнительного научного анализа.

Правовая природа обеспечительных мер в арбитражном процессе традиционно раскрывается через их цели и назначение. Так, статья 90 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) закрепляет два самостоятельных основания для их применения: во-первых, риск затруднения или невозможности исполнения судебного акта при их непринятии, и, во-вторых, необходимость предотвращения причинения значительного ущерба заявителю. Как отмечается в научной литературе, данные основания могут сочетаться и не исключают друг друга. Вместе с тем использование законодателем оценочных категорий, таких как «затруднение» или «значительный ущерб», с одной стороны, расширяет пределы судебного усмотрения, а с другой — создает сложности в обеспечении единообразия судебной практики [3, с. 42].

Особенностью арбитражного процесса по сравнению с гражданским судопроизводством является более широкий спектр обеспечительных мер. В статье 91 АПК РФ предусмотрены такие способы, как наложение ареста на имущество и денежные средства, запрет на совершение определенных действий, возложение обязанности совершить определенные действия, приостановление реализации имущества, а также иные меры, перечень которых является открытым. Особую значимость имеет возможность ареста имущества, находящегося у третьих лиц, если оно принадлежит ответчику. Данное положение приобретает особую актуальность в делах о банкротстве, где активы нередко оформляются на номинальных владельцев [1].

При разрешении вопроса о применении обеспечительных мер суды руководствуются критериями, сформированными судебной практикой. Так, пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 15 от 01.06.2023 устанавливает, что для их принятия заявителю достаточно обосновать разумные подозрения наличия соответствующих оснований. Речь идет о так называемом

пониженном стандарте доказывания, поскольку обеспечительные меры являются предварительным и ускоренным способом защиты. Соответственно, суд не вправе требовать доказательств в объеме, необходимом для разрешения спора по существу — достаточно подтвердить вероятность затруднения исполнения решения суда [4].

Важным условием выступает принцип соразмерности. В соответствии с пунктом 16 указанного Постановления обеспечительные меры должны быть непосредственно связаны с предметом спора и не выходить за его рамки. Так, например, арест всего имущества ответчика при незначительной цене иска может быть признан несоразмерным. Суд обязан учитывать баланс интересов сторон, не допуская ситуации, при которой применение обеспечительных мер фактически блокирует хозяйственную деятельность ответчика или нарушает права третьих лиц [4]. Это особенно важно в рамках дел о банкротстве, где чрезмерные ограничения могут привести к остановке функционирования предприятия.

Рассматривая специфику обеспечительных мер в делах о несостоятельности (банкротстве), следует отметить, что их правовая природа существенно трансформируется. В отличие от искового производства, где они направлены на защиту интересов конкретного истца, в конкурсном процессе их основная цель заключается в сохранении конкурсной массы, то есть имущества должника, предназначенного для удовлетворения требований всех кредиторов. Как отмечают исследователи, в таких условиях обеспечительные меры выступают механизмом предотвращения недобросовестных действий должника и контролирующих его лиц, направленных на вывод активов [3, с. 43].

Нормативное регулирование обеспечительных мер в делах о банкротстве базируется как на положениях АПК РФ, так и на специальных нормах Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В частности, статья 46 данного закона предусматривает возможность применения обеспечительных мер по правилам арбитражного процесса. При этом закон закрепляет и специальные виды таких мер, включая запрет на выплату дивидендов, ограничение по операциям с ценными бумагами, отстранение руководителя должника, а также запрет на проведение собраний участников [5, с. 13].

Особое значение имеет статья 61.16 Закона о банкротстве, предусматривающая возможность наложения ареста на имущество лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, а также на активы третьих лиц, находящихся под их контролем. Введение данной нормы в 2017 году существенно расширило инструментарий конкурсных управляющих, позволив эффективнее возвращать активы в конкурсную массу. В научной литературе справедливо подчеркивается, что данный механизм стал важным этапом развития практики привлечения контролирующих лиц к ответственности [1].

Особенности правовой природы обеспечительных мер проявляются и в процессуальном порядке их применения. Как правило, заявление рассматривается судом едино-

лично и без извещения сторон в кратчайшие сроки — не позднее следующего дня. Такая оперативность обусловлена необходимостью предотвращения возможного вывода активов. Вместе с тем пункт 5 статьи 61.16 Закона о банкротстве допускает рассмотрение заявления в судебном заседании с извещением сторон, что обеспечивает дополнительные гарантии защиты прав ответчика [5, с. 15].

Цели применения обеспечительных мер в делах о банкротстве можно условно разделить на несколько уровней. Прежде всего, это сохранение конкурсной массы путем наложения ареста и введения иных ограничений. Далее — обеспечение эффективного управления процедурой банкротства, включая возможность отстранения руководителя и ограничения действий участников. Важной задачей является создание условий для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, что достигается через арест их имущества.

Следует учитывать, что интересы участников процесса при этом не всегда совпадают. Для кредиторов обеспечительные меры выступают гарантией удовлетворения их требований, тогда как для должника они могут означать существенные ограничения в осуществлении хозяйственной деятельности. В этой связи Верховный Суд РФ подчеркивает необходимость соблюдения баланса интересов. В частности, пункт 14 Постановления № 15 указывает на недопустимость применения мер, полностью парализующих деятельность ответчика, и допускает возможность использования встречного обеспечения [4].

Встречное обеспечение представляет собой важный механизм защиты интересов ответчика. В соответствии со статьей 94 АПК РФ суд вправе обязать заявителя внести денежные средства на депозит либо предоставить банковскую гарантию для покрытия возможных убытков. В делах о банкротстве данный инструмент применяется реже, поскольку заявителями часто выступают конкурсные управляющие, действующие в интересах всех кредиторов. Однако при обращении отдельного кредитора суд может прибегнуть к данному механизму.

Существенной особенностью обеспечительных мер в банкротстве является возможность их распространения на имущество третьих лиц. Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 22 Постановления № 15, арест может быть наложен на имущество лиц, не являющихся ответчиками, если это прямо предусмотрено законом. В банкротстве таким основанием выступает статья 61.16 Закона о банкротстве, направленная на пресечение вывода активов на подконтрольные структуры или родственников [1].

Однако судебная практика устанавливает определенные пределы применения данной меры. Так, в Определении Верховного Суда РФ № 305-ЭС23-27424 по делу № А40-67702/2021 указано, что сам по себе факт родства не может служить основанием для ареста имущества. Необходимо наличие доказательств недобросовестного поведения, в частности передачи имущества безвозмездно

или по заниженной цене, а также отсутствия у третьего лица достаточных средств для его приобретения.

Временный характер обеспечительных мер также является важной характеристикой их правовой природы. Они действуют до тех пор, пока сохраняются основания для их применения, и могут быть отменены или заменены при изменении обстоятельств. Например, введение процедуры банкротства может повлечь замену обеспечительных мер специальными ограничениями, установленными законодательством.

Таким образом, анализ показывает, что обеспечительные меры в арбитражном процессе и в делах о банкротстве имеют как общие признаки (срочность,

временность, превентивная направленность), так и существенные отличия, обусловленные спецификой конкурсных отношений. В рамках искового производства они служат защите интересов конкретного лица, тогда как в банкротстве их основное назначение — сохранение конкурсной массы в интересах всех кредиторов. Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 15 от 01.06.2023 способствовало унификации подходов к применению обеспечительных мер, закрепив пониженный стандарт доказывания и критерии соразмерности. В дальнейшем развитие данного института должно быть связано с усилением гарантий защиты прав третьих лиц и совершенствованием механизмов встречного обеспечения.

Литература:

1. Анисимова О. Обеспечительные меры для активов третьих лиц в банкротстве: пределы и доказывание [Электронный ресурс] / О. Анисимова // ПРАВО.Ru. — 2024. — 15 октября. — URL: <https://pravo.ru/opinion/255490/> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Кучерявенко Н. П. Обеспечительные меры в делах о несостоятельности (банкротстве) / Н. П. Кучерявенко, Н. А. Терехов // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 7. — С. 142–143.
3. Михайлова В. И. Обеспечительный механизм реализации прав и законных интересов должника в процессе банкротства: узкий подход / В. И. Михайлова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 1. — С. 39–43.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 8.
5. Сидорова М. Обеспечительные меры в делах о привлечении к субсидиарной ответственности: спорные случаи и влияние нового постановления № 15 на практику / М. Сидорова // Экономика и Жизнь. — 2023. — № 28. — С. 12–15.

Перспективы развития системы управления служебной нагрузкой на судей

Дровалева Дарина Сергеевна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Эффективное управление служебной нагрузкой судей является одной из ключевых задач, определяющих оперативность и качество правосудия. Цель настоящей статьи — выявить и проанализировать направления, способствующие снижению служебной нагрузки на судей. Статья подготовлена в рамках написания магистерской диссертации на тему «Служебная нагрузка на судей: проблемы определения, оценки и оптимизации». В статье применялись общие и специальные методы познания (анализ и синтез, логический, специально-юридический), а также сравнительно-правовой метод исследования. В основу настоящей статьи легли нормы действующего российского законодательства Российской Федерации, а также труды учёных-правоведов: Гизатуллина И. А., Головки Л. В., Тарасова А. А. и других.

Ключевые слова: правосудие, нагрузка на судей, качество правосудия, уголовный процесс, управление нагрузкой на судей.

Судебная система занимает основополагающее место в функционировании любого правового государства, обеспечивая защиту прав и законных интересов как граждан, так и юридических лиц. Согласно отчету Председателя Верховного Суда от 19 февраля 2026 года, общее число рассмотренных дел по всем категориям превысило 34 миллиона [8]. Этот показатель свидетельствует о том, что судебная власть остается важным элементом, гарантирующим правовую стабильность и защиту гаран-

тированных государством прав, свобод, и законных интересов.

Ежегодно Верховный Суд России констатирует рост количества судебных разбирательств по различным категориям дел, в связи с чем актуальным остается вопрос регулирования уровня судебной нагрузки. От загруженности судей напрямую зависят оперативность и качество рассмотрения дел, что, в свою очередь, влияет на общий уровень доверия общества к системе правосудия.

Текущая нагрузка препятствует поддержанию прежних стандартов качества правосудия по уголовным делам и, тем более, их повышению. Судебный контроль на досудебной стадии теперь сопоставим по нагрузке с рассмотрением уголовных дел, то же касается производств, связанных с исполнением приговора. На 282 065 уголовных дел, оконченных в первом полугодии 2025 года по первой инстанции, приходится 1 269 809 рассмотрений представлений, ходатайств и жалоб [9]. Оценочно можно утверждать, что судебная нагрузка удваивается за счет судебного контроля, возможности обжалования промежуточных решений и производств, связанных с исполнением приговора.

Данная статья ставит целью определить ключевые направления управления служебной нагрузкой судей. Одним из очевидных путей является увеличение численности судейского корпуса, соразмерно росту объема рассматриваемых дел. Потребность в расширении штата также обусловлена усложнением судопроизводства. Например, возможность обжалования промежуточных судебных актов требует расширения штата не только проверочных инстанций, но и первой, поскольку отдельное оформление этого акта вместе с перспективой его обжалования и отмены занимают у судьи дополнительное время.

Следует обратить внимание, что, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, значительная часть судей с 20-летним стажем уходит в отставку, ссылаясь на высокую нагрузку (75 %) и профессиональное выгорание (37 %). Дефицит судейских кадров составляет 16 % (6 419 вакансий при 32 765 занятых должностях) с тенденцией к ежегодному росту [4]. Попытки справиться с возросшим объемом дел неизменным штатом могут приводить к затягиванию сроков, увеличению числа судебных ошибок, отмене судебных актов, снижению доступности и прозрачности правосудия. При этом расходы на систему юстиции уже превышают 2,5 % от всех государственных расходов [2].

Правоведы предлагают два основных направления реформирования для снижения судебной нагрузки: совершенствование нормативного регулирования процессуальной деятельности и внедрение информационных технологий.

Для снижения нагрузки на судей в уголовном процессе возможно введение института следственного судьи. Анализ юридической литературы показывает, что на одного дежурного судью в неделю приходится до 20–25 хода-

тайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и до 10 уведомлений о производстве следственных действий без получения судебного решения, что позволяет снизить нагрузку примерно на 30 контрольных мероприятий [7].

Перспективным направлением оптимизации судебной нагрузки является использование согласительных и примирительных процедур, таких как медиация. Основания для применения медиации должны определяться категориями преступлений, относительно которых она может осуществляться, что диктует конкретные условия применения этой процедуры (например, совершение преступления впервые, полное возмещение вреда, причиненного преступлением) [5].

К цифровым инструментам снижения судебной нагрузки относятся передовые достижения в области цифровизации. Искусственный интеллект может быть задействован в редактировании документов. Популярность чат-ботов и ChatGPT открывает возможности их применения для генерации проектов судебных решений, как было продемонстрировано на VIII Петербургском международном юридическом форуме, где речь шла о «судебном роботе». Несмотря на примитивность ранних наборок, вектор развития технологий положителен.

Системы, основанные на искусственном интеллекте, способны автоматически анализировать массив судебных решений, выявлять закономерности, классифицировать дела по различным критериям (например, по отраслям права, типам споров, инстанциям) и идентифицировать прецеденты. Такая системная обработка данных позволяет снижать временные затраты на изучение судебной практики, повышая качество судебных актов.

Таким образом, анализ уровня судебной нагрузки является неотъемлемой частью оценки эффективности судебной системы. Решение проблемы судебной нагрузки требует комплексного подхода, сочетающего организационные, правовые и технологические меры. Необходимо не только увеличить численность судей, но и создать действенные механизмы по снижению нагрузки, повышению эффективности судопроизводства и улучшению условий труда судей. Только так можно гарантировать, что судебная система будет в полной мере выполнять свою миссию по обеспечению верховенства права и защите интересов граждан в условиях современной России.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Дата обращения: 03.06.2026).
2. Федеральный закон от 30.11.2024 N 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/ (Дата обращения: 05.06.2026).
3. Бояринцев А. А. Законодательство об особом порядке судебного разбирательства: эволюция или возвращение к истокам? // Российская юстиция. 2020. N 12. С. 45–48 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=133754&cacheid=54A072F76CD6E038B0F1BF8D1DF5D0FA&mode=sp&lus&rnd=gwSBKg#rxv1BQVARs8jSvB7> (Дата обращения: 05.06.2026).

4. Гизатуллин И. А. Судебная нагрузка в российской системе правосудия и способы ее оптимизации // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, N 2. С. 112–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-nagruzka-v-rossiyskoy-sisteme-pravosudiya-i-sposoby-ee-optimizatsii/viewer> (Дата обращения: 04.06.2026).
5. Головкин Л. В. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития // Закон. 2024. N 4. С. 25–32. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=C-JI&n=12744&rnd=FTSGXQ#Bt94BQVLFyfmobIB> (Дата обращения: 04.06.2026).
6. Шарипова А. Р. Изменение качества правосудия: факторы и перспективы // Журнал российского права. 2025. N 9. С. 131–141. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=C-JI&n=160515&cacheid=C93F448C1E02ADB983701FFC6FDC2B66&mode=splus&rnd=gwSBKg#QFT4BQV-1VrQIWKC6> (Дата обращения: 05.06.2026).
7. Шарифуллин Р. А., Бурганов Р. С., Бикмиев Р. Г. Проблемы и перспективы создания института следственного судьи в уголовном процессе России // Мировой судья. 2020. N 5. С. 16–21. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=129432&cacheid=83486AD1E16D121A9B29AF6B66874402&mode=splus&rnd=gwSBKg#4VO5BQVM7m4Q5uqR1> (Дата обращения: 05.06.2026).
8. Доклад Председателя Верховного Суда на итоговом совещании за 2025 год от 19 февраля 2026 года // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=880621&cacheid=1E-075C8AFA8B93B34DE7ACABAF65ED28&mode=splus&rnd=gwSBKg#OKI5BQVYncnw71No1> (Дата обращения: 05.06.2026).
9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2025 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 03.06.2026).

Особенности квалификации преступлений против интересов службы в коммерческих организациях

Ковешникова Ангелина Ивановна, студент

Научный руководитель: Ключенко Лариса Николаевна, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

Статья посвящена уголовно-правовому анализу преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях, предусмотренных главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором рассматриваются понятие и содержание интересов службы, круг субъектов указанных преступлений, а также доктринальные классификации составов. Особое внимание уделяется проблемам квалификации, возникающим при разграничении преступлений против интересов службы в коммерческих организациях со смежными составами.

Ключевые слова: интересы службы, коммерческие организации, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, превышение полномочий.

Актуальность выбранной темы обусловлена конституционным принципом многообразия форм собственности и их равной защитой, включая частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности. Деяния, посягающие на интересы службы в коммерческих организациях, одновременно затрагивают и экономические отношения (подрывая стабильность имущественного оборота и влияя на конкуренцию), и управленческие отношения (в части принципов законности и запрета коррупции) [1, с. 262].

В прямом понимании преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях определяются как коррупционные преступления в негосударственном экономическом секторе. Однако такой подход слишком узок, поэтому корректнее рассматривать дефи-

ницию в широком понимании как общественно опасные деяния, нарушающие установленный порядок функционирования коммерческих и иных организаций, совершённые из корыстных побуждений и повлёкшие существенное нарушение прав и охраняемых законом интересов общества. Термин «иные организации» используется для обозначения некоммерческих организаций, не преследующих извлечение прибыли в качестве основной цели [5, с. 10]. Важно подчеркнуть, что законодатель проводит чёткое разграничение между преступлениями против государственной службы (глава 30 УК) и преступлениями против службы в коммерческих организациях (глава 23 УК).

Содержание термина «интересы службы» раскрывается через совокупность законных прав и интересов самой организации как юридического лица. Несмотря на

то, что основной целью коммерческих организаций является прибыль, их интересы гораздо шире. Так, в них входит полноценное участие в правовых отношениях, стабильное функционирование в экономической деятельности и обеспечение баланса интересов между учредителями, сотрудниками и контрагентами. Кроме того, общей чертой интересов коммерческих и некоммерческих организаций является то, что руководители и сотрудники должны добросовестно выполнять свои обязанности, не используя свои полномочия в противоправных целях.

Субъектами данных посягательств признаются исключительно лица, наделённые организационно-распорядительными либо административно-хозяйственными полномочиями, например генеральные директора, члены правления, руководители структурных подразделений, главные бухгалтеры, так как именно они принимают юридически значимые решения для организации. Однако если работник принимает решения, обязательные для других сотрудников, распоряжается имуществом организации, осуществляет контроль за финансово-хозяйственной деятельностью, то он тоже признаётся субъектом преступлений главы 23, независимо от того, считается ли его должность руководящей или нет.

Доктрина уголовного права предлагает классифицировать эти преступления, опираясь на статьи Уголовного кодекса, исходя из характера деяний, и делит их на четыре категории. Так, к первой категории относятся злоупотребительские составы. В этом случае руководитель действует в рамках своих формальных полномочий, но направляет их в ущерб интересам организации. Ко второй категории — специальные профессиональные составы, совершаемые частными нотариусами и аудиторами, злоупотребляющими своими функциями. Третья категория также имеет профессиональный уклон, но отмечает превышение полномочий работником частной охранной организации или частным детективом, которые выходят за рамки, установленные законодательством и должностными обязанностями. И к четвертой категории относятся так называемые коррупционные составы, такие как коммерческий подкуп, посредничество в нём, а также отдельно выделенный мелкий подкуп [2, с. 15]. Вместе с тем каждая из указанных категорий имеет ряд проблем на практике, рассмотрим основные из них применительно к каждой статье главы 23 УК РФ.

Наиболее спорным вопросом остается ограничение злоупотребления полномочиями (статья 201 УК РФ) от мошенничества (статья 159 УК РФ) [3, п. 12]. Ключевым моментом здесь является способ причинения вреда. Так, если лицо, выполняющее управленческие функции, фактически изымает имущество из фонда организации, то деяние должно рассматриваться как хищение путем мошенничества, а не как злоупотребление. В свою очередь злоупотреблением будет считаться, к примеру, причинение вреда путем заключения заведомо невыгодного для организации договора.

Специфика квалификации злоупотребления полномочиями частными нотариусами и аудиторами (статья

202 УК РФ) обусловлена бланкетным характером диспозиции данной нормы и для установления противоправности деяния необходимо обращаться к специальным нормам. Однако проблематика не исчерпывается этим, так как статья 202 УК РФ вступает в конкуренцию не только с общей нормой статьи 201 УК РФ, но и с должностными составами (глава 30 УК), а также со смежными нормами, предусматривающими ответственность за фальсификацию доказательств и подделку документов (статьи 303, 327 УК РФ). Так, если частный нотариус удостоверяет заведомо подложную сделку, возникает вопрос: следует ли расценивать его действия как злоупотребление полномочиями (статья 202 УК), как соучастие в мошенничестве (статья 159 УК) либо как подделку документов (статья 327 УК)? На практике для того, чтобы найти ответ на данный вопрос, необходимо установить, была ли специальная цель — извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесение вреда. При установлении такой цели и существенном нарушении прав применяется статья 202 УК, если специальной цели не было, но установлено наличие умысла на удостоверение подложных документов, содеянное подлежит квалификации по иным нормам [4, с. 52].

Квалификация превышения полномочий частными охранниками и детективами (статья 203 УК РФ) сталкивается с серьёзными трудностями, обусловленными необходимостью доказывания субъективной стороны преступления, так как обязательным является осознание лицом того факта, что оно действует за пределами предоставленных ему полномочий. Однако на практике установление данного элемента крайне затруднительно, поскольку деятельность частных охранников и детективов зачастую сопряжена с быстро меняющейся обстановкой и необходимостью принятия мгновенных решений, особенно при пресечении правонарушений или задержании лиц. В таких ситуациях работники частных охранных организаций нередко ссылаются на состояние необходимой обороны или крайней необходимости, утверждая, что их действия были вынужденными и направленными на защиту жизни и здоровья граждан либо имущества. Тогда квалификация по статье 203 УК РФ допустима лишь при отсутствии реальной угрозы охраняемым интересам и при осознании субъектом выхода за пределы своих полномочий. В тех случаях, когда угроза существовала, деяние подлежит оценке по правилам необходимой обороны (статья 37 УК РФ), исключающим применение статьи 203 УК [3, п. 9].

В свою очередь квалификация коммерческого подкупа (статья 204 УК РФ) сопряжена с необходимостью установления корыстной цели и незаконного характера передачи имущественных интересов, что часто создает трудности на практике, поскольку эти действия очень похожи на обычные деловые отношения, распространенные в предпринимательской среде. Ключевым здесь является то, обусловлена ли передача благ совершением конкретных действий (бездействия) в интересах передающей стороны, независимо от стоимости переданного. При этом законо-

датель дифференцирует ответственность в зависимости от размера незаконного вознаграждения, выделяя в самостоятельный состав мелкий коммерческий подкуп (статья 204.2 УК РФ) [3, п. 10], что требует от правоприменителя точного определения стоимости предмета подкупа и установления наличия либо отсутствия единого умысла при множественных передачах.

Таким образом институт преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях для правильной квалификации и корректного разграничения от смежных состав требует не только формальное применение норм, но и глубокого анализа всех обстоятельств конкретного дела, а также расширения практического толкования отдельных случаев.

Литература:

1. Каменева, А. Н. Актуальные тенденции совершенствования законодательства и практики применения норм об ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях по статьям 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации / А. Н. Каменева. — Текст: электронный // Пробелы в российском законодательстве. — 2021. — № 5. — С. 262–267.
2. Максимов, А. Г. Проблемы реализации принципа гуманизма при освобождении от уголовной ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях / А. Г. Максимов. — Текст: электронный // Журнал прикладных исследований. — 2024. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-realizatsii-printsipa-gumanizma-pri-osvobozhdenii-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-prestupleniya-protiv-interesov-sluzhby-v> (дата обращения: 21.07.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)». — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/ (дата обращения: 21.07.2026).
4. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: научно-практический комментарий к главе 23 Уголовного кодекса Российской Федерации / О. А. Беляева, С. В. Борисов, В. М. Волошин [и др.]; под редакцией И. И. Кучерова, О. А. Зайцева, С. Л. Нуделя. — Москва: Проспект, 2022. — 136 с. — ISBN 978–5–392–37336–9. — Текст: непосредственный.
5. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина; под научной редакцией А. И. Чучаева. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 468 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–12079–0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/589950> (дата обращения: 21.07.2026).

Правовой статус политических партий в Российской Федерации

Комаров Данил Павлович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируется правовой статус политических партий в Российской Федерации.

Ключевые слова: политическая партия, правовой статус, общественное объединение, регистрация партий.

В Федеральном законе от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» законодательно определено, что политическая партия — это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления [1].

Политические партии всегда преследуют определенные цели и связанные с этими целями задачи: формирование общественного мнения; политическое образование и вос-

питание граждан; выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти [2]. Партия определяет свои задачи в соответствии с целями, которые ей поставлены. Эти задачи могут быть представлены следующим образом: объединение различных интересов граждан, социальных слоев и заинтересованных групп в единую политическую цель; представление различных политических курсов на законных основаниях в рамках существующей конституционной системы; участие в формировании политической и правовой культуры общества; открытая конкурентная борьба за политическую власть; достижение уставных целей и задач.

Политические партии в современном обществе выполняют несколько функций, которые позволяют им служить интересам общества. К основным функциям можно отнести: политическую (стремление овладеть государственной властью); представительскую (сведение воедино интересов населения); социализирующую (усиление политической активности населения); электоральную (участие в избирательных кампаниях); контролирующую (предотвращение узурпации власти). Для выполнения своих функций политические партии используют предвыборную борьбу, которая включает в себя выдвижение кандидатов в законодательные органы и правительство.

По идейным признакам выделяются либеральные, консервативные, социал-демократические, коммунистические, националистические, клерикальные и монархические партии. По признаку отношения к власти — правящие и оппозиционные партии. По критерию численности — кадровые и массовые партии [3]. Программы различных партий изучаются гражданами, которые соотносят их цели и задачи со своими интересами и ценностями, и в зависимости от этого начинают поддерживать или не поддерживать деятельность той или иной партии. Таким образом, граждане становятся полноправными участниками политической жизни государства и повышают свою правовую культуру [4].

Для создания политической партии основным способом является созыв учредительного съезда, а также возможна ее реорганизация из другой политической партии. Для подготовки, созыва и проведения учредительного съезда необходимо образовать организационный ко-

митет, в котором должно быть не менее 10 человек. Делегаты для проведения учредительного съезда выбираются на собраниях сторонников создаваемой политической партии, которые организует комитет. Организационный комитет действует до проведения учредительного съезда, срок его полномочий может составлять до одного года [6].

Для того чтобы быть зарегистрированной, политическая партия должна соответствовать основным требованиям: наличие региональных отделений в не менее чем половине субъектов Российской Федерации, причем в каждом субъекте может быть создано только одно отделение данной партии; минимальное количество членов политической партии — не менее пятисот человек. Также уставом политической партии могут быть установлены требования к минимальной численности членов в ее региональных отделениях [7].

Деятельность политической партии может быть приостановлена при нарушении федерального законодательства. Предупреждение выносится Министерством юстиции с указанием срока для устранения нарушений (не менее двух месяцев). При неустранении нарушений деятельность партии может быть приостановлена на срок до шести месяцев решением Верховного Суда Российской Федерации [1]. Ликвидация партии возможна только по решению съезда либо Верховного Суда.

В целях совершенствования правового регулирования статуса политических партий представляется необходимым: укрепление внутрипартийной демократии; обеспечение прозрачности финансовой деятельности; улучшение механизмов ответственности за нарушения законодательства.

Литература:

1. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 05.12.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. (дата обращения: 22.07.2026).
2. Зотова З. М. Политические партии и избирательный процесс: учебное пособие. — М.: РЦОИТ, 2002. — 173 с.
3. Вахтанов А. В. Классификация политических партий // Актуальные проблемы публичного права: сборник научных трудов. — Владимир: КопиА-Сервис, 2022. — С. 45–48.
4. Курочкин А. В. Правовые источники, регулирующие статус политических партий в современной России // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2013. — № 1. — С. 14–17.
5. Долгих Ф. Правовое регулирование создания политических партий в России и Казахстане // Сравнительное конституционное обозрение. — 2016. — № 4(113). — С. 92–106.
6. Гайсина А. В. Политические партии и партийная система России // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2019. — № 25(2). — С. 63–71.

Использование биометрии в банковских операциях: баланс между технологическим прогрессом и защитой персональных данных

Кочура Анастасия Александровна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Цифровая трансформация стала неотъемлемым атрибутом современной экономики, затронув все её

ключевые сегменты. Наиболее интенсивно процессы автоматизации и внедрения элементов искусственного ин-

теллекта протекают в финансовой сфере, где стремительное развитие технологий идентификации личности привело к широкому применению биометрических систем. Измерение уникальных физических и поведенческих характеристик человека сегодня активно интегрируется в банковские сервисы, существенно изменяя модели взаимодействия с клиентами.

Однако стремительный технологический прогресс традиционно обгоняет формирование адекватной нормативно-правовой базы, что особенно остро проявляется в сфере оборота персональных данных. Биометрические показатели — отпечатки пальцев, геометрия руки, рисунок радужной оболочки и сетчатки глаза, голосовые волны, подписи и черты лица — используются для упрощения аутентификации и идентификации [1]. Их принципиальная особенность заключается в неизменности: в отличие от паролей или документов, биометрические характеристики невозможно оперативно заменить в случае компрометации.

В российской правовой традиции дефиниция биометрических данных закреплена в ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ, где они определяются как сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности, позволяющие установить личность [2]. Разъяснения Роскомнадзора и Письмо Минцифры России от 28 августа 2020 г. № ЛБ-С-074–24059 уточняют критерии отнесения информации к биометрической, включая анализы ДНК, рост, вес, фото- и видеоматериалы, если они позволяют идентифицировать конкретного человека.

Финансовые учреждения активно используют биометрию в процедурах аутентификации клиентов, руководствуясь положениями 152-ФЗ. Сканеры отпечатков пальцев, системы распознавания голоса и лица позволяют банкам обеспечивать высокую скорость и надёжность обслуживания. Важной вехой стал 2018 год, когда по инициативе Минцифры и Банка России при участии «Ростелекома» была создана Единая биометрическая система (ЕБС). Она обеспечила переход ряда услуг в цифровой формат: дистанционное открытие счетов и вкладов, оплату по лицу, внедрение биометрических банкоматов. Несмотря на законодательное требование передачи данных в ЕБС, лишь ограниченный круг кредитных организаций — ВТБ, Почта Банк, Тинькофф, Совкомбанк, Промсвязьбанк и Россельхозбанк — в полной мере предлагают соответствующие услуги.

Особого внимания заслуживает внедрение биометрической платёжной системы в розничной торговле и банкоматах, позволяющей проводить операции без

пластиковых карт. Это решение повышает удобство и безопасность, поскольку подделать уникальный отпечаток пальца крайне затруднительно. По состоянию на начало 2024 года количество пользователей ЕБС достигло 1 млн человек, причём наибольший прирост зафиксирован в 2023 году [3]. Кроме того, биометрические технологии проникают в транспортную инфраструктуру: в рамках целевой программы «Цифровая платформа транспортного комплекса Российской Федерации» [4] в московском метрополитене внедрена система FacePay. Пассажир привязывает фотографию к банковской карте в мобильном приложении, и оплата происходит при взгляде в камеру турникета. Система корректно распознаёт лицо даже при частичном перекрытии (очки, маска, головной убор). Несмотря на антиковидный и удобный характер инновации, часть пользователей выражает сомнения в её надёжности.

Главной проблемой остаётся отсутствие унифицированных механизмов защиты биометрических данных. На международной онлайн-конференции 2021 года Президент РФ В. В. Путин подчеркнул необходимость формирования единой государственной системы биометрической идентификации и создания целостного нормативного регулирования [5]. Результатом стал Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ, положивший начало масштабной реформе в данной области.

Нельзя не учитывать, что несанкционированное использование биометрии представляет серьёзную угрозу правам граждан. В отличие от традиционных идентификаторов, утечка таких данных открывает злоумышленникам практически неограниченный доступ к финансовым продуктам и имуществу жертвы, позволяя совершать сделки без дополнительного подтверждения личности. Нарушения в этой сфере квалифицируются как административные или уголовные деяния.

Таким образом, внедрение биометрической идентификации в финансовом секторе является стратегическим направлением цифровизации и повышения безопасности банковских операций. Однако успешная реализация этого процесса невозможна без системной работы по двум направлениям: технологическому (совершенствование средств защиты данных и обучение персонала) и правовому (разработка чётких стандартов и законодательных норм). Эффективный регулирующий каркас должен охватывать всех участников рынка и включать механизмы ответственности за нарушения, что позволит минимизировать риски злоупотреблений, укрепить доверие клиентов и обеспечить устойчивое развитие банковской системы.

Литература:

1. Карцан И. Н. (2023). Биометрические данные: новые возможности и риски. Современные инновации, системы и технологии — *Modern Innovations, Systems and Technologies*, 3(3), 0201—0211. <https://doi.org/10.47813/2782-2818-2023-3-3-0201-0211>
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31

3. В Единой биометрической системе зарегистрировался 1 млн россиян // Известия, 25.02.2024. <https://iz.ru/1655375/2024-02-25/v-edinoi-biometricheskoi-sisteme-zaregistrirovalsia-1-mln-rossiian>
4. Информационно-аналитический материал к заседанию «круглого стола» на тему «Цифровая платформа транспортного комплекса Российской Федерации». <http://council.gov.ru/media/files/ANZ6MydNrvO7tZFA5LxUreQVf-w7R92yFpdf>
5. Конференция по искусственному интеллекту // Президент РФ. <http://kremlin.ru/events/president/news/67099>

Банкротство физических лиц: проблемы теории и практики

Мозговенко Андрей Владимирович, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена анализу современных проблем института банкротства физических лиц в России на основе законодательных изменений 2023–2025 годов и актуальной судебной практики. Рассматриваются вопросы соотношения судебных и внесудебных процедур признания несостоятельности, злоупотребления правом со стороны должников, роли финансовых управляющих. Анализируется статистика банкротств граждан, выявляются факторы резкого роста числа процедур, оценивается эффективность реструктуризации долгов. Определены основные проблемы правоприменения — затягивание сроков рассмотрения дел, низкая доля утверждаемых планов реструктуризации, неоднородность судебных подходов к вопросу сохранения единственного жилья должника. Особое внимание уделено явлению «невынужденных банкротств», фиксируемому регулятором, когда граждане инициируют процедуру несостоятельности, имея объективную возможность обслуживать обязательства. Предложены направления совершенствования законодательного регулирования и усиления контроля за добросовестностью участников процедуры.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, несостоятельность граждан, злоупотребление правом, реструктуризация долгов, финансовый управляющий, внесудебное банкротство, судебная практика.

Bankruptcy of individuals: problems of theory and practice

The article is devoted to the analysis of modern problems of the institution of bankruptcy of individuals in Russia based on legislative changes of 2023–2025 and current judicial practice. The issues of the relationship between judicial and extrajudicial procedures for recognizing insolvency, abuse of rights by debtors, and the role of financial managers are considered. The statistics of bankruptcies of citizens are analyzed, factors of a sharp increase in the number of procedures are identified, and the effectiveness of debt restructuring is assessed. The main problems of law enforcement have been identified — delays in consideration of cases, a low share of approved restructuring plans, heterogeneity of judicial approaches to the issue of preserving the debtor's only housing. Special attention is paid to the phenomenon of “involuntary bankruptcies” recorded by the regulator, when citizens initiate insolvency proceedings while having an objective opportunity to service their obligations. Directions for improving legislative regulation and strengthening control over the conscientiousness of procedure participants are proposed.

Keywords: bankruptcy of individuals, insolvency of citizens, abuse of rights, debt restructuring, financial manager, extrajudicial bankruptcy, judicial practice.

Масштабы несостоятельности в персональном сегменте

Последние три года институт банкротства физических лиц демонстрирует взрывной рост. По данным Федерсурса, в 2025 году в судебном порядке статус банкрота получили 567 997 граждан, что на 31,5 % превышает показатели 2024 года [1]. Внесудебная процедура через многофункциональные центры охватила 68 311 должников, прирост здесь составил 22,9 % [2]. Совокупное число финансово несостоятельных россиян, начиная с 2015 года, превысило 2,2 миллиона человек — цифра, которая фиксирует не просто статистический всплеск, но масштабную

трансформацию отношений между гражданами и кредитными организациями.

В 2023 году было возбуждено около 399 675 дел о банкротстве граждан, тогда как в 2021-м их насчитывалось всего 226 625 [3]. Рост носит устойчивый характер и не замедляется даже при ужесточении макроэкономических условий — высокой ключевой ставке, снижении реальных доходов населения, росте проблемной задолженности. Напротив, именно эти факторы, по оценке аналитиков, подталкивают должников к формальному признанию неплатежеспособности.

Доля банкротств относительно общего числа заемщиков увеличилась с 0,8 % в 2023 году до 1,3 % в 2025 году

[4]. При этом Банк России фиксирует, что значительная часть этих процедур носит «невынужденный» характер: граждане инициируют банкротство, несмотря на объективную возможность продолжать обслуживать обязательства. Причины — в незнании последствий, агрессивной рекламе «раздолжителей», обещающих гарантированное списание долгов. Многие не понимают: банкротство резко снижает шансы на получение новых кредитов и накладывает ограничения на трудовую деятельность.

Еще один тревожный сигнал — рост доли проблемной задолженности по необеспеченным потребительским кредитам до 13,1 % на 1 апреля 2026 года. Часть этого роста эксперты связывают именно с распространением услуг компаний, обещающих упрощенное избавление от долгов. В условиях, когда процедура банкротства становится рутинной и доступной, у недобросовестных заемщиков появляется соблазн моделировать дефолт, не исчерпав возможности погашения.

Однако не все процедуры завершаются освобождением от долгов. За первое полугодие 2025 года, по данным Федресурса, удовлетворено требований кредиторов всего на 61,36 млрд рублей при включенных в реестр обязательствах на 9 008,77 млрд рублей [1]. Доля удовлетворения составляет около 6,75 % — показатель, свидетельствующий о том, что у большинства признанных банкротами граждан либо отсутствует ликвидное имущество, либо оно успешно выведено до инициирования процедуры.

Судебные и внесудебные форматы: структурный дисбаланс

Внесудебное банкротство через МФЦ, введенное в 2020 году и существенно расширенное в 2023–2024 годах, по замыслу законодателя должно было стать массовым инструментом реабилитации малоимущих граждан. Однако динамика его использования неоднородна. В 2024 году после расширения доступа к процедуре для пенсионеров поток заявлений вырос в 3,5 раза по сравнению с 2023-м [1]. В 2025 году темпы роста нормализовались — плюс 22,9 %, что все равно значительно, но не сопоставимо с взрывом годом ранее.

Внесудебный формат предполагает освобождение от долгов в течение шести месяцев после подачи обращения при соблюдении ряда условий:

- сумма задолженности — от 25 тысяч до 1 миллиона рублей;
- завершение исполнительного производства в связи с отсутствием у гражданина имущества для погашения;
- отсутствие у должника дохода, достаточного для обслуживания обязательств;
- единственное жилье должника не может быть реализовано.

На практике эти ограничения создают жесткий фильтр. Значительная часть заемщиков либо превышает лимит задолженности, либо формально имеет доход, что исключает их из числа претендентов. Су-

дебная процедура в этом смысле универсальнее: она доступна при любом размере долга, хотя обязывает должника нести расходы на финансового управляющего (фиксированное вознаграждение — 25 тысяч рублей) и публикацию сведений в Федресурсе [5].

Впрочем, именно судебная процедура остается доминирующей по числу завершенных дел. В 2025 году соотношение судебных и внесудебных банкротств составило примерно 9:1 [2]. Причина — в реалиях задолженности. Средний размер долга гражданина, обращающегося в суд, существенно превышает 1 миллион рублей, что автоматически исключает возможность упрощенного формата.

Закон допускает обращение гражданина в суд и с небольшим долгом, если налицо признаки неплатежеспособности. Однако статистика показывает, что должники с задолженностью менее 500 тысяч рублей чаще выбирают путь через МФЦ, если формально подходят под критерии. Проблема в том, что внесудебная процедура не предусматривает участия независимого арбитражного управляющего, который мог бы выявить злоупотребления и защитить интересы кредиторов. Здесь доминируют полномочия должника, что создает риски несбалансированности.

Реструктуризация долгов: формальность или реальный инструмент?

Процедура реструктуризации долгов гражданина, предусмотренная статьей 213.12 Федерального закона № 127-ФЗ, призвана предоставить должнику возможность восстановить платежеспособность без реализации имущества [6]. План реструктуризации утверждается собранием кредиторов и судом, после чего должник получает отсрочку и возможность погасить задолженность в течение трех лет по измененному графику.

На бумаге механизм выглядит логичным. Практика, однако, демонстрирует иное. За весь 2023 год судами было утверждено всего 675 планов реструктуризации долгов граждан. В 2024-м этот показатель вырос до 1 365 планов — рост почти вдвое [3]. За январь–октябрь 2025 года утверждено уже 2 342 плана, что в 2,3 раза больше, чем за аналогичный период предыдущего года [7]. Абсолютный рост впечатляющий, но относительная доля утвержденных планов в общей массе банкротных дел остается ниже 1 %, а в структуре самих процедур реструктуризации — менее 34 %.

Почему планы утверждаются так редко? Основная причина — в отсутствии у должника стабильного дохода, достаточного для погашения даже части обязательств. Реструктуризация предполагает, что гражданин продолжает работать, получает зарплату или иной доход, из которого формируются платежи кредиторам. Однако значительная часть банкротов к моменту подачи заявления в суд либо утрачивает постоянную занятость, либо скрывает реальные доходы. Суды и финансовые управляющие фиксируют: должник формально числится безработным, но

продолжает вести привычный образ жизни, что указывает на наличие неофициальных источников.

Кредиторы, со своей стороны, часто голосуют против утверждения плана, справедливо полагая, что должник не выполнит обязательства и процедура завершится переходом к реализации имущества. В этом случае реструктуризация превращается в формальную стадию, затягивающую процесс и увеличивающую издержки. Эксперты оценивают позитивную динамику 2024–2025 годов как сигнал, что каждое утверждение плана — индикатор желания и возможности должника расплатиться, не прибегая к распродаже активов [3]. Но общая картина остается неоднородной.

Максимальный срок реструктуризации долгов — три года. В исключительных случаях, когда гражданин демонстрирует добросовестность и прилагает усилия к погашению, суд может продлить этот период. Однако длительные сроки работают против должника: процентные обязательства продолжают нарастать, изменение экономической ситуации может лишить его заработка. Статистика показывает, что большинство процедур реструктуризации оканчиваются ничем, подтверждая формальный характер этой стадии [3].

Злоупотребление правом: типология и противодействие

Институт банкротства физических лиц изначально задумывался как реабилитационный — механизм «второго шанса» для граждан, попавших в тяжелую финансовую ситуацию. На практике он стал объектом активных манипуляций. Злоупотребление правом со стороны должников — одна из центральных проблем, которую фиксирует судебная практика последних лет.

Наиболее распространенные схемы включают:

- вывод ликвидных активов до подачи заявления о банкротстве (продажа недвижимости, автомобилей, перевод денежных средств родственникам);
- создание фиктивной задолженности перед аффилированными лицами для включения их в реестр кредиторов и контроля процедуры;
- заключение брачных договоров, алиментных соглашений, направленных на вывод имущества из конкурсной массы;
- вложение средств в дорогостоящее единственное жилье, защищенное исполнительским иммунитетом [8].

Последний прием особенно популярен в практике недобросовестных заемщиков. Гражданин, предвидя банкротство, продает несколько объектов недвижимости, скупает на вырученные средства единственное жилье завышенной площади и стоимости, после чего обращается в суд. Формально такое жилье не может быть включено в конкурсную массу, поскольку статья 446 Гражданского процессуального кодекса РФ защищает единственное пригодное для проживания помещение. Кредиторы остаются без удовлетворения требований, должник — с комфортным жильем.

Судебная практика здесь постепенно ужесточается. В определении Верховного Суда РФ от 26 июня 2024 года № 304-ЭС23–25261 был сделан акцент на учете фактического места проживания гражданина и возможности предоставления исполнительского иммунитета [9]. Если установлено, что должник фактически не проживает в заявленном единственном жилье или его стоимость явно несоразмерна разумным потребностям, суд вправе включить объект в конкурсную массу. Однако единообразия в принятии решений пока нет. Суды разных округов применяют различные критерии «разумности», что создает правовую неопределенность.

Противодействие злоупотреблениям строится на нескольких уровнях. Первый — оспаривание сделок, совершенных должником в преддверии банкротства. Закон предусматривает возможность признания недействительными сделок, заключенных в течение трех лет до подачи заявления, если они совершены с целью причинения вреда кредиторам [6]. Второй — отказ в освобождении должника от обязательств. Если суд установит, что гражданин предоставил заведомо ложные сведения, скрыл имущество или умышленно создал неплатежеспособность, он вправе не применить правило об освобождении [10].

На практике отказ в освобождении остается исключением. По данным судебной статистики, доля таких решений не превышает 5–7 % от общего числа завершенных процедур. Это согласуется с реабилитационной функцией персонального банкротства. Но означает ли это, что злоупотреблений мало? Напротив. Большинство манипуляций проходят незамеченными либо в силу пассивности кредиторов, либо в силу недостаточной проработки дела финансовым управляющим.

Роль и проблемы финансовых управляющих

Финансовый управляющий — ключевая фигура в процедуре банкротства гражданина. Его полномочия включают:

- инвентаризацию и оценку имущества должника;
- выявление сделок, подлежащих оспариванию;
- формирование и реализацию конкурсной массы;
- представление интересов кредиторов;
- подготовку заключения о добросовестности должника [5].

Объем работы значительный, компетенции требуют юридической, экономической и бухгалтерской подготовки. Вознаграждение — 25 тысяч рублей за процедуру. Эта сумма установлена законом и не менялась с момента введения института банкротства физических лиц. Инфляция, рост числа процедур, усложнение дел — ничто не повлияло на пересмотр фиксированного размера [11].

Результат предсказуем: низкая мотивация управляющих к качественному выполнению обязанностей. Практика фиксирует многочисленные случаи, когда управляющий формально проводит инвентаризацию, не

углубляясь в выявление скрытых активов, не оспаривает подозрительные сделки, не проверяет достоверность сведений, предоставленных должником. При такой модели поведения процедура завершается быстро, с минимальными трудовыми затратами, но и с нулевым результатом для кредиторов.

Более того, возникает соблазн сговора между управляющим и должником. Последний заинтересован в быстром завершении процедуры с максимальным сохранением активов. Управляющий — в минимизации усилий при гарантированном вознаграждении. Совпадение интересов очевидно. Доказать сговор крайне сложно, поскольку формально все процедурные действия выполнены.

Суды периодически привлекают арбитражных управляющих к ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей. Однако, как отмечают исследователи, нередко суды приходят к выводу о малозначительности деяний и освобождают управляющих от ответственности либо назначают меру наказания в виде предупреждения [11]. Понятие «малозначительности» трактуется широко, что создает атмосферу безнаказанности.

Еще одна проблема — отказ судов предоставлять финансовым управляющим доступ в жилые помещения должников, уклоняющихся от передачи имущества. Арбитражный суд города Москвы при рассмотрении одного из дел указал, что меры в виде предоставления доступа в жилое помещение и изъятие имущества нарушают баланс интересов участвующих лиц [11]. Формально суд руководствуется защитой конституционного права на неприкосновенность жилища. Фактически это блокирует возможность выявления скрытых ценностей.

Решение проблемы видится в двух направлениях. Первое — существенное повышение вознаграждения управляющих с привязкой к результату (проценту удовлетворения требований кредиторов). Второе — усиление контроля со стороны саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и судов за качеством проводимых процедур. Оба направления требуют законодательных изменений, которые пока не инициированы.

Проблемы единственного жилья и социальные аспекты

Вопрос единственного жилья должника — один из наиболее дискуссионных в практике банкротства физических лиц. С одной стороны, закон защищает право гражданина на жилище, исключая единственное пригодное для проживания помещение из числа объектов, на которые может быть обращено взыскание. С другой стороны, эта норма становится инструментом злоупотреблений.

В 2024 году произошли изменения в подходе судов к данному вопросу. Если ранее суды часто оставляли за должником единственное жилье независимо от его характеристик, то после упомянутого определения Верховного Суда РФ акцент смещается на фактическое место проживания и соразмерность жилья потребностям [9]. Впрочем,

речь идет не о формировании единой практики, а скорее о сигнале высшей инстанции нижестоящим судам.

На практике арбитражные суды сталкиваются с ситуациями, когда должник владеет жилым помещением площадью 200–300 квадратных метров, но формально проживает там один. Кредиторы настаивают на реализации и предоставлении должнику жилья меньшей площади за счет вырученных средств. Должник возражает, ссылаясь на исполнительский иммунитет. Суд оказывается перед выбором: защитить социальное право гражданина или удовлетворить требования кредиторов.

Законодательные поправки 2024 года предусмотрели возможность исключения из перечня требований ипотечного жилья, находящегося в залоге у кредитора [12]. Это означает, что банк вправе реализовать заложенное жилье даже если оно единственное, при условии предоставления должнику компенсации, достаточной для приобретения жилья, отвечающего минимальным стандартам. Однако это правило не распространяется на жилые помещения, не обремененные залогом. Здесь суды руководствуются общими положениями и формируют практику индивидуально по каждому делу.

Социальные последствия банкротства тоже неоднозначны. С одной стороны, освобождение от долгов дает гражданину шанс начать с чистого листа. С другой — клеймо банкрота закрывает доступ к кредитам на длительный срок, ограничивает возможность занимать руководящие должности, создавать юридические лица. По данным за 10 месяцев 2025 года, 56 % проходящих через судебное банкротство — женщины, 66 % во внесудебной процедуре — также женщины [7]. Возрастная структура показывает, что основная масса банкротов — граждане 25–54 лет, то есть экономически активное население.

Это поднимает вопрос: действительно ли процедура служит реабилитации, или она превращается в способ избавления от обязательств для тех, кто сознательно злоупотребляет заемными средствами? Статистика Банка России о «невывужденных банкротствах» [4] указывает на второе. Впрочем, без детального анализа каждого дела сложно сделать однозначный вывод.

Перегруженность арбитражных судов и сроки процедур

Федеральный закон № 127-ФЗ устанавливает конкретные временные рамки для проведения отдельных этапов процедуры. Реструктуризация долгов не может превышать трех лет. Реализация имущества — шести месяцев с возможностью продления. Однако соблюдение этих сроков затрудняется перегруженностью арбитражных судов и необходимостью проведения дополнительных мероприятий — финансовых экспертиз, оценки имущества, рассмотрения обособленных споров [9].

Средняя длительность процедур в 2025 году, по данным Федресурса, составила около 400 дней для реализации имущества и более 700 дней для реструктуризации

долгов [2]. Это означает, что от подачи заявления до завершения процедуры проходит в среднем полтора–два года. В сложных делах, где оспариваются сделки или выявляются скрытые активы, сроки растягиваются до трех–четырёх лет.

Длительные сроки работают против всех участников. Должник остается в подвешенном состоянии, не может планировать будущее, нести полноценную хозяйственную деятельность. Кредиторы теряют возможность своевременного удовлетворения требований, их задолженность обесценивается. Финансовый управляющий вынужден поддерживать процедуру годами, не получая дополнительного вознаграждения за продление сроков.

Решение проблемы видится в увеличении числа судей, специализирующихся на банкротных делах, а также в упрощении процедурных требований для типовых случаев. Некоторые эксперты предлагают внедрить электронное банкротство — онлайн-платформу, через которую можно было бы подавать документы, получать уведомления, отслеживать ход процедуры. Пилотные проекты в этом направлении реализуются, но массового внедрения пока нет.

Заключение

Институт банкротства физических лиц в России за десятилетие своего существования прошел путь от экзотического правового механизма до массовой процедуры, охватывающей сотни тысяч граждан ежегодно. Законодательные изменения 2023–2025 годов, направленные на упрощение доступа и расширение возможностей внесудебного формата, привели к резкому росту числа процедур, но не решили ключевых проблем правоприменения.

Основные выводы исследования:

— темпы роста банкротств граждан остаются высокими, что связано как с экономическими факторами (па-

дение доходов, высокая закредитованность), так и с повышением осведомленности о возможности списания долгов;

— внесудебная процедура не стала доминирующей из-за жестких ограничений по размеру задолженности и критериям допуска;

— реструктуризация долгов применяется крайне редко и в большинстве случаев носит формальный характер;

— злоупотребление правом со стороны должников остается серьезной проблемой, а механизмы противодействия недостаточно эффективны;

— низкое вознаграждение финансовых управляющих и отсутствие мотивации к качественной работе снижают результативность процедур;

— вопрос сохранения единственного жилья должника требует более четкого законодательного регулирования;

— перегруженность судов и затягивание сроков рассмотрения дел создают дополнительные риски для всех участников.

Практическая значимость результатов исследования заключается в выявлении конкретных направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Необходимо усилить контроль за добросовестностью должников, пересмотреть размер вознаграждения финансовых управляющих, сформировать единообразную судебную практику по вопросу единственного жилья, внедрить цифровые технологии для ускорения процедур.

Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на анализе региональных особенностей применения института банкротства, сравнительном изучении зарубежного опыта реабилитации несостоятельных граждан, оценке социально-экономических последствий массовых банкротств для кредитной системы и экономики в целом. Институт продолжает эволюционировать, и его развитие требует постоянного научного сопровождения.

Литература:

1. Статистика банкротства физических лиц за 2025 год. РБК Компании. URL: <https://companies.rbc.ru/news/bfyHP-PIguU/statistika-bankrotstva-fizicheskikh-lits-za-2025-god/> (дата обращения: 29.05.2026).
2. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2025 года. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статбюллетень%20банкротство%202025%20Федресурс.pdf> (дата обращения: 29.05.2026).
3. Проблемы банкротства физических лиц: реструктуризация долга в процедуре банкротства физических лиц как инструмент финансового оздоровления. Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bankrotstva-fizicheskikh-lits-restrukturizatsiya-dolga-v-protsedure-bankrotstva-fizicheskikh-lits-kak-instrument-finansovogo> (дата обращения: 29.05.2026).
4. ЦБ зафиксировал увеличение банкротств среди заемщиков. ПРОБанкротство. URL: <https://probankrotstvo.ru/news/cb-zafiksiroval-rost-nevynuzdennykh-bankrotstv-grazdan-10631> (дата обращения: 29.05.2026).
5. Банкротство физического лица: нововведения и существующие проблемы. Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-fizicheskogo-litsa-novovvedeniya-i-suschestvuyuschie-problemy> (дата обращения: 29.05.2026).
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 08.08.2024 № 298-ФЗ. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482551/ (дата обращения: 29.05.2026).

7. Банкротами за 10 мес. 2025 г. стали 517,73 тыс. граждан. Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/1060183> (дата обращения: 29.05.2026).
8. Злоупотребление правом при банкротстве юридических лиц и граждан: сравнительный анализ. Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-pri-bankrotstve-yuridicheskikh-lits-i-grazhdan-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 29.05.2026).
9. Актуальные проблемы правовой регламентации и практической реализации процедуры признания несостоятельности (банкротства) физических лиц. Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pravovoy-reglamentatsii-i-prakticheskoy-realizatsii-protsedury-priznaniya-nesostoyatelnosti-bankrotstva> (дата обращения: 29.05.2026).
10. Злоупотребление правом при банкротстве физических лиц: критерии, доказуемость, судебная практика. Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-pri-bankrotstve-fizicheskikh-lits-kriterii-dokazuemost-sudebnaya-praktika> (дата обращения: 29.05.2026).
11. Проблемы современной судебно-арбитражной практики в области банкротства физических лиц в Российской Федерации. Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennoy-sudebno-arbitrazhnoy-praktiki-v-oblasti-bankrotstva-fizicheskikh-lits-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 29.05.2026).
12. Основные изменения в законодательстве о банкротстве в 2025 году. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_490508/ (дата обращения: 29.05.2026).

Амнистия при дроблении бизнеса как инструмент минимизации налоговых рисков и легализации доходов

Муравьев Антон Игоревич, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье исследуется правовая природа и фискальные последствия использования института амнистии в контексте легализации активов, полученных в результате целенаправленного дробления бизнеса. Проводится анализ судебной практики и позиций государственных органов для выработки критериев контролирующего лица в контексте дробления бизнеса. По результатам исследования формулируются рекомендации по минимизации налоговых рисков для субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: дробление бизнеса, добровольный отказ от дробления бизнеса, контролирующие лица.

Дробление бизнеса как способ оптимизации налогового бремени давно перешло из области сугубо юридической в область высоких налоговых рисков. Многолетняя «война» между налогоплательщиками, стремящимися к снижению издержек, и фискальными органами, отстаивающими доходную часть бюджета, привела к формированию обширного, но зачастую противоречивого массива судебной практики. Налогоплательщик, осуществивший реструктуризацию несколько лет назад, сегодня может столкнуться с доначислениями, штрафами и пенями в гигантских размерах, основанными на поздних разъяснениях ФНС и постановлениях Верховного Суда.

В этой ситуации классические методы защиты в суде требуют значительных ресурсов и не гарантируют успеха. Однако, с 2025 года у бизнеса появился новый стратегический инструмент для превентивного урегулирования подобных рисков — добровольный отказ от дробления. Данный механизм позволяет легализовать доходы, происхождение которых может быть оспорено налоговыми органами в связи с дроблением, избежав при этом применения санкций.

С введением в силу ФЗ от 12.07.2024 № 176 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», в Налоговом кодексе появилось новое понятие.

Дробление бизнеса — разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами (организациями, индивидуальными предпринимателями), в отношении которых осуществляется контроль одними и теми же лицами, направленное исключительно или преимущественно на занижение сумм налогов путем применения специальных налоговых режимов с превышением предусмотренных статьей 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации пределов осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налогов. Предусмотренное законом понятие «дробления бизнеса» основано на положениях статьи 54.1 НК РФ и сложившейся правоприменительной практике.

Налоговые органы вправе квалифицировать деятельность налогоплательщика как схему дробления бизнеса

исключительно на основе всестороннего анализа всех фактических обстоятельств его деятельности и деятельности взаимозависимых лиц. Для этого требуются доказательства, которые в совокупности подтверждают ведение единого бизнеса и намерение получить необоснованную налоговую выгоду.

Механизм амнистии при дроблении бизнеса, является важнейшей практикой для легализации доходов. Сложно переоценить значимость введения данной процедуры, поскольку ущерб от дробления бизнеса за шесть лет, а именно с 2018 по 2023 год, составил более 50 млрд рублей. Стоить сказать, что эта сумма только то, что было зафиксировано в судебных решениях. По словам В. В. Бациева: «Есть крупные дела, где исчисляются сотнями миллионов. Но их далеко не доминирующее число».

Помимо всего прочего, предприниматели были вынуждены сталкиваться с налоговыми рисками. При этом сами предприниматели, зачастую не осведомлены о том, что их способ структурирования бизнеса оказывается незаконным дроблением. Несмотря на введение в НК РФ понятия дробления бизнеса, его признаки оцениваются налоговыми органами с учетом всех фактических обстоятельств. А это может говорить о том, что признаков может насчитываться десятки. Именно поэтому, введение налоговой амнистии при дроблении бизнеса, позволяет оптимизировать ситуацию с негативными последствиями.

Интересным представляется решение по делу блогера-предпринимателя — Елены Блиновской. Арбитражный суд города Москвы рассмотрел дело и сделал несколько интересных выводов:

— Блиновская Е. О. контролировала деятельность множества юридических лиц и ИП, которые формально были независимы, но фактически вели единый бизнес;

— Использовались общие ресурсы: единый сайт, CRM, кассовые аппараты, адреса электронной почты, сотрудники переходили между компаниями без изменения обязанностей;

— Схема была направлена на неправомерное применение УСН и занижение налоговой базы;

— Суд признал решение налогового органа законным, а действия предпринимателя — умышленными.

Дело Блиновской демонстрирует, что даже сложные и внешне легальные схемы могут быть признаны незаконными спустя годы. Это служит ярким примером необходимости внедрения амнистии как механизма, позволяющего бизнесу легализовать деятельность до вмешательства налоговых органов, минимизируя риски и способствуя прозрачности экономики.

Проведённый анализ показывает, что введение института амнистии при дроблении бизнеса является своевременным и необходимым шагом, направленным на снижение налоговых рисков и легализацию доходов предпринимателей. Однако действующий механизм требует дальнейшего совершенствования, чтобы стать по-настоящему эффективным инструментом в правовом поле. В частности, для повышения его доступности и практической значимости рекомендуется следующее:

1. При выявлении рисков дробления бизнеса за налоговые периоды 2022–2026, в обязательном порядке сообщать лицам, в отношении которых выявлены налоговые риски, эту информацию. На данный момент органам «рекомендуется» сообщать выявленные риски.

2. Четко прописать в законе процедурные варианты легализации. На данный момент разъяснения ФНС отсылают к судебной практике, что усложняет унифицированный подход.

3. Расширить перечень подлежащих амнистии лиц. На данный момент амнистируется не все дробление, а только то, которое использовалось для целей применения специального налогового режима УСН или для доступа к 15 %-ной ставке по страховым взносам. А если, например, дробление используется для пониженной базы по налогу на добычу полезных ископаемых, то амнистия на него не распространяется.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 15.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
2. Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. — 2024.
3. Бациев, В. В. ФНС оценила ущерб от дробления бизнеса в 500 млрд руб. / В. В. Бациев. — Текст: электронный // Pravo.ru: [сайт]. — URL: <https://pravo.ru/news/249507/>
4. Брызгалин, А. В. Лучшая оптимизация — не переплачивать налоги / А. В. Брызгалин. — Текст: непосредственный // Закон. — 2024. — № 11. — С. 1–10.
5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 14 апреля 2024 г. по делу № А40–304494/2023 // sudact.ru: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/0a7MCwxb51xx/>

Реформа наследственного законодательства: новеллы и их реализация в практике нотариата

Паукова Анастасия Игоревна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В настоящее время наследственное право представляет собой наиболее динамично развивающуюся отрасль гражданского права, которая регулирует отношения между гражданами по вопросам принятия наследства. В последние годы совершенствование действующего наследственного законодательства стремительно набирает обороты. Необходимость таких изменений обуславливается актуальными социально-экономическими и правовыми реалиями. В статье исследуются вопросы цифровизации в деятельности нотариата, специфика оборота новых видов наследственного имущества, вопросы, касающиеся долговых обязательств наследодателя.

Ключевые слова: наследование, завещание, реформа законодательства, нотариат.

1. Развитие института наследования: основные тенденции и новые правовые конструкции

1.1. Наследственный договор: понятие, характеристика и особенности

За всю свою историю наследственное право в России не раз подвергалось кардинальным изменениям, которые были обусловлены различными факторами. В настоящее время наследственное право как отрасль гражданского права продолжает свою трансформацию.

Последняя масштабная реформа наследственного законодательства началась с принятия Федерального Закона от 19 июля 2018 года № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского Кодекса Российской Федерации» (далее — ГК РФ), статья 2 которого касается наследственного права.

Первое положение этого закона вводит по сути новый вид основания наследования: наследственный договор. Этот вывод следует из преобразованной данным законом ст. 1111 ГК РФ, которая гласит, что наследование «осуществляется по завещанию, по наследственному договору и закону».

Федеральный закон № 217-ФЗ вводит в Главу 62 части третьей ГК РФ отдельную статью, посвященную наследственному договору — 1140.1. Согласно ей, наследственный договор — это соглашение, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию. Анализ положений ст. 1140.1 позволяет охарактеризовать данный вид основания наследования следующим образом:

1) Наследственный договор является двусторонним соглашением, заключаемым между наследниками и наследодателем при его жизни. Необходимо учитывать, что если наследодатель в одностороннем порядке отказывается от наследственного договора, он обязан уведомить все стороны этого договора — данное условие исходит из определения наследственного договора как соглашения и закрепляется в п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ. Кроме того,

строгая нотариальная форма наследственного договора обязывает наследодателя уведомить сторон от своем отказе через нотариуса, что также закреплено в указанном пункте статьи, посвященной наследственному договору.

2) Наследственный договор порождает права и обязанности, которые неотчуждаемы и непередаваемы иным способом, то есть которые носят личный характер. Исходя из норм Гражданского Кодекса, права, имеющие личный характер относятся к личным нематериальным благам, такие как, например, жизнь, здоровье, свобода выбора и другие. Из этого следует, что к правам, вытекающим из условий наследственного договора применяются положения ст. 150 ГК РФ о защите нематериальных благ и личных неимущественных прав: судебная защита воли сторон, неотчуждаемость прав, защита нематериальных благ после смерти наследодателя.

3) Наследственный договор подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Кроме того, абзац п. 7 статьи о наследственном договоре обязывает нотариуса осуществить видеофиксацию совершения нотариального действия, если стороны не возражают против этого.

4) К наследственному договору применяются нормы о завещании: наследником может выступать любое лицо (необязательно оно должно являться родственником завещателя), наследодателем выступает обязательно правоспособный и дееспособный гражданин, сторонами наследственного договора могут быть не только физические лица, но и физические и публично-правовые образования.

Наследственный договор обладает и рядом выделяющихся особенностей, которые отличают его от других видов наследования.

Главной и ключевой особенностью наследственного договора является то, что это двусторонняя или многосторонняя сделка. В случае одностороннего распоряжения гражданина на случай смерти наследники узнают о завещании только после открытия наследства, тогда как стороны наследственного договора должны ознакомиться с его содержанием и подписать такой договор. Статья 1140.1 ГК РФ устанавливает особое правило для наследственного договора о неприменении к нему пра-

вовых последствий ст. 165 ГК РФ, что означает исключение применения судебного порядка признания сделки действительной, если имеет место уклонение одной из сторон от нотариального удостоверения наследственного договора.

Еще одной отличительной особенностью является возможность возложить на лицо обязанность по совершению не противоречащего закону действия, например, по уходу за третьими лицами, поддержке бизнеса и др. Иными словами, в наследственный договор можно включить условия неимущественного характера.

При составлении нескольких завещаний в отношении одного и того же вида имущества, учитываться нотариусом при распределении имущества будет последнее. То есть, последующее завещание отменяет предыдущее в части этого конкретного имущества (ст. 1130 ГК РФ). В случае несколько составленных наследственных договоров в отношении одного конкретного имущества приоритетным является самое раннее.

Рассмотрим случаи, когда закон ограничивает действие наследственного договора.

1) Федеральный закон № 217-ФЗ учел права обязательных наследников при заключении наследственного договора. П. 6 ст. 1140.1 ГК РФ устанавливает правовой механизм защиты прав обязательных наследников. Опираясь на содержание данного пункта и статью 1149 ГК РФ, толковать эту законодательную норму можно как преимущество обязательной доли в наследстве над наследственным договором. Абзац 2 пункта 6 ст. 1140.1 ГК РФ гласит: «если право на обязательную долю возникло после заключения договора, обязательства наследника по этому договору уменьшаются пропорционально той части наследства, которая причитается ему после удовлетворения права на обязательную долю». Таким образом, сначала нотариус будет выделять долю обязательного наследника в наследственной массе (важно помнить, что она состоит как из прав так и обязанностей), которая должна составлять не менее половины от той доли, которая полагалась бы такому наследнику по закону. Далее к оставшейся части применяются условия заключенного наследственного договора. В данном случае, договор не аннулируется полностью, а просто корректируется с учетом определенных обстоятельств.

2) Тот же пункт ст. 1140.1 ГК РФ предусматривает сохранение запрета на наследование недостойными наследниками. Данная норма позволяет рассуждать о том, что правовые последствия для лица, определенное судом в соответствии со ст. 1117 ГК РФ как недостойного наследника заключаются в аннулировании прав на наследство и что он не может требовать выполнения условий по договору от другой стороны. Так же, важно учитывать похожее замечание, как и в случае с обязательной долей — наследственный договор может терять свою юридическую силу не полностью, а лишь в части, касающейся запрета на наследование недостойными наследниками.

3) Наследственный договор можно оспорить в суде как при жизни наследодателя, так и после открытия наследства.

В качестве оснований могут выступать: порок воли, нарушение формы договора, нарушение прав обязательных наследников, признание наследника недостойным и т. д.

4) Наследственный договор обладает приоритетом над завещанием за одним исключением — если наследственный договор был признан недействительным, тогда имущество будет распределяться согласно завещанию либо по закону. Что касается наследственного договора, заключенного между супругами, он отменяет ранее совершенное совместное завещание супругов.

В наследственном праве следует уделить внимание соотношению оснований наследования, среди которых наблюдается принцип преимущества волеизъявления перед наследованием по закону. Наследственный договор также имеет явное преимущество перед наследованием по закону.

Сделать вывод относительно соотношения наследственного договора и завещания как оснований наследования представляется крайне проблематичным.

С одной стороны, Гражданском кодексе РФ нормы о наследственном договоре расположены в Главе 62, посвященной наследованию по завещанию. В ст. 1111 ГК РФ, он выступает еще одним основанием наследования наряду с завещанием и законом.

С другой стороны, правовая природа наследственного договора кардинально отличается от завещания: договор носит двусторонний характер и создает взаимные обязанности сторон еще при жизни наследодателя. В случае коллизии, наследственный договор имеет большую юридическую силу, чем завещание.

Основываясь на правовой характеристике данного явления, можно заключить, что наследственный договор является самостоятельным инструментом, регулирующим наследственные отношения.

1.2. Наследование по завещанию и закону: новшества последних лет

Реформа института наследования затронула и такие устоявшиеся правовые институты как наследование по завещанию и закону.

Первое и весьма значимое изменение коснулось распоряжения гражданина своим имуществом на случай смерти. Федеральный закон от 19 июля 2018 года № 217-ФЗ вводит в действие с 1 июня 2019 г. понятие совместного завещания супругов.

Так, обновленная статья 1118 главы 62 ГК РФ, посвященной наследованию по завещанию, включает в себя положения о совместном завещании супругов. Согласно ее 4 пункту, граждане, находящиеся в браке, имеют право составить общее завещание, которое касается следующих правовых аспектов:

1) определения долей наследников в наследственном имуществе;

2) определение состава имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов (с соблюдением прав третьих лиц);

- 3) лишения наследства наследников;
- 4) иные распоряжения, предусмотренные ГК РФ.

Исходя из самого понятия, а также норм гражданского законодательства, совместное завещание супругов действует с момента заключения его супругами и утрачивает свою силу в двух случаях: расторжении или признания недействительным брака.

К супругам, составившим совместное завещание, применяются правовые нормы о завещателе. Условия совместного завещания могут быть ограничены наличием следующих факторов:

- наследственного договора;
- лиц, признанных недостойными наследниками;
- обязательных наследников.

У этого документа присутствуют ключевые особенности, предусмотренные положениями ГК РФ, а именно:

1) Завещание супругов утрачивает свою силу при признании его недействительным или при признании недействительным брака (как до так и после смерти одного из супругов), а также в случае расторжения брака;

2) Один из супругов вправе составить последующее завещание или отменить совместное завещание супругов. Ст. 1118 ГК РФ в этом отношении обязывает нотариуса уведомить второго супруга о совершении супругом вышеуказанного нотариального действия.

Как и в случае с наследственным договором, закон обязывает нотариуса вести видеофиксацию нотариального действия, если супруги не возражают против этого (п. 5.1. ст. 1125 ГК РФ).

В случае устного отказа обоих супругов от записи нотариального действия на видео, нотариус должен отразить такой отказ либо в тексте самого завещания, либо в протоколе фиксирования информации нотариуса. Причем, если один из супругов не возражает против такой видеофиксации, нотариус обязан ее провести. Данные правила установлены в «Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров» Федеральной Нотариальной Палаты (далее — ФНП) от 02 марта 2021 г. Рекомендации ФНП относятся к актам методического характера и значительно упрощают деятельность нотариуса в области удостоверения завещаний и наследственных договоров. Так, 8 пункт данного документа регламентирует особенности оформления совместного завещания супругов, к которым относятся:

- ограничение по браку;
- порядок распоряжения имуществом и назначения наследников (или исключения из их числа);
- свобода отмены;
- обязательность уведомления;
- оформление у нотариуса.

Следует отметить, что совместное завещание супругов представляет собой новый инструмент института наследования. Введение такого инструмента в Гражданском законодательстве выполняет охранительную функцию в отношении прав пережившего супруга, позволяет избежать дробления долей при распределении имущества между

наследниками, а также возникновении спорных ситуаций вокруг наследственной массы.

Последние изменения в наследственном законодательстве расширили полномочия завещателей. Так, Федеральный закон от 03.04.2023 года № 101-ФЗ скорректировал ст. 1127 ГК РФ, расширив перечень лиц, имеющих право удостоверять завещания, приравняваемых к нотариально удостоверенным. Теперь такими лицами являются:

- 1) врачи и руководство госпиталей, больниц (в ред. Федерального закона от 03.04.2023 г. № 101-ФЗ);
- 2) капитаны судов, плавающих под Государственным флагом РФ;
- 3) начальники разведочных, арктических, антарктических и других экспедиций;
- 4) командиры (начальники) воинских частей, соединений, учреждений или военно-учебных частей (в ред. Федерального закона от 03.04.2023 г. № 101-ФЗ);
- 5) начальники мест лишения свободы.

Анализ внесенных изменений позволяет утверждать, что государство весьма успешно стремится расширить возможности граждан по реализации права на распоряжение имуществом на случай смерти. Это особенно актуально для ситуаций, когда обращение к нотариусу физически невозможно. Кроме того, данные изменения направлены на снижение количества судебных споров о признании завещания недействительным.

Социально-экономические тенденции последних лет вводят главное новшество в состав возможного наследственного имущества. Возникает такой объект гражданских прав как цифровой рубль. Чтобы сформировать определенное представление о его сущности, следует отследить его поэтапное введение в российском законодательстве.

Шаг 1. Федеральный закон от 24.07.2023 года № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» заложил базу понятия цифрового рубля: он является объектом гражданских прав и деньгами (валютой).

Согласно ст. 140 ГК РФ, платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями. Исходя из положений ст. 128 и 129 ГК РФ, цифровой рубль может быть наследственным имуществом. В ст. 1128 и 1174 ГК РФ закрепляется возможность завещания цифровых рублей, а также оплаты ими расходов на похороны наследодателя в пределах установленного лимита (сто тысяч рублей).

Изменения второй части ГК РФ закладывают характеристики цифрового рубля:

- введены положения о договоре счета цифрового рубля;
- цифровой рубль относится к безналичным деньгам (валюте);
- На территории Российской Федерации возможно осуществление платежей путем расчетов цифровыми рублями;

— Банк России выступает оператором платформы цифрового рубля и осуществляет переводы.

Шаг 2. Федеральный закон от 24.07.2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации» стал базовым актом, который внес масштабные изменения в Гражданский и Налоговый кодексы, Федеральный закон «О национальной платежной системе», Федеральный закон «О банках и банковской деятельности», Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и т. д. Его основные положения:

— Банк России единственный оператор платформы цифрового рубля;

— один цифровой рубль всегда равен одному наличному или безналичному рублю;

— гарантия банковской тайны распространяется на операции с цифровыми рублями также, как и с другой валютой.

Федеральный закон № 340-ФЗ вводит понятие цифрового рубля во все основные акты Российского законодательства, делая его полноправным средством расчета в повседневной жизни граждан являющихся как физическими так и юридическими лицами. Кроме того, совершать операции могут и иностранные лица и организации.

В настоящий момент ввод в гражданских оборот цифрового рубля еще не закончен. С 1 сентября 2026 года начинает свое действие закон о поэтапном внедрении цифрового рубля — Федеральный закон от 23.07.2025 года № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный закон устанавливает порядок обращения цифрового рубля как валюты в совершении операций экономического характера. Среди перечисленного в данном нормативном акте можно выделить возможность для физического лица использовать данный инструмент в целях оплаты услуг с использованием универсального платежного кода, в том числе в случае перевода в пользу нотариусов, адвокатов, медиаторов, оценщиков, арбитражных управляющих и т. д. Данная норма обеспечивает внедрение новой валюты во все сферы повседневной жизни, предоставляя право каждому гражданину свободно использовать этот инструмент.

Вступление вышеуказанных Федеральных законов в силу обеспечивает становление цифрового рубля как третьей формы национальной валюты Российской Федерации, хотя и со своими особенностями, такими как невозможность оформить кредит цифровыми рублями и начисление на них процентов. Тем не менее, для наследственного законодательства цифровой рубль это полноценный актив, имущество, которое наследуется в соответствии с нормами ГК РФ.

Таким образом, повсеместное использования цифрового рубля следует понимать как стремление государства гарантировать стабильность и полноценность данного экономического инструмента.

1.3. Наследственный фонд: новая модель управления активами юридического лица

Наследственный фонд не является абсолютно новым институтом наследственного права, за рубежом данную модель управления бизнесом после смерти наследодателя успешно используют такие страны как Германия, Великобритания и США. Каждый гражданин имеет право свободно распоряжаться своим имуществом, в том числе посредством завещания. Таким образом, наследственный фонд исторически доказывает свою эффективность в защите активов после смерти их владельца.

В соответствии с принципом свободы завещания, закрепленным нормами гражданского законодательства, каждый гражданин имеет право свободно распоряжаться своим имуществом. В соответствии с этим принципом, начиная с 01 сентября 2018 года такая возможность появилась в России с появлением наследственного фонда.

Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» юридически закрепляет понятие наследственного фонда. Базовые понятия наследственного фонда закреплялись статьями 123.20–1–123.20–3, в 7 параграфе главы 4 ГК РФ, посвященному некоммерческим унитарным организациям. В таком виде наследственный фонд в Гражданском кодексе просуществовал с момента вступления в силу Федерального закона № 259-ФЗ 01 сентября 2018 года и до 01 марта 2022 года, когда данные статьи утратили свою силу.

Федеральный закон от 01.07.2023 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» преобразовывает, систематизирует нормы о наследственных фондах в ст. 123.20–8 и переносит личные фонды в отдельный подпараграф 1.1.

На основании положений ГК РФ следует выделить ряд ключевых особенностей наследственного фонда:

- 1) представляет собой юридическое лицо (унитарную некоммерческую организацию), не имеющее членства;
- 2) создается на основании нотариально удостоверенного завещания наследодателя, составленного им при жизни и решения завещателя об учреждении наследственного фонда;
- 3) может создаваться на определенный срок либо бессрочно;
- 4) учреждается наследственный фонд нотариусом, открывшим наследственное дело после смерти завещателя;
- 5) предельный срок создания наследственного фонда составляет 1 год со дня открытия наследства, если за это время фонд не зарегистрирован, он не подлежит созданию;
- 6) имущество фонда формируется при его создании и его увеличение предусмотрено только за счет доходов от управления фондом, т. е. передача имущества третьими лицами в состав имущества фонда не допускается;
- 7) имеет особый статус наследника: не может отказаться от наследства.

Описать процесс создания наследственного фонда можно следующим образом:

1. Гражданин составляет у нотариуса завещание и решение об учреждении наследственного фонда.

2. После смерти завещателя нотариус открывает наследственное дело и подает заявление в регистрирующий орган о создании наследственного фонда в срок не позднее 3 рабочих дней со дня открытия наследственного дела.

3. Нотариус выдает фонду свидетельство о праве на наследство и после этого завещанное имущество переходит на баланс фонда. Важно отметить, что ограничений по минимальному размеру этого имущества, законом не установлено.

Управляется созданный наследственный фонд советом директоров, попечительский совет или единоличный управляющий, назначенный наследодателем при жизни. Выгодоприобретателями являются наследники, которые не будут владеть имуществом фонда, но будут получать выгоду в материальной форме.

Ликвидирован наследственный фонд может быть на основании решения суда по нескольким причинам, например, если имущества фонда окажется недостаточно для осуществления целей или такие цели не могут быть достигнуты.

Основными задачами создания наследственного фонда являются защита бизнеса от дробления и корпоративных конфликтов, а также выплата доходов выгодоприобретателям на строго определенных условиях. Такая модель позволяет не делить по долям бизнес между наследниками по закону, а оставить его управление профессиональным управляющим в соответствии с волей и строгими инструкциями, которые предусмотрел учредитель при своей жизни. Таким образом, создание наследственного фонда служит надежным инструментом поддержки жизнеспособности бизнеса и его защите от недобросовестных посягательств.

Следует сказать, что практическое наследственный фонд как институт наследственного права продолжает свое развитие с учетом современных экономических реалий и открывает новые перспективы для структурирования бизнеса и защиты активов.

2. Электронный нотариат и защита прав наследников: реалии правоприменения

2.1. Цифровизация нотариальной деятельности: базовые практические аспекты

Еще одним этапом реформы действующего наследственного законодательства Российской Федерации стал переход российского нотариата в эпоху цифровизации.

С принятием основного закона о цифровом нотариате — Федерального закона от 27 декабря 2019 года № 480-ФЗ, который внес поправки в «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (далее — Основы) началась глобальная модернизация российского

нотариата. Этот документ перенес работу нотариусов в цифровой формат, тем самым значительно упростил процесс получения документов гражданами, расширил список доступных дистанционных услуг и узаконил использование современных технологий. Согласно его положениям можно выделить следующие ключевые аспекты цифровизации нотариата:

1) Введение ЕИС (Единая информационная система нотариата) — платформы, расширяющей полномочия нотариусов и открывающая новые возможности для граждан при совершении нотариальных действий.

2) Внедрение системы проверки нотариальных документов с помощью машиночитаемой маркировки. Требования к ней содержатся в ст. 5.1 Основ.

3) Положения, дополняющие статью 15 Основ касаются возможностей для нотариуса получать по запросу посредством ЕИС сведения от банков о наличии вкладов наследодателя в формате электронного документа; от Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации — СНИЛС граждан и сведения о недополученной пенсии для наследственного дела.

4) С помощью реестра наследственных дел на сайте Федеральной Нотариальной Палаты, а позднее и через ЕИС нотариата появилась возможность представления сведений об открытии наследственного дела.

5) Для граждан появилась новая возможность получения документа на бумаге в виде электронного, подписанного усиленной ЭЦП

6) Стоит отметить и новый метод коммуникации между нотариусами всей Российской Федерации через ЕИС, который позволяет гражданам обратиться к нотариусу другого города удаленно, а нотариусам оперативно получить сведения для наследственного дела (например, подтверждение удостоверенного завещания или копию наследственного дела).

Федеральный закон № 480-ФЗ послужил основой для дальнейшего развития цифрового нотариата в Российской Федерации. Оценивая статистические данные, следует подчеркнуть насколько эти изменения были необходимы:

— В ЕИС нотариата содержится более 380 миллионов записей обо всех совершенных в стране нотариальных действиях;

— Благодаря переходу нотариусов на машиночитаемые свидетельства о праве на наследство получение унаследованных средств со счета в банке составляет около 20 минут, а регистрация прав по нотариальным документам, направленным в Росреестр в цифровом формате составляет меньше часа;

— С 2013 по 2023 г. доля действий с бумажными документами сократилась на 25 %;

— доля нотариальных действий, совершенных в цифровом формате составляет 35 % За период с 2013 по 2023 гг);

— За первое полугодие 2026 года нотариусы оцифровали 702 тыс. документов на бумажном носителе;

— Перевод документа из электронного вида в бумажный, совершаемый нотариусами по сравнению с первой половиной 2025 года снизился на 10 %.

Эти факты свидетельствуют о том, насколько закономерный и своевременный переход системы нотариата к цифровизации был необходимым шагом для развития сферы оказания правовых услуг гражданам. Необходимо также обозначить, что цифровизация включает в себя не только обеспечение удобства, но и выступает «щитом», обеспечивающим превентивную защиту гражданских прав. Последнее достигается посредством расширения цифровых возможностей и межведомственного электронного взаимодействия нотариусов с различными структурами и органами Российской Федерации.

Затрагивая тему электронного сообщения между российским нотариатом и учреждениями, оказывающими государственные услуги стоит уделить внимание поправкам к «Основам законодательства Российской Федерации о нотариате» принятым Федеральным законом от 08.08.2024 г. № 251-ФЗ. Согласно новой части 2 ст. 71 Основ, начиная с 05 февраля 2025 года нотариусы при выдаче свидетельства на наследство обязаны осуществлять проверку документов, подтверждающих факт государственной регистрации смерти наследодателя, а также наличие отношений, являющихся основанием для призвания граждан к наследованию через Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС). Исключение составляют документы, составленные за границей.

Данная практика является обязательной процедурой при открытии наследственного дела и направлена на предотвращение мошенничества с использованием поддельных или недействительных свидетельств, например, если гражданин желает скрыть факт расторжения брака.

2.2. Особый порядок открытия наследственных дел участников СВО

Трансформация правовых норм в соответствии с текущими реалиями коснулась в том числе и института наследования после смерти участников СВО. Ключевой проблемой, которая потребовала принятие нового законодательного акта стал срок принятия наследства, который в соответствии со ст. 1154 Гражданского кодекса составляет 6 месяцев с момента открытия наследства. В случае, когда наследодателем является участник СВО, дата его смерти может быть не установлена или подтверждающие смерть такого гражданина документы могут прийти с опозданием. Это приводило к пропуску сроков принятия наследства и необходимости наследников обращаться в суд. Правовым инструментом, решающим данную задачу выступил Федеральный закон 24.06.2025 года № 164-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Согласно новым изменениям, сроком открытия наследства после участ-

ника СВО или лица, погибшего в районах проведения спецоперации теперь считается дата составления записи акта гражданского состояния о смерти такого лица или документом о смерти, выдаваемом в порядке и по форме, которые определяются федеральным органом исполнительной власти (справки, выданные воинской частью или медицинским учреждением), если дата смерти таких лиц неизвестна либо отличается от даты составления документов более чем на 3 месяца. В соответствии с данным законом, имущество, составляющее наследственную массу, признается принадлежащим наследнику со дня фактической гибели.

Следует иметь в виду, что фраза «участник СВО» является обобщающей, так как положения закона распространяется на более широкий перечень лиц. Согласно Федеральному закону от 30.11.1994 г. N 52-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» такими лицами являются:

1. граждане, участвовавшие в специальной военной операции на территориях Украины, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях;
2. граждане, пострадавшие в ходе вооруженной провокации на государственной границе РФ и приграничных территориях;
3. лица, проходившие службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и лица, находившиеся на военной службе (службе) в войсках национальной гвардии РФ, воинских формированиях и органах, на вышеуказанных территориях;
4. лица, заключившие контракт с организацией, содействующей выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ;
5. лица, находившиеся на указанных территориях в связи с выполнением служебных задач;
6. лица, являющиеся служащими правоохранительных органов Российской Федерации на указанных территориях;
7. гражданам, проживавшим или временно находившимся на указанных территориях.

Принятие Федерального закона № 164-ФЗ существенно расширило права родственников участников специальной военной операции при наследовании. Этот нормативный акт позволил защитить интересы семей, избавив их от необходимости обращаться в суд при пропуске сроков. Кроме того, меры поддержки участников СВО и их родственников включают ряд льгот в нотариальных конторах:

- освобождение от федерального и регионального тарифа наследников при выдаче свидетельства о праве на наследство;
- бесплатная юридическая помощь;
- освобождение участников СВО от уплаты регионального тарифа по наиболее востребованным нотариальным действиям (например, оформление доверенности).

2.3. Информирование наследников о долгах наследодателя

Тема наследования долгов традиционно вызывает множество вопросов и споров как у самих граждан, так и у кредиторов.

Согласно нормам ГК РФ, в состав наследственного имущества входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. При этом закон исключает частичное принятие наследства: нельзя унаследовать активы, отказавшись от обязательств — наследник может либо полностью принять все имущество, включая долги, либо полностью от него отказаться. Ключевой в этом отношении выступает статья 1175 ГК РФ, которая регулирует ответственность наследников по долгам наследодателя и регламентирует права кредиторов.

На практике, нормы Гражданского кодекса работали следующим образом: кредиторы, узнав о смерти должника, направляли требование кредитора к имуществу умершего нотариусу, у которого открыто наследственное дело (требование также могло послужить основанием для открытия наследственного дела у нотариуса). В соответствии со ст. 63 Основ нотариус обязан принять требование кредитора. Однако, в ответном письме он будет ссылаться на ст. 5 Основ (нотариальная тайна). Согласно этой норме, разглашение сведений о совершенных нотариальных действиях запрещено, а раскрыть информацию о наследниках и наследственном имуществе могут быть предоставлены только по запросу органов суда, прокуратуры, следственных органов.

Таким образом, кредитору все равно приходилось отстаивать свои интересы в судебном порядке. При этом, нотариус мог просто лишь неофициально (устно) передать информацию наследникам об имеющихся долгах умершего. Никаких самостоятельных проверок по выявлению скрытых долгов нотариусами не осуществлялось.

Федеральный закон от 23.11.2024 года № 407-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в корне изменил ситуацию.

Теперь, в соответствии со ст. 61.1. Основ, нотариус не позднее 3 рабочих дней со дня открытия наследственного дела обязан направить запрос о долгах наследодателя в Центральный каталог кредитных историй для получения информации от бюро кредитных историй об отсутствии или наличии кредитной истории наследодателя. Данный закон регулирует сроки и порядок взаимодействия нотариуса при открытии наследственного дела с ЦККИ и БКИ.

С момента вступления изменений в силу извещение наследников о долгах теперь является обязательным или осуществляется тремя возможными путями: посредством направления такой информации по адресу места жительства, по адресу электронной почты или при личной явке.

Федеральный закон № 407-ФЗ устранил главную проблему «скрытых» долгов. Теперь наследники получили

право полностью оценивать ситуацию при вступлении в наследство и, уже имея полное представление о наследственной массе, принимать решение об экономической целесообразности принятия имущества.

Заключение

Закон вносит абсолютно новые понятия в наследственное право как отрасль и как часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации, меняя представление об институте наследования на сегодняшний день.

Исследуя данную тему можно заключить, что Гражданский кодекс Российской Федерации представляет собой базовый правовой акт, закладывающий основы и принципы наследственного права. Для их более детального правового регулирования в российском институте наследования государство, судебное и нотариальное сообщества вынуждены разрабатывать дополнительные правовые акты и акты методического характера. Основой этому послужили правовые коллизии, возникающими в процессе применения действующего наследственного законодательства, с которыми сталкиваются как правоприменители, так и граждане при оформлении наследственных прав.

Процесс цифровой трансформации института нотариата осложняется рядом практических проблем, усложняющих реализацию нотариусами функций по оказанию правовой помощи гражданам.

Одной из ключевых преград на пути к полной цифровизации нотариальной деятельности остается нестабильность функционирования Единой Информационной системы (ЕИС). На практике отмечаются как регулярные технические сбои, так и плановые или внеплановые сервисные работы на стороне ЕИС, которые временно парализуют работу нотариуса, лишая его возможности оперативно совершать нотариальные действия в электронном формате. Ситуация осложняется также в удаленных нотариальных округах, где качество и скорость интернет-соединения не отвечают заявленным техническим требованиям, необходимым для осуществления нотариальных действий с применением функционала ЕИС. В условиях отсутствия стабильного сетевого подключения или при «зависании» централизованной системы нотариус не может осуществлять необходимую проверку. Все это приводит к затягиванию сроков совершения нотариальных действий, обоснованному недовольству граждан и ставит под угрозу бесперебойность оказания квалифицированной юридической помощи.

Дополнительной системной проблемой является отсутствие оперативного альтернативного взаимодействия нотариуса с органами ЗАГС. Примером является ситуация, когда проверка подлинного документа в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС) не дает результатов. Обычно такое бывает по двум причинам:

1) запись об акте гражданского состояния отсутствует или не передана из региональной системы и тогда требуется её внесение в Реестр;

2) запись была занесена в Реестр с технической ошибкой (опечаткой) и требует исправления.

Попытки оперативного уточнения информации (например, посредством направления традиционных запросов) либо занимают длительное время, либо игнорируются ведомствами со ссылкой на отсутствие правовых оснований для несистемного общения. Закон запрещает нотариусу выдавать свидетельство о праве на наследство без подтверждения смерти наследодателя или факта родственных отношений.

В таких случаях нотариус вынужден связываться с наследником напрямую и просить его идти в орган ЗАГС (или МФЦ) с подлинным свидетельством и восстанавливать либо корректировать данные, содержащиеся в ЕГР ЗАГС. На сегодняшний день это является единственным реальным решением проблемы.

Таким образом, анализ правоприменительной практики показывает, что легальное декларирование прогрессивных

материальных норм далеко не всегда подкреплено адекватными техническими и процессуальными механизмами их реализации. В настоящее время нотариальное сообщество выступает главным полигоном для внедрения цифровых новелл, принимая на себя основные риски несовершенства электронного межведомственного взаимодействия.

Вышеописанные проблемы создают барьеры которые требуют законодательного урегулирования. Одним из таких решений может стать предоставление нотариусам права на оперативный прямой запрос в ЗАГС и архивы в случае системных сбоев или отсутствии необходимых сведений в ЕГР ЗАГС. Установление на нормативном уровне сокращенных сроков ответа на такие запросы от ведомств также послужит стимулом для решения данной проблемы.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать что планомерное устранение законодательных и технических пробелов в цифровом контуре нотариата позволит вывести правовую защищенность граждан на качественно новый уровень, отвечающий вызовам современного электронного общества.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ, Части первая, вторая, третья и четвертая: тест с изменениями и дополнениями на 1 октября 2024 года + сравнительная таблица изменений + путеводитель по судебной практике — Москва: Эксмо, 2024.
2. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 10.06.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/.
3. О цифровом рубле: Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 31 (ч. 1). — Ст. 4410.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 251-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 33 (ч. 1). — Ст. 4509.
5. О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 31 (ч. 1). — Ст. 5792.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 31 (ч. 1). — Ст. 5793.
7. О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»: Федеральный закон от 24.06.2025 № 164-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 26. — Ст. 3788.
8. О внесении изменений в статью 185.1 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 03.04.2023 № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 14. — Ст. 2389.
9. О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 01.07.2023 № 287-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 27 (ч. 1). — Ст. 4969.
10. О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 52 (ч. 1). — Ст. 7820.
11. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 30. — Ст. 4543.
12. О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 31 (ч. 1). — Ст. 4761.
13. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9: (ред. от 23.04.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 7.
14. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров: утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 02.03.2021 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. «Достижения и перспективы развития цифрового нотариата обсудили на ЕАПК-2026». — Текст: электронный // Федеральная Нотариальная Палата: [сайт]. — URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/dostizheniya-i-perspektivy-razvitiya-cifrovogo-notariata-obsudili-na-eapk-2026-2606>.
16. Антонова, А. А. Наследственный фонд в законодательстве Российской Федерации: проблемные аспекты / А. А. Антонова // Наука. Общество. Государство. — 2018. — Т. 6, № 4 (24). — URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 22.07.2026). — ISSN 2307-9525.
17. Братухина, Е. В. Сравнительно-правовой анализ завещания и наследственного договора как оснований наследования по гражданскому законодательству / Е. В. Братухина // Евразийская адвокатура. — 2021. — № 6 (55). — С. 63–66.
18. Каймакова, Е. В. Перспективы развития цифрового нотариата в России / Е. В. Каймакова // Нотариус. — 2024. — № 02. — С. 10–14. — DOI: 10.18572/1813-1204-2024-2-10-14.
19. Карташов, М. А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт / М. А. Карташов // Современное право. — 2017. — № 10. — С. 69–74.
20. Конохов, М. В. Правовое регулирование наследования цифровых рублей / М. В. Конохов // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 2. — С. 112–115.
21. Самородов, Д. А. Цифровой рубль как объект правового регулирования в Российской Федерации: понятие и перспективы применения / Д. А. Самородов, М. С. Мережкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2024. — Т. 23, № 1. — С. 45–52.
22. Секушин, Александр «ФНП: нотариусы оцифровали 702 тыс. документов за полгода» / Александр Секушин. — Текст: электронный // Новороссия: [сайт]. — URL: <https://novorosinform.org/fnp—notariussy-ocifrovali-702-tys—dokumentov-za-polgoda-241110.html> (дата обращения: 22.07.2026).
23. Харитонова, Ю. С. Наследственный фонд: монография / Ю. С. Харитонова. — Москва: Статут, 2020. — 144 с.

Предъявление для опознания в отечественном судопроизводстве: генезис, правовая регламентация

Савченко Екатерина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Стронский Данил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автором проанализирована историческая эволюция института предъявления для опознания от его первого упоминания в Русской Правде до закрепления в действующем УПК РФ, а также некоторые аспекты его современного понимания.

Ключевые слова: следственное действие, предъявление для опознания, идентификация личности, латентная форма, доктринальная проблема.

Для начала стоит отметить, что как это ни парадоксально, но лексическая оболочка самого термина опознания укоренилась в отечественном нормативном массиве еще в эпоху раннего Средневековья, а первая фундаментальная фиксация допустимости использования рассматриваемого мероприятия, относимая к XI столетию, обнаруживается в положениях Русской Правды [1].

Любопытно, что дальнейшая траектория развития процессуальных кодификаций, берущая отсчет от Судебника 1497 года, демонстрирует скорее тенденцию к вытеснению рассматриваемого следственного действия из формально очерченного круга следственных инструментов.

Думается, что невзирая на отсутствие прямой законодательной регламентации, в правоприменительной плоскости рассматриваемый механизм фактически не пре-

рывал своего существования, функционируя в статусе правового обычая и латентно применяясь тем самым как непосредственная составляющая иных процессуальных действий вплоть до второй половины XX столетия.

Рассматриваемая ситуация закрепления рассматриваемого следственного действия кардинально изменилась с введением в действие Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в 1960 году, где в свою очередь предъявление для опознания впервые закреплено законодателем в качестве автономного и полноценного следственного действия осуществляемого главным образом на стадии предварительного расследования [2].

И стоит отметить, что хотя в строгом смысле слова определенной новеллой для отечественного уголовного судопроизводства его назвать трудно, практическая реализация закрепления рассматриваемого следственного

действия регулярно соотносится с возникновением определенных сложностей у правоприменителя [3].

Как представляется, наибольшую же концентрацию доктринальных и тактических проблем, вне всякого сомнения, порождает опознание именно живых лиц.

Так, значительный массив научных трудов, посвященных тактике анализируемого действия, сформировался еще в период действия предыдущего кодекса, когда такие опции, как проведение опознания в обстановке, исключаяющей в свою очередь визуальный контакт опознаваемого с опознающим, либо его осуществление непосредственно в рамках судебного заседания, правовой регламентации не имели.

Так, принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 году ознаменовало собой существенную модернизацию института, легализовав обозначенные выше способы, равно как и расширив линейку объектов, подлежащих идентификации, куда помимо живых людей и предметов были включены трупы, а также фотографические изображения всех перечисленных объектов.

Вместе с тем, своеобразная конструкция действующей статьи 193 УПК РФ свела процессуальную форму опознания исключительно к визуальной модальности, замкнув тем самым узнавание на объектах, которые субъект уже ранее видел в своем поле зрения [4].

Если же обратиться к фундаментальной сущности рассматриваемого феномена, то, как представляется, последняя сводится к осуществляемой в строгом процессуальном порядке умственной операции сличения субъектом, вовлеченным в уголовно-процессуальные отношения, сохранившегося в его памяти идеального следа с образом предъявляемого в реальности индивидуума.

Сущность же рассматриваемой процедуры лежит в плоскости установления либо категорического отрицания тождества между мысленным образом и наблюдаемым объектом.

Собственно, эвристическим основанием для производства рассматриваемого действия выступает наличие у субъекта доказывания обоснованных колебаний в вопросе соответствия запечатленного в сознании образа и конкретного человека, тогда как отсутствие подобной неопределенности, например, при достоверной осведомленности участника процесса о личности искомого субъекта вплоть до знания его анкетных данных, делает опознание излишним, главным образом постольку поскольку в рассматриваемых случаях констатация факта не требует дополнительной идентификации.

Разумеется, что во всем многообразии процессуальных средств, имеющих идентификационную природу, предъявление для опознания является одним из наиболее востребованных, обладая универсальным потенциалом применения вне зависимости от видовой принадлежности преступления, будь то посягательства на личность или определенные имущественные права.

Стоит также отметить, что многие авторитетные ученые сходятся во мнении относительно высокой степени распространенности рассматриваемого следственного действия, и с этим тезисом трудно дискутировать.

Тем не менее, как представляется, в существующем массиве криминалистической литературы практически не освещен количественный аспект проблемы, а именно, остается без ответа принципиальный вопрос о подлинных масштабах этой распространенности, отсутствуют сведения о частоте проведения опознания в соотношении с иными следственными мероприятиями, и не выявлено, какова реальная пропорция в использовании его различных видов.

Таким образом, можно констатировать, что институт предъявления для опознания, прошел длительный путь от латентного функционирования в качестве правового обычая до легализации в статусе самостоятельного следственного действия с расширенным инструментарием и универсальной сферой применения.

Литература:

1. Свердлов М. Б. Русская правда. СПб., 1992. С. 59.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275.
3. Грирьев О. Г. Особенности предъявления для опознания людей в ходе предварительного расследования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4. С. 72–75.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.

Медико-криминалистическая оценка поздних трупных явлений и тактика осмотра гнилостно-измененных и скелетированных останков на месте их обнаружения

Сайко Анна Максимовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена актуальным проблемам определения давности наступления смерти и тактики осмотра мест обнаружения трупов в поздних стадиях разложения. Автор детально анализирует динамику развития трупных пятен (гипостаз, диффузия, имбибиция) и их значение для установления времени смерти. Рассматриваются специфические приемы осмотра и фиксации гнилостно-измененных, расчлененных и скелетированных останков. Сформулированы требования к взаимодействию следователя и судебно-медицинского эксперта при работе с объектами, претерпевшими значительные посмертные изменения.

Ключевые слова: давность наступления смерти, трупные явления, трупные пятна, гипостаз, диффузия, имбибиция, гнилостные изменения, скелетированные останки, осмотр места происшествия, судебно-медицинская экспертиза.

Введение

Установление давности наступления смерти (ОДНС) является одной из сложнейших задач судебно-медицинской и криминалистической практики. Посмертные изменения в трупе развиваются в определенной последовательности под влиянием комплекса биологических и физико-химических факторов. Понимание динамики этих процессов позволяет следователю не только сузить временные рамки совершения преступления, но и грамотно спланировать тактику осмотра места происшествия, особенно в случаях обнаружения трупов в поздних стадиях разложения или скелетированных останков.

1. Динамика развития трупных явлений как инструмент установления ОДНС

Трупные явления традиционно делятся на ранние (первые трое суток) и поздние. Для криминалистической практики особый интерес представляют процессы высыхания, охлаждения и формирования трупных пятен.

Высыхание трупа захватывает участки, увлажненные при жизни (слизистые оболочки, роговлицу). Уже через 2–3 часа при комнатной температуре появляются желто-бурые пятна Лярише на роговлице. Важно уметь дифференцировать прижизненные ссадины от посмертных «пергаментных пятен». Если на участок высыхания положить влажную марлю, через 30–60 минут кожа восстановит эластичность, тогда как прижизненная ссадина сохранит морфологические признаки, а при ее разрезе будет обнаружено кровоизлияние.

Трупные пятна образуются вследствие перемещения крови под действием силы тяжести. Их динамика имеет три стадии, которые имеют критическое значение для ОДНС:

1. Гипостаз (продолжается до 12–14 часов). Кровь опускается в нижележащие отделы. При надавливании пальцем или динамометром (2 кг/см^2) пятна исчезают или бледнеют и быстро восстанавливают цвет. Это наиболее информативная стадия для диагностики.

2. Диффузия (стаз) (от 24 до 48 часов). Стенки сосудов становятся проницаемыми, происходит гемолиз. При надавливании пятна лишь незначительно бледнеют и медленно восстанавливаются. При изменении позы трупа часть пятен перемещается, часть остается на месте (что позволяет установить факт перемещения трупа после смерти).

3. Имбибиция (более двух суток). Смесь лимфы и крови пропитывает ткани. При надавливании пятна не бледнеют и не исчезают, их локализация и окраска остаются неизменными.

Аутолиз (посмертное самопереваривание тканей под действием ферментов) также используется для морфотрического определения времени смерти, особенно в паренхиматозных органах.

2. Тактика осмотра и фиксации гнилостно-измененных и скелетированных останков

Осмотр места обнаружения гнилостно-измененного трупа или скелетированных останков требует особого подхода. Границы места происшествия в таких случаях часто приходится расширять. Осмотр должен проводиться лично следователем, однако ведущая роль в описании самого трупа отводится специалисту-судебному медику.

При осмотре таких объектов судебный медик обязан сформулировать и занести в протокол следующую информацию:

1. Описание положения трупа, его частей, взаиморасположения с другими объектами.
2. Описание предметов, находящихся на трупе, возле него и под ним (ложе трупа).
3. Описание сохранившейся одежды (ее нельзя снимать, можно только расстегивать и сдвигать), включая загрязнения и повреждения.
4. Характеристики пола, возраста, расовой принадлежности, состояние челюстного аппарата.
5. Состояние участков поверхности тела и естественных отверстий.

6. Наличие и степень выраженности ранних или поздних трупных явлений.

7. Наличие следов-наложений и особых примет.

8. Наличие сохранившихся повреждений, их локализация и характеристики.

9. Наличие и характер запахов.

10. Выявление и изъятие объектов, которые могут быть утрачены при транспортировке (насекомые, почва под телом).

Специфика осмотра расчлененных трупов: Описываются места обнаружения каждой части, расстояния между ними, вид и характер упаковки (коробки, ткань, полиэтилен). Узлы на веревках не развязываются. На каждой части тела отмечаются размеры, оволосение, особые приметы (татуировки, рубцы), линии расчленения хрящей и костей, а также трупологические признаки орудий расчленения.

Специфика осмотра скелетированных останков: Отмечается положение костей, их анатомическое название, соответствие нормальному скелету, цвет, плотность, наличие костных мозолей или признаков заболеваний.

Особое внимание уделяется фауне и флоре трупа (насекомые, личинки, прорастание корней), которые являются важными маркерами времени нахождения останков на местности. При обнаружении останков в грунте фиксируется глубина захоронения, тип почвы, наличие грунтовых вод. Извлечение костей производится вручную, только после полного освобождения от почвы.

Заключение

Медико-криминалистическая оценка трупных явлений и грамотная тактика осмотра мест обнаружения останков в поздних стадиях разложения являются залогом успешного расследования «холодных» дел и неочевидных убийств. Следователь должен обладать базовыми знаниями в области татологии для правильного выдвижения версий и взаимодействия с экспертом-криминалистом и судебным медиком. Использование современных методов моделирования посмертных процессов позволит в будущем объективизировать определение давности наступления смерти.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ.
3. Аверьянова Т. В. Криминалистика: Учебник. — М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2017.
4. Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Криминалистика: Учебник. — М.: ИНФРА-М, 2019.
5. Долгова А. И. Криминалистика: Учебник для вузов. — М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2019.
6. Клейменов М. П. Криминалистика: учебник. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2018.
7. Мацкевич И. М. Криминалистика: учебник для аспирантов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.
8. Россинская Е. Р. Криминалистика: Учебник. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

Криминалистическая тактика и процессуальные особенности осмотра места происшествия при обнаружении трупа: проблемы правоприменения и пути их решения

Сайко Анна Максимовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье проводится комплексный анализ тактики и процессуального порядка осмотра места происшествия при обнаружении трупа. Автор исследует поисково-познавательную сущность данного следственного действия, выделяет его ключевые этапы и цели. Особое внимание уделяется типичным нарушениям норм УПК РФ, допускаемым следователями на практике (включая ошибки при составлении протоколов, привлечении понятых и участии специалистов). На основе анализа следственных ошибок формулируется алгоритм действий следователя, направленный на минимизацию процессуальных рисков и обеспечение допустимости полученных доказательств.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, труп, криминалистическая тактика, УПК РФ, процессуальные нарушения, протокол осмотра, судебный медик, понятые, вещественные доказательства.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена исключительной ролью осмотра места происшествия в ме-

ханизме раскрытия и расследования преступлений, особенно связанных с причинением смерти. В соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, осмотр места происшествия является одним из наиболее

сложных и ответственных следственных действий, часто проводимым в условиях неочевидности и дефицита времени. От качества его проведения зависит не только возможность возбуждения уголовного дела, но и дальнейшая судьба доказательственной базы. Как справедливо отмечается в криминалистической литературе, именно на месте происшествия закладывается фундамент следственных версий, однако правоприменительная практика свидетельствует о наличии устойчивых тенденций к нарушению процессуального порядка и тактических рекомендаций, что влечет за собой признание доказательств недопустимыми.

1. Понятие, цели и задачи осмотра места происшествия

Сущность осмотра места происшествия заключается в непосредственном выявлении, изучении и фиксации обстановки, где было совершено преступление, а также находящихся на нем следов и иных объектов. Это поисково-познавательное действие носит исследовательский характер и направлено на установление объективной и субъективной сторон преступления.

Ключевыми целями осмотра при обнаружении трупа являются:

1. Установление объективной стороны: времени, способа совершения деяния, механизма образования следов и причинно-следственной связи.
2. Установление объекта и предмета посягательства, а также физических и психических особенностей потерпевшего.
3. Выявление данных, характеризующих субъекта преступления (число лиц, физические данные, наличие профессиональных навыков, осведомленность об обстановке).
4. Определение мотивов и целей, а также выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Важно разграничивать осмотр и допрос. Смешение этих действий (так называемый «осмотр-допрос») недопустимо. Все показания лиц, присутствующих при осмотре, должны фиксироваться исключительно в протоколах допроса после окончания осмотра, тогда как в протоколе осмотра фиксируется только ход действия и обстановка.

2. Тактические этапы и участие специалистов

Осмотр места происшествия традиционно подразделяется на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. Подготовительный этап включает в себя не только изучение материалов и подбор технических средств, но и решение вопроса о привлечении специалистов.

При обнаружении трупа обязательным является участие специалиста в области судебной медицины или врача. Их роль не сводится лишь к констатации факта смерти;

эксперт помогает следователю в оценке механизма образования повреждений, изъятии биологических следов и предварительном определении давности наступления смерти. Кроме того, в современных условиях критически важным становится привлечение специалиста в области информационных технологий для работы с электронными носителями, а также иных специалистов (криминалистов, кинологов, инженеров-строителей) в зависимости от специфики места происшествия.

Отдельного внимания заслуживает институт понятых. В соответствии с УПК РФ, понятые привлекаются для удостоверения факта производства следственного действия. Запрещено привлекать в качестве понятых несовершеннолетних, участников уголовного судопроизводства и их близких родственников, а также лиц, обладающих существенными физическими недостатками. Не рекомендуется привлекать лиц, которые потенциально могут стать свидетелями по делу (например, соседей), что часто игнорируется на практике.

3. Типичные процессуальные нарушения и алгоритм их предотвращения

Анализ правоприменительной практики и материалов курсового исследования позволяет выделить ряд системных нарушений, допускаемых при осмотре места происшествия с трупом:

1. **Нарушение порядка получения согласия на проникновение в жилище.** Нередко следователи не получают заявлений о согласии от всех совершеннолетних лиц, проживающих в помещении, либо проводят осмотр в ночное время без соблюдения строгих требований УПК РФ о неотложности.
2. **Ошибки при работе с электронными носителями.** Копирование информации производится без участия понятых или с применением фотосъемки вместо их участия, что в случае утраты фотоматериалов по техническим причинам ведет к утрате доказательств.
3. **Внесение в протокол субъективных суждений.** Протокол должен содержать только фактические данные. Внесение предположений, выводов потерпевших или самого следователя недопустимо.
4. **Небрежное описание обстановки и изъятых предметов.** Использование нестандартных наименований, отсутствие логической связи между протоколом и схемами, неуказание точного времени начала и окончания осмотра, а также условий (погоды, освещения).
5. **Составление протокола «по памяти».** Встречаются случаи, когда следователь не составляет протокол на месте, а делает это в кабинете на основании фототаблицы, что грубо нарушает принцип непосредственности.

Пример из практики: При осмотре места обнаружения трупа сотрудника полиции с огнестрельным ранением, где наиболее вероятной версией было самоубийство, следователь ограничился фразой: «рядом с огнестрельным оружием обнаружен труп». При этом не было зафиксировано

точное расстояние между разутыми ступнями погибшего и ружьем, лежащим на полу. Подобная небрежность впоследствии привела к возбуждению уголовного дела по факту убийства и необходимости проведения повторного осмотра.

Алгоритм предотвращения ошибок: Следователь должен использовать стандартизированные алгоритмы и чек-листы при подготовке к выезду. Протокол должен составляться исключительно на месте происшествия. Описание предметов должно вестись с использованием общепринятых технических наименований. Все изъятые объекты должны немедленно упаковываться с указанием индивидуальных признаков. Участие специалиста-криминалиста и судебного медика должно быть активным,

однако процессуальное руководство и фиксацию результатов осуществляет только следователь.

Заключение

Осмотр места происшествия при обнаружении трупа является фундаментальным следственным действием, от качества которого зависит успех всего расследования. Выявленные в ходе исследования типичные нарушения свидетельствуют о необходимости повышения уровня криминалистической подготовки следователей и усиления процессуального контроля. Соблюдение тактических приемов и строгое следование нормам УПК РФ являются залогом формирования допустимой и достоверной доказательственной базы.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ.
2. Аверьянова Т. В. Криминалистика: Учебник. — М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2017.
3. Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Криминалистика: Учебник. — М.: ИНФРА-М, 2019.
4. Россинская Е. Р. Криминалистика: Учебник. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

Виктимологические и доказательственные аспекты проведения осмотра места происшествия в условиях повышенной опасности техногенного характера

Сайко Анна Максимовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена специфике собирания и сохранения доказательств, а также реализации виктимологических действий при осмотре мест происшествий техногенного характера. Автор анализирует тактические особенности проведения следственных действий при расследовании террористических актов и авиационных катастроф. Рассматриваются проблемы фиксации следов в агрессивных средах, взаимодействия следователя с представителями ведомственных комиссий, а также вопросы обеспечения прав и достоинства жертв техногенных катастроф в условиях чрезвычайной ситуации. Формулируются рекомендации по использованию современных технических средств фиксации для минимизации времени пребывания следователя в опасной зоне.

Ключевые слова: виктимология, доказательственная база, место происшествия, техногенная катастрофа, террористический акт, авиационное происшествие, фиксация следов, тактика осмотра.

Введение

Расследование преступлений и происшествий техногенного характера сопряжено с уникальным комплексом криминалистических и тактических вызовов. В отличие от традиционных преступлений, места техногенных катастроф (аварий на производствах, крушений воздушных судов, террористических актов) характеризуются масштабностью, наличием множественных жертв, а также высокой степенью остаточной опасности. В таких условиях перед следователем встает двойная задача: с одной стороны, обеспечить сохранность хрупкой доказательственной базы и провести виктимологические действия с уважением к правам погибших и пострадавших,

с другой — не подвергать себя и участников группы смертельному риску. Целью данной статьи является анализ тактических приемов, позволяющих разрешить это противоречие.

1. Специфика следственных ситуаций при техногенных катастрофах

Характер техногенного происшествия диктует специфическую тактику осмотра. В. В. Осяк, исследуя преступления террористической направленности (ст. 205 УК РФ), отмечает, что наиболее типичной ситуацией является обнаружение взрывного устройства или места совершенного взрыва. В этом случае следователь вынужден действовать

в условиях жесткого дефицита времени и высокой вероятности срабатывания вторичных взрывных устройств. Первоочередной задачей становится эвакуация людей и работа саперов, что неизбежно приводит к изменению первоначальной обстановки до начала процессуального осмотра [1].

Еще более сложной является обстановка на месте авиационного происшествия. М. В. Головин выделяет ряд факторов, кардинально отличающих такие осмотры:

1. Проведение спасательных операций и тушение пожара неизбежно разрушают первоначальную картину происшествия.

2. Огромная площадь рассеяния обломков и тел погибших, часто в труднодоступной местности (леса, болота, горные массивы).

3. Значительное число пострадавших и погибших, требующее привлечения большого количества экспертов и представителей органов власти [2].

А. А. Митрофанова подчеркивает, что при авиакатастрофах параллельно с уголовным расследованием всегда проводится ведомственное расследование Межгосударственным авиационным комитетом (МАК). Следователь должен выстроить эффективное взаимодействие с экспертами МАК и МЧС, используя их технические ресурсы (тяжелую технику, средства связи, лаборатории) для обеспечения безопасности и сбора доказательств [3].

2. Виктимологические действия в зонах химического и биологического заражения

Виктимологические действия на месте происшествия направлены на изучение личности потерпевшего, механизма виктимизации и причинно-следственных связей между поведением жертвы и наступившими последствиями. При техногенных катастрофах этот аспект приобретает трагическое измерение.

Следователь обязан обеспечить уважение прав и достоинства жертв, что особенно сложно в условиях массовых разрушений и наличия тел с тяжелыми термическими и механическими повреждениями. При этом работа с биологическим материалом в зонах возможного химического или радиационного заражения требует соблюдения строжайших протоколов безопасности. Изъятие образцов тканей для последующей генетической идентификации (ДНК-дактилоскопии) должно производиться специалистами в герметичных костюмах с использованием стерильных инструментов, чтобы исключить контаминацию образцов токсичными веществами, что впоследствии может быть использовано защитой для оспаривания результатов экспертизы.

Психологическая поддержка родственников, прибывших на место или опознающих тела, также входит в комплекс виктимологических мероприятий. Следователь должен оградить их от пребывания в непосредственной зоне риска, организовав безопасные пункты временного размещения и опознания.

3. Тактика фиксации и сохранения доказательств в агрессивных средах

Традиционные методы осмотра (детальное изучение каждого объекта с приближением) при техногенных происшествиях часто неприменимы из-за угрозы обрушения или токсичности атмосферы. В связи с этим следователь должен использовать дистанционные и ускоренные методы фиксации.

Использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Аэрофотосъемка и создание 3D-моделей места происшествия с помощью дронов позволяют зафиксировать взаимное расположение обломков, трассы полета (при авиакатастрофах) и эпицентр взрыва без необходимости физического нахождения следователя в эпицентре опасности.

Применение специализированной техники. Для осмотра завалов и труднодоступных мест используются эндоскопы, тепловизоры и робототехнические комплексы. Это не только обеспечивает безопасность, но и позволяет обнаружить скрытые следы (например, тлеющие очаги или скрытые полости с остатками взрывчатых веществ).

Сбор и упаковка доказательств. Образцы почвы, воздуха, воды и фрагменты конструкций, имеющие следы термического или химического воздействия, должны упаковываться в специализированную герметичную тару, исключаящую их взаимодействие с окружающей средой и испарение летучих веществ. Как отмечается в криминалистической литературе, время является критическим фактором: чем дольше происходит задержка с началом расследования, тем выше вероятность утраты следов под воздействием погодных условий или процессов естественной деструкции [4].

4. Обеспечение сохранности доказательств при взаимодействии с экстренными службами

Одной из главных проблем на месте техногенного происшествия является конфликт между необходимостью спасения жизней/ликвидации аварии и необходимостью сохранения доказательств. Сотрудники МЧС и спасатели, руководствуясь инстинктом спасения и уставными требованиями, могут перемещать конструкции, вскрывать помещения и использовать тяжелую технику, уничтожая следы.

Чтобы минимизировать эти потери, следователь должен:

1. Максимально быстро прибыть на место и взять на себя процессуальное руководство осмотром.

2. Провести краткий инструктаж для командиров спасательных подразделений, объяснив важность сохранения следов и попросив по возможности фиксировать перемещаемые объекты (например, делать фото до начала разборки завала).

3. Организовать непрерывную видеофиксацию всех действий спасателей на месте происшествия.

4. В последующем провести допросы спасателей как свидетелей в части обстоятельств, которые они наблюдали до начала активных фаз ликвидации.

Заключение

Проведение осмотра места происшествия техногенного характера требует от следователя высочайшего уровня профессионализма, умения работать в условиях стресса и повышенной опасности. Баланс между обеспе-

чением безопасности участников, уважением к жертвам (виктимологический аспект) и полнотой собирания доказательств достигается за счет строгого зонирования территории, применения дистанционных методов фиксации (БПЛА, робототехника), а также четкого межведомственного взаимодействия со структурами МЧС, МАК и Роспотребнадзора. Только комплексный подход позволяет собрать доказательственную базу, достаточную для установления истины по делам о техногенных катастрофах и террористических актах.

Литература:

1. Осяк В. В. Особенности возбуждения уголовного дела и типичные следственные ситуации, возникающие при расследовании преступлений, связанных с применением взрывных устройств и взрывчатых веществ / В. В. Осяк, А. С. Кудинов. — Ростов-на-Дону: Журнал «Юрист-Правовед» (Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, № 6, с. 32–35), 2015.
2. Головин, М. В. Организационно-тактические особенности проведения осмотра места авиационного происшествия. / М. В. Головин. — Краснодар: Научный журнал КубГАУ, 2017.
3. Митрофанова А. А. Тактические особенности осмотра места авиационного происшествия / А. А. Митрофанова. — Иркутск: Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения» (№ 1 (9), с. 95–105), 2016.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
6. Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 18.06.1998 № 609.
7. Зацепин А. М. Особенности организации осмотра места происшествия при расследовании преступлений, совершенных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств. / А. М. Зацепин. — Екатеринбург: Журнал «Мониторинг правоприменения», № 1, 2013.
8. Суденко В. Е. Тактика осмотра места железнодорожного происшествия. Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 1. С. 210–222.

Организационно-тактические аспекты обеспечения безопасности участников следственного действия при осмотре места происшествия техногенного характера

Сайко Анна Максимовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье проводится комплексный анализ организационных и тактических мер, направленных на обеспечение безопасности участников следственного действия при осмотре места происшествия техногенного характера. Автор исследует правовые основы данного процесса, опираясь на нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ и Федерального закона «О безопасности». Особое внимание уделяется алгоритму идентификации опасных зон, выбору места проведения следственного действия, требованиям к экипировке участников, а также процессуальным обязанностям следователя по проведению инструктажа и контролю за соблюдением мер предосторожности. На основе анализа научных подходов формулируются практические рекомендации для следственно-оперативных групп.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, техногенное происшествие, безопасность участников, опасные зоны, средства индивидуальной защиты, следственная тактика, уголовный процесс, взрыв, авиационное происшествие.

Введение

В современных условиях техногенная нагрузка на окружающую среду и инфраструктуру неуклонно возрастает, что закономерно приводит к увеличению числа аварий, катастроф и преступлений, связанных с применением

взрывчатых веществ. Расследование подобных событий требует от правоохранительных органов проведения неотложных следственных действий, среди которых центральное место занимает осмотр места происшествия.

Актуальность исследования обусловлена тем, что места происшествий техногенного характера представ-

ляют собой зоны повышенной опасности, где возможны вторичные обрушения, взрывы, утечки токсичных веществ и иные угрозы. В соответствии с ч. 4 ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц [1]. Таким образом, законодатель возлагает на следователя императивную обязанность по обеспечению безопасности всех участников процесса. Игнорирование данного требования не только нарушает конституционные права граждан, но и ставит под угрозу сам факт проведения расследования.

Целью настоящей статьи является разработка и систематизация организационно-тактических приемов обеспечения безопасности участников осмотра места происшествия техногенного характера.

1. Правовые и теоретические основы обеспечения безопасности

Обеспечение безопасности участников следственного действия базируется на фундаментальных принципах уголовного процесса и нормах национального законодательства. Помимо ст. 164 УПК РФ, ключевым нормативным актом выступает Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», который в качестве одной из мер обеспечения безопасности определяет прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз [2]. В контексте следственной деятельности это означает, что следователь обязан еще до начала активных действий провести комплексную оценку рисков.

Теоретический анализ показывает, что безопасность при осмотре места происшествия техногенного характера носит комплексный характер и включает в себя физическую, химическую, биологическую и информационную безопасность. При этом следователь выступает не только как процессуальное лицо, собирающее доказательства, но и как организатор, координирующий действия специалистов, оперативных сотрудников, понятых и представителей экстренных служб.

2. Идентификация и зонирование опасных участков

Первым и наиболее критическим этапом подготовки к осмотру является идентификация опасных зон. Как справедливо отмечает А. М. Зацепин, если осмотр проводится в жилом доме или на предприятии после взрыва, необходимо принять меры к эвакуации людей, а в случаях утраты конструкцией прочности — выполнить разрушительные работы. Осмотр должен проводиться совместно со специалистами (сапером и взрывотехником), которые удостоверяются в безопасности от повторного взрыва [3].

Комплексная оценка ситуации включает в себя несколько обязательных аспектов:

1. Оценка видимых повреждений и опасных объектов. Визуальный осмотр позволяет выявить разрушенные электрические цепи, утечки токсичных веществ, нестабильные конструкции. Объекты, вызывающие сомнения, подлежат немедленному ограждению.

2. Оценка степени стабильности конструкций. Анализ статических и динамических нагрузок позволяет определить угрозу обрушения. Доступ людей в такие зоны должен быть категорически ограничен.

3. Определение мест скопления токсичных и опасных веществ. При железнодорожных происшествиях или промышленных авариях необходимо определить радиус зоны химического заражения и ограничить к ней доступ.

4. Оценка уровня загрязнения окружающей среды. Анализ воды, воздуха и почвы позволяет определить степень опасности для лиц, находящихся вблизи места происшествия.

5. Организация защитных барьеров. Установка физических ограждений и предупреждающих знаков для предотвращения несанкционированного проникновения граждан в опасную зону.

В. Е. Суденко, анализируя тактику осмотра места железнодорожного происшествия, подчеркивает, что, несмотря на требования безопасности, полностью исключить участие понятых из производства следственного действия иногда становится невозможным, так как они удостоверяют факт и ход действия. В связи с этим следователь обязан обеспечить понятых необходимыми средствами защиты и провести с ними дополнительный инструктаж [4].

3. Требования к экипировке и средствам индивидуальной защиты

Экипировка участников осмотра места происшествия техногенного характера должна строго соответствовать характеру угроз. Базовый набор средств индивидуальной защиты (СИЗ) включает:

— **Защитный костюм и обувь.** Костюм должен быть выполнен из материалов, не проводящих электричество, устойчивых к воздействию химических реагентов и высоких температур. Обувь должна иметь противоскользящую подошву, металлический подносок и защиту от проколов.

— **Средства защиты органов дыхания и зрения.** Респираторы, противогазы (в зависимости от типа загрязняющего вещества), герметичные защитные очки.

— **Средства связи.** Взрывобезопасные радиостанции для поддержания непрерывной связи между участниками группы и центром управления.

— **Противопожарное и аварийное оборудование.** Переносные огнетушители, газовые анализаторы, дозиметры.

Запрет на нахождение в зоне риска без соответствующего снаряжения является абсолютным. Следователь

не вправе допускать к осмотру лиц, не прошедших инструктаж и не экипированных надлежащим образом, даже если это затягивает процессуальные сроки.

4. Процессуальный контроль и роль следователя

Контроль со стороны ответственных лиц, прежде всего следователя, является гарантией соблюдения мер безопасности. Следователь обязан:

1. Провести обязательный инструктаж. До начала осмотра все участники (включая специалистов и понятых) должны быть ознакомлены с характером угроз, правилами поведения в чрезвычайных ситуациях и сигналами экстренной эвакуации.

2. Организовать зону безопасности. Определить периметр, за пределами которого могут находиться зрители, представители СМИ и родственники пострадавших.

3. Координировать взаимодействие. При происшествиях техногенного характера на месте всегда присутствуют представители МЧС, Роспотребнадзора, а при

авиакатастрофах — специалисты Межгосударственного авиационного комитета (МАК). Следователь должен четко разграничить зоны ответственности, чтобы ведомственное расследование не препятствовало уголовно-процессуальной деятельности, и наоборот [5].

Заключение

Соблюдение мер безопасности при осмотре места происшествия техногенного характера является не просто технической необходимостью, но и строгим требованием уголовно-процессуального закона. Системный подход к идентификации опасных зон, грамотный подбор экипировки, обязательное проведение инструктажа и жесткий процессуальный контроль со стороны следователя позволяют минимизировать риски для жизни и здоровья участников. Только в условиях обеспеченной безопасности возможно проведение полноценного, объективного и всестороннего осмотра, результаты которого лягут в основу доказывания по уголовному делу.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023).
2. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 28.04.2023).
3. Зацепин А. М. Особенности организации осмотра места происшествия при расследовании преступлений, совершенных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств. / А. М. Зацепин. — Екатеринбург: Журнал «Мониторинг правоприменения», № 1, 2013.
4. Суденко В. Е. Тактика осмотра места железнодорожного происшествия. Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 1. С. 210–222.
5. Митрофанова А. А. Тактические особенности осмотра места авиационного происшествия / А. А. Митрофанова. — Иркутск: Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения» (№ 1 (9), с. 95–105), 2016.
6. Осяк В. В. Особенности возбуждения уголовного дела и типичные следственные ситуации, возникающие при расследовании преступлений, связанных с применением взрывных устройств и взрывчатых веществ / В. В. Осяк, А. С. Кудинов. — Ростов-на-Дону: Журнал «Юрист-Правовед» (Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, № 6, с. 32–35), 2015.
7. Головин М. В. Организационно-тактические особенности проведения осмотра места авиационного происшествия. / М. В. Головин. — Краснодар: Научный журнал КубГАУ, 2017.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

Взаимодействие уголовного судопроизводства и инвестиционного арбитражного разбирательства

Саликов Андрей Валерьевич, студент

Научный руководитель: Чекотков Артем Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В статье рассматривается проблема воздействия инвестиционного арбитражного разбирательства на параллельное уголовное судопроизводство. На основе арбитражной практики (Quiborax v. Bolivia, Caratube v. Kazakhstan, Pigachev v. Russia) выделяются общие и особые условия применения обеспечительных мер, затрагивающих уголовный процесс, и рассматривается механизм приведения предписаний арбитража в действие в национальных правовых порядках, включая российский.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, инвестиционный арбитраж, обеспечительные меры, публичный порядок, государственный суверенитет, приостановление производства по уголовному делу.

Уголовное судопроизводство по своей сущности представляет собой исключительное проявление публичного порядка и государственного суверенитета. В современной российской доктрине уголовного процесса данная публично-правовая природа уголовного судопроизводства получает глубокое обоснование как не подлежащая «перепрограммированию» внешними глобальными тенденциями. Л. В. Головкин в фундаментальной статье «Публично-правовая природа уголовного судопроизводства и современные глобальные усилия по ее перепрограммированию» [1, с. 509–512] подчеркивает, что уголовный процесс как публично-правовая деятельность государства сохраняет свою суверенную сущность даже при наличии параллельных международных механизмов: он не может быть сведен к частноправовому спору, а принцип *ex officio* остается фундаментальной гарантией реализации государственной монополии на уголовное преследование [1, с. 483–484]. Таким образом, с точки зрения теории уголовного процесса публично-правовая природа уголовного судопроизводства принципиально исключает возможность какого-либо внешнего вторжения.

Именно в этой связи представляется необходимым рассмотреть вопрос возможности воздействия разбирательства в инвестиционном арбитраже на параллельный уголовный процесс. Основным средством, применяемым арбитражем в указанном случае, выступают обеспечительные меры, наиболее радикальной из которых является вынесение арбитражем адресованного стороне-государству предписания о приостановлении уголовного разбирательства. С позиции доктрины уголовного процесса [1, с. 508–512], такое обратное воздействие инвестиционного арбитража на уголовное судопроизводство представляет собой исключительный компромисс, поскольку публичное начало (официальность и государственная монополия на преследование) не допускает внешнего вмешательства по умолчанию, однако в случаях явного злоупотребления уголовным процессом как инструментом давления арбитражное предписание может выступать механизмом восстановления баланса без подрыва суверенитета [2, с. 60–65].

Отметим, что ввиду того, что одной из сторон инвестиционного арбитражного разбирательства выступает независимое государство, то наложение обеспечительных мер неизбежно затрагивает суверенитет данного государства, что делает такие меры крайним средством. Поэтому применение обеспечительных мер возможно лишь в исключительных ситуациях, например, с целью защиты процессуальных прав стороны, в том числе права сохранять статус-кво, предотвращения обострения спора и обеспечения целостности арбитражного разбирательства [см.: 3, с. 394].

Особое внимание необходимо уделить вопросу автономии арбитража в наложении обеспечительных мер,

ответ на который по существу и определяет возможность негосударственного органа самостоятельно воздействовать на уголовный процесс суверенного государства. Так, статья 47 Конвенции Международного центра по урегулированию инвестиционных споров об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Вашингтон, 18 марта 1965 г.) устанавливает: «Если стороны не договорились об ином, Трибунал может, если сочтет это необходимым в данных обстоятельствах, рекомендовать любые временные меры, которые следует принять для сохранения соответствующих прав любой из сторон» [4]. В ходе дальнейшего формирования арбитражной практики по применению указанной Конвенции обеспечительные меры постепенно стали воспринимать как имеющие силу обязательных предписаний [5], наравне с итоговыми решениями. В юридической литературе наиболее часто упоминаются следующие категории последствий [6]:

— Арбитраж может сделать неблагоприятные выводы относительно добросовестности стороны [7, с. 220]. Согласно отчету UNCTAD, средняя сумма иска, поданного в международный инвестиционный арбитраж за период с 2014 года по 2024 год 981,8 млн. долларов США, средняя сумма присужденных средств за тот же период составляет 233 млн. долларов США [8].

— Арбитраж может возложить на государство, пренебрегшее его предписанием, обязанность по возмещению процессуальных расходов другой стороны. Например, в деле *Quiborax v. Bolivia* [9] арбитраж вынес обеспечительную меру, предписав Боливии приостановить производство по уголовному делу против инвесторов, тем не менее, Боливия не исполнила данного решения, что стало одной из причин возложения на государство оплаты не только своей части расходов, но также 50 % расходов истца. Данная сумма превысила 650 тыс. долларов США.

Соответственно, если применение таких мер в ситуации крайней необходимости нацелено на установление равенства сторон, то злоупотребление ими можно считать шантажом в отношении целого государства. Именно это обстоятельство потребовало от теории и практики арбитража выработки определенных критериев допустимости применения обеспечительных мер. Указанные критерии (в дальнейшем будем называть их условиями) можно разделить на две категории:

— Общие условия, соблюдение которых необходимо для применения любой из обеспечительных мер.

— Особые условия, необходимые для применения обеспечительных мер, затрагивающих уголовное судопроизводство.

Общие условия происходят из самого предназначения обеспечительных мер, а именно сохранения прав сторон. Соответственно, обстоятельства, требующие применения

таких мер можно сформулировать следующим образом: «обстоятельства, при которых меры необходимы для сохранения прав стороны, и эта необходимость является безотлагательной» [10]. В этом случае тремя общими условиями можно считать: реальное существование прав, на защиту которых направлена мера, а также срочность и необходимость ее применения для их защиты [см.: 9; 3, с. 388, 395–396].

В деле *Quiborax v. Bolivia* [9] арбитражное разбирательство было возбуждено по иску компаний Quiborax, NMM, а также Алана Фоска Каплуна против Боливии о возмещение ущерба, причиненного отзывом одиннадцати концессий на добычу полезных ископаемых. Арбитраж удовлетворил ходатайство истцов о применении обеспечительной меры в виде приостановления уголовного судопроизводства, указав на то, что уголовное дело непосредственно связано с инвестиционным разбирательством, так как напрямую затрагивает именно истцов, а продолжение преследования может преградить доступ инвесторов к арбитражу.

В деле *Saratube v. Kazakhstan* [11] инвестиционное арбитражное разбирательство было начато в связи с расторжением Казахстаном в одностороннем порядке контракта на разведку и добычу углеводорода. Истец ходатайствовал перед арбитражем о наложении обеспечительной меры в виде приостановления уголовного разбирательства. Однако арбитраж отказал в удовлетворении данного ходатайства. Трибунал указал на то, что для принятия мер такого характера, явно вторгающихся в сферу государственного суверенитета, требуется не просто соблюсти общие (как мы именовали их выше) требования, но перешагнуть особенно высокий их порог.

Таким образом, за исключением обязательности наличия общих условий, существует тенденция на необходимость для применения обеспечительной меры, затрагивающей уголовное судопроизводство, следующий особых условий:

— Влияние и последствия уголовного преследования должны отражаться непосредственно на стороне инвестиционного разбирательства, а не только на связанных с ней организациях.

— Одного лишь возбуждения уголовного дела и уголовного преследования в отношении стороны арбитражного разбирательства недостаточно для принятия решения о наложении обеспечительной меры. Всегда требуется подтверждение существенного нарушения данным преследованием прав истца не просто как организации или физического лица, а именно как стороны инвестиционного спора.

— Применение обеспечительной меры наиболее вероятно в случае, если уголовное судопроизводство ограничивает доступ инвесторов к доказательствам, необходимым арбитражу для разрешения инвестиционного спора [12, с. 51–52].

В контексте затронутой проблемы наибольший уголовно-процессуальный интерес представляет механизм приведения предписания арбитража в действие в рамках

отечественной правовой системы. УПК РФ предусматривает исчерпывающий список оснований для принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу, в число которых не входит принятие обеспечительной меры в рамках инвестиционного разбирательства с участием РФ. Наиболее известным примером разрешения вопроса о наложении меры инвестиционным арбитражем с участием РФ является дело *Pugachev v. Russia* [13], в котором Истец ходатайствовал о приостановлении всех текущих уголовных дел в России (и других странах) против него, членов семьи и связанных лиц, о приостановлении рассмотрения Россией запросов об экстрадиции Истца во Францию, а также о защите процессуальной целостности арбитража. Данное ходатайство было удовлетворено лишь в части, касающейся приостановления рассмотрения запросов об экстрадиции.

Аналогичный УПК РФ закрытый перечень оснований приостановления производства по уголовному делу существует в других странах СНГ, например в Республике Казахстан [14], Республике Беларусь [15], Республике Армения [16]. Модельный уголовно-процессуальный кодекс СНГ также содержит идентичный набор оснований приостановления [17]. Однако, в отличие от законодательства стран СНГ, некоторые западные правовые порядки зачастую предусматривают основания, которые при их трактовке правоприменителями допускают их использование и в случае с наложением обеспечительной меры инвестиционным арбитражем.

Наиболее показательным является постановление прокурора Словакии, вынесенные в 2014 году в связи с инвестиционным разбирательством *EuroGas Inc. и Belmont Resources Inc. v. Slovak Republic* (ICSID Case No. ARB/14/14) [18]. После подачи инвесторами ходатайства о наложении обеспечительной меры в арбитраж, прокурор Словакии вынес постановления о возврате изъятых документов и о приостановлении уголовного дела. Интересно, что данное решение было основано на положениях ч. 4 ст. 228 УПК Республики Словакия [19]. Таким образом, обозначенная норма уголовно-процессуального законодательства была применена прокурором в расширительном толковании, так как иск в арбитраж был подан не государством, а частными инвесторами, что при буквальном толковании включало бы действие указанной статьи.

Механизм приведения арбитражных предписаний в действие в национальных правовых порядках (включая закрытый перечень оснований приостановления по УПК РФ и модельному Кодексу СНГ) дополнительно подтверждает приоритет публичного начала уголовного процесса: государство сохраняет исключительное право определять основания приостановления, а расширительное толкование (как в Словакии) возможно лишь в исключительных случаях и не отменяет суверенитета в сфере уголовной юстиции [1, с. 508–512].

С точки зрения теории уголовного процесса описанное вмешательство инвестиционного арбитража в уголовное судопроизводство выглядит парадоксально: никто

извне не вправе вторгаться в суверенную сферу уголовной юстиции, поскольку это подрывает публичное начало и государственную монополию на преследование. Однако в практике инвестиционных арбитражей такое вторжение возможно как исключительный инструмент восстановления баланса, когда уголовное преследование

используется недобросовестно как средство давления на инвестора. В условиях роста геополитической напряженности данный механизм требует дальнейшего теоретического осмысления в отечественной доктрине с целью сохранения суверенитета при соблюдении международных обязательств.

Литература:

1. Головкин Л. В. Публично-правовая природа уголовного судопроизводства и современные глобальные усилия по ее перепрограммированию // Правоведение. — 2024. — Т. 68, № 4.
2. Семькина О. И. Суверенитет государства — правовая основа действия уголовного закона в пространстве. — 2022.
3. Mouawad N. G., Silbert E. A. [полное библиографическое описание источника — дополнить: в тексте ВКР приведена только ссылка «Op. cit».].
4. Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (ICSID Convention) (Washington, 18 March 1965).
5. Emilio Agustín Maffezini v. Kingdom of Spain, ICSID Case No. ARB/97/7, Procedural Order No. 2 (1999).
6. Applications for Interim Measures: Guidelines / Chartered Institute of Arbitrators. — London, 2016.
7. Van Houtte V. Adverse Inferences in International Arbitration // Dossier of the ICC Institute of World Business Law: Written Evidence and Discovery in International Arbitration: New Issues and Tendencies. — 2009.
8. Recent trends in investor-State arbitration cases: IIA Issues Note / United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). — September 2025. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcbinf2025d4_en.pdf (дата обращения: 21.04.2026).
9. Quiborax S. A., Non Metallic Minerals S. A. and Allan Fosk Kaplún v. Plurinational State of Bolivia, ICSID Case No. ARB/06/2, Decision on Provisional Measures (26 February 2010) // italaw. — URL: <https://www.italaw.com/cases/899> (дата обращения: 06.04.2026).
10. Tokios Tokelés v. Ukraine, ICSID Case No. ARB/02/18, Procedural Order No. 3 (2005).
11. Caratube International Oil Company LLP v. Republic of Kazakhstan, ICSID Case No. ARB/08/12, Decision Regarding Claimant's Application for Provisional Measures (31 July 2009) // italaw. — URL: <https://www.italaw.com/cases/211> (дата обращения: 06.04.2026).
12. Burnett H. G., Beess und Chrostin J. Interim Measures in Response to the Criminal Prosecution of Corporations and Their Employees by Host State in Parallel with Investment Arbitration Proceedings // Maryland Journal of International Law. — 2015. — Vol. 30, Iss. 1. — URL: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/mjil/vol30/iss1/5> (дата обращения: 06.04.2026).
13. Sergei Viktorovich Pugachev v. The Russian Federation: Interim Award of 7 July 2017 (UNCITRAL) // italaw. — URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw9372.pdf> (дата обращения: 07.04.2026).
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 30 июня 2021 г. № ЗР-306.
17. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 17 февраля 1996 г.).
18. EuroGas Inc. and Belmont Resources Inc. v. Slovak Republic, ICSID Case No. ARB/14/14, Procedural Order No. 3 (23 June 2015).
19. Criminal Procedure Code of the Slovak Republic (Act No. 301/2005 Coll.).

Проблемы института административного судопроизводства в Российской Федерации

Сацкевич Никита Андреевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассмотрены современные проблемы функционирования административного судопроизводства в Российской Федерации с учетом его институционального значения. Отмечается необходимость переосмысления организационно-процессуального устройства административной юстиции в целях эффективной защиты прав участников публичных правоотношений. Автором предпринимается попытка обосновать единство природы административного

судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях, что следует из их общего публично-правового характера. Подчеркивается, что надлежащая реализация принципа законности в административно-деловых делах невозможна без надлежащего судебного контроля, а в силу неопределенности разграничения компетенций между судами и административными органами данная функция остается недостаточно реализованной. Предлагается расширение категории дел об административных правонарушениях, подлежащих рассмотрению в суде первой инстанции, а также введение механизма обязательного досудебного урегулирования административных споров.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административный процесс, публично-правовой спор, суд общей юрисдикции, административное правонарушение, судебный контроль, досудебное урегулирование.

Problems of the Institute of Administrative Proceedings in the Russian Federation

Satskevich Nikita Andreevich, student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the current problems of the functioning of administrative legal proceedings in the Russian Federation, taking into account its institutional importance. It is noted that there is a need to rethink the organizational and procedural structure of administrative justice in order to effectively protect the rights of participants in public legal relations. The author attempts to substantiate the unity of the nature of administrative proceedings and proceedings in cases of administrative offenses, which follows from their common public law nature. It is emphasized that the proper implementation of the principle of legality in administrative and tort cases is impossible without proper judicial control, and due to the uncertainty of the division of competencies between courts and administrative authorities, this function remains insufficiently implemented. It is proposed to expand the category of cases of administrative offenses to be considered in the court of first instance, as well as the introduction of a mechanism for mandatory pre-trial settlement of administrative disputes.

Keywords: administrative proceedings, administrative process, public law dispute, court of general jurisdiction, administrative offense, judicial control, pre-trial settlement.

Административное судопроизводство формировалось для разрешения споров между населением и государственными структурами. Однако, одним из факторов, сдерживающих развитие административной юстиции в России, выступало отсутствие обособленного рассмотрения дел указанной категории в судебной практике. Объединение административных и гражданских производств не способствовало систематизации судебных решений, снижало значение административного судопроизводства. Отмечалась и недостаточно сформированная специализация судей по данной категории споров. При этом, гражданские и административные споры существенно различаются, имеют различные источники возникновения, правовую природу и предмет, а также основываются на различных принципах правового регулирования.

Появление КАС РФ, установившего нормативное регулирование порядка рассмотрения административных дел, позволило унифицировать и сформировать устойчивую правоприменительную практику в данной сфере, устранить прежнюю фрагментарность подходов, основанную на отсылках к общегражданским процессуальным правилам. Тем самым был закреплен особый статус административного судопроизводства, отличного от гражданского судопроизводства как по предмету, так и по целям процессуального регулирования.

В отечественной административно-правовой доктрине устоялось представление о том, что админи-

стративное судопроизводство характеризуется особой ролью суда, выражающейся в его активном участии в процессе [1]. Указанная позиция приобретает актуальность ввиду специфики субъектного состава дел данной категории — частноправовое лицо зачастую оказывается в заведомо неравном положении по сравнению с публичным субъектом. В этой связи предполагается, что судья должен не просто оценивать представленные доказательства, но и активно способствовать выявлению и проверке правомерности действий административного органа. Такая модель правосудия предполагает проактивную позицию суда при исследовании обстоятельств дела и обеспечивает надлежащую защиту интересов лица, находящегося в менее сильной процессуальной позиции.

Особое внимание в научной литературе уделяется также проблеме квалификации дел об административных правонарушениях — на сегодняшний день отсутствует единое понимание того, следует ли относить их к сфере административного судопроизводства [2, с. 43]. Отметим, что особенностью таких дел является принятие решений по ним как судами, так и органами исполнительной власти либо отдельными должностными лицами. Возникает очевидное противоречие между подобным устройством производства и принципом разделения властей, провозглашенным в статье 10 Конституции Российской Федерации, поскольку допускается совмещение функций контроля и наказания в исполнительной власти.

В то же время, если рассматривать производство по делам об административных правонарушениях как разновидность правосудия, переданную на рассмотрение судов, то очевидно, что его следует включать в сферу административного судопроизводства. Иначе нарушается статья 118 Конституции Российской Федерации, устанавливающая, что правосудие осуществляется исключительно судами. Следовательно, если суд осуществляет рассмотрение дела об административном правонарушении, то такое дело должно подчиняться общим правилам административного судопроизводства, включая принципы, процедуры и процессуальные гарантии.

Следует признать, что значительная часть дел об административных правонарушениях, которые в соответствии с нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях рассматриваются судами, сопряжена с существенными ограничениями прав и свобод личности. В отличие от дел, находящихся в компетенции органов исполнительной власти и их должностных лиц, дела, отнесенные к ведению суда, требуют большей степени правовой гарантированности и сложной процессуальной регламентации, что влечет за собой необходимость более взвешенного подхода со стороны судебной власти.

Полагаем, что конструктивным является разграничение понятий «административный процесс» и «административное судопроизводство» в том виде, в каком оно осуществляется в современной правовой системе. Второе, по своей сути, представляет собой составную часть первого, обладая при этом спецификой, связанной с судебной формой защиты прав и свобод в публично-правовых от-

ношениях. Такое понимание согласуется с положениями статьи 118 Конституции Российской Федерации, где провозглашается существование самостоятельной ветви государственной власти — судебной, а также с фактической практикой применения законодательства в рассматриваемой сфере.

Остается нерешенным вопрос о понимании административного процесса как механизма урегулирования споров в сфере публичного управления. Недостаточно определены пределы разграничения между административным судопроизводством в узком смысле (как производства по делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ) и судебным производством по делам об административных правонарушениях, что препятствует формированию единого и устойчивого подхода к толкованию соответствующих процессуальных норм. Вместе с тем при внешней процессуальной разобщенности этих двух категорий дел они объединены единым характером правовых отношений, которые влекут необходимость судебного вмешательства. В обоих случаях речь идет о конфликте в сфере публичного права, где одной из сторон всегда выступает орган публичной власти, а сам спор касается реализации управленческих функций государства.

Единство административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях обеспечивается не только общими чертами правового регулирования, но и глубинной природой затрагиваемых общественных отношений. Судебная деятельность в этой сфере направлена на защиту интересов публичного порядка, обеспечение баланса между властными полномочиями государства и правами личности [3, с. 268].

Литература:

1. Гречкина О. В., Степанов А. Т. Некоторые размышления об административном судопроизводстве в современном праве // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 43–49.
2. Гамзаева М. Н. Актуальные проблемы административного судопроизводства // Современные правовые проблемы: взгляд студентов и курсантов. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2023. С. 43.
3. Кафтаева Э. Р. Общая характеристика административного судопроизводства: проблемы и пути их разрешения // Правовая система и вызовы современности. Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2024. С. 268.

Преддоговорная ответственность: инструмент правовой защиты или бессмысленная формальность?

Сегал Ольга Алексеевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена исследованию правовой природы преддоговорной ответственности. Автор рассматривает принцип добросовестности в ходе переговоров. Делается вывод о проблеме недостаточного урегулирования преддоговорных отношений и закрепления четкой процедуры ведения переговоров в ГК РФ. Автором произведён анализ судебной практики и предложены рекомендации по совершенствованию действующего законодательства для повышения правовой определённости.

Ключевые слова: *преддоговорные отношения, переговоры, преддоговорная ответственность, принцип добросовестности.*

Преддоговорные отношения представляют собой важную стадию заключения основного договора, дают возможность обсудить сторонам существенные условия будущей сделки и оказывают значительное влияние на формирование согласованности сторон. В. В. Богданов отмечает, что начало преддоговорных отношений надо связывать с «теми действиями сторон на преддоговорном этапе, которые ясно свидетельствуют о намерении сторон вести переговоры о заключении договора» [1]. Необходимыми предпосылками преддоговорного отношения являются принцип добросовестности и принцип свободы договора. Как пишет Е. Е. Богданова: «Исходя из принципа свободы договора участники вправе своей волей определять заключать или не заключать договор, и вступление в переговорный процесс не означает обязанности его заключения. Однако положения ст. 434.1 ГК РФ устанавливают для сторон переговорного процесса обязанность действовать добросовестно, предусматривая ответственность за недобросовестное ведение переговоров» [1].

Вопрос о правовой природе института преддоговорной ответственности стал особенно актуальным на фоне появившейся в ГК РФ в 2015 году статьи 434.1, регулирующей переговоры о заключении договора. При вступлении в переговоры стороны обязаны действовать добросовестно, не допускать вступление в переговоры или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Недобросовестными действиями предполагаются: 1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в т. ч. умолчание об обстоятельствах, которые должны быть доведены до сведения другой стороны; 2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора в ситуациях, когда другая сторона не могла разумно этого ожидать [2].

Несмотря на положительный эффект новеллы института преддоговорной ответственности, существует ряд сложных вопросов. В научной литературе многие авторы выделяют проблемы «неопределенности правовой природы преддоговорной ответственности и «открытой» терминологии, не позволяющей однозначно трактовать значение ключевых положений» [3]. И.О. Хлестова справедливо отмечает, что «в российской науке до сих пор не сложилось единого мнения относительно правовой природы преддоговорной ответственности и порядка возмещения преддоговорных убытков» [4]. Попытаемся дать характеристику вышеуказанным проблемам и предложить возможные рекомендации по преодолению правовых пробелов.

Верховный Суд РФ квалифицирует преддоговорную ответственность как деликтную: «К отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при

проведении переговоров, применяются нормы главы 59 ГК РФ с исключениями, установленными статьей 434.1 ГК РФ. Например, юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный недобросовестным поведением его работника при проведении переговоров (ст. 1068 ГК РФ)» [5]. Однако вопрос о природе преддоговорной ответственности до сих пор является дискуссионным в правовой доктрине. И. З. Аюшеева объясняет двойственную природу наступления такой ответственности тем, что её следует считать договорной, если договор в итоге был заключен и законом предусмотрены специальные способы защиты в связи с нарушением преддоговорных обязанностей. «В случае если такие обязанности не были исполнены и договор не был заключен, такую преддоговорную ответственность следует считать квазидоговорной. В случае заведомо недобросовестного поведения при ведении переговоров такие действия можно квалифицировать в качестве злоупотребления правом и признать наступившую ответственность деликтной» [6]. Формальное разделение преддоговорной ответственности (если есть письменное соглашение о переговорах — договорная ответственность; в противном случае — деликтная) может казаться не слишком убедительным с точки зрения теории, однако «без изменения действующей нормы о переговорах по заключению договора — единственно приемлемое объяснение для судебной практики по применению необходимых презумпций и норм» [7]. По-нашему мнению, преддоговорная ответственность не может быть отнесена исключительно к деликтной или договорной; она имеет свою уникальную правовую природу, которая требует четкого законодательного уточнения и детального анализа в каждом конкретном случае.

Вторым проблемным вопросом является недостаточная разработанность критериев недобросовестного выхода из переговоров. ГК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ недостаточно регулируют критерии для определения недобросовестного поведения сторон, что приводит к затруднениям в защите прав участников. Для решения данной проблемы Д. Е. Тимофеева и М. В. Вронская предлагают «устранить недостатки юридической техники касемо установления либо открытого, либо закрытого перечня недобросовестных действий и уточнения значения этих действий (в частности таких понятий, как «предоставление неполной и недостоверной информации», «внезапное и неоправданное прекращение переговоров», «заведомое отсутствие намерения достичь соглашения»)» [3]. Мы считаем целесообразным уточнить критерии путём заключения сторонами письменного соглашения о порядке ведения переговоров, включающего требования к добросовестному поведению участников. Наличие такого соглашения упростит процесс доказывания недобросовестности, поскольку стороны уже за-

ранее устанавливают критерии, например, перечень действий, которые будут расцениваться в качестве недобросовестных.

Следующая проблема связана с вопросом о взыскании убытков. На практике истцу едва ли удастся доказать связь между поведением ответчика и причинёнными убытками. В п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 24 марта 2016 г. «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» определено, что при возмещении убытков, причиненных недобросовестным поведением при проведении переговоров, потерпевшая сторона должна быть поставлена в положение, в котором она находилась бы, если бы не вступала в переговоры с недобросовестным контрагентом [8]. Так, характер убытков законодатель описал в формате негативного договорного интереса. О. Ю. Сидоренко и В. П. Штыков отмечают, что «убытки могут быть взысканы: 1) если включают в себя расходы, необходимые в процессе ведения переговоров; 2) ущерб добросовестной стороне причинен исключительно в результате недобросовестного поведения контрагента. При этом взыскать расходы, произведенные добросовестным контрагентом, хотя и имевшим реальные основания полагать,

что договор будет заключен в будущем, если такие расходы не были необходимыми на преддоговорном этапе, взыскать затруднительно» [9]. В качестве одного из решений данной проблемы Д. Е. Тимофеева и М. В. Вронская предлагают «установить правовую природу убытков в случае утраты возможности заключить договор с третьим лицом при недобросовестном поведении одной из сторон, т. к. от этого зависит определение механизма доказывания размера таких убытков» [3]. Действительно, данное предложение является обоснованным, т. к. позволит сторонам упростить процесс взыскания убытков, оценить необходимость понесенных затрат и обеспечить более справедливое правоприменение.

Таким образом, тема преддоговорной ответственности вызывает бурные обсуждения среди юристов и учёных, которые в итоге выступают за то, что это не просто формальность, а необходимый элемент в гражданских правоотношениях. Однако существующие проблемы дают основание полагать о необходимости дальнейшего реформирования института преддоговорной ответственности. Правовая неопределённость будет решена в связи с расширением судебной практики в этой области и путём внесения изменений в действующее законодательство.

Литература:

1. Богданов В. В. Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве. Дис...к.ю.н. М., 2011. С. 26.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Тимофеева Д. Е., Вронская М. В. Актуальные вопросы и перспективы развития института преддоговорной ответственности в гражданском праве // Юридическая наука. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-i-perspektivy-razvitiya-instituta-preddogovornoj-otvetstvennosti-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 24.09.2024).
4. Внедоговорные обязательства в международном частном праве: монография / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. И.О. Хлестова. — М: НОРМА: ИНФРА-М, 2017. — 160 с. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств», п. 19 // СПС «КонсультантПлюс»
6. Аюшеева И. З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // Lex Russica. 2017. № 5 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preddogovornaya-otvetstvennost-novelly-grazhdanskogo-zakonodatelstva-i-sudebnoy-praktiki> (дата обращения: 25.09.2024).
7. Поротикова О. А. Подходы к пониманию природы ответственности за ненадлежащее ведение переговоров // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-ponimaniyu->
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств»// СПС «КонсультантПлюс»
9. Сидоренко О. Ю., Штыков В. П. Преддоговорная ответственность в Российской Федерации: Проблемы практики применения // E-Scio. 2020. № 9 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preddogovornaya-otvetstvennost-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-praktiki-primeneniya> (дата обращения: 24.09.2024).

Судебная защита жилищных прав граждан: критерии фактического восстановления

Сочнев Филипп Николаевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуется разрыв между признанием жилищного права и реальным изменением положения гражданина. Предлагается оценивать защиту на трех уровнях: доступ к суду, качество судебного вывода и исполнение. На материале решений КС РФ и ВС РФ 2023–2026 гг. раскрыты последствия формального подхода к статусу собственника, нанимателя, постоянного пользователя и ребенка-сироты. Обоснованы требования к предмету доказывания и резолютивной части решения.

Ключевые слова: право на жилище, судебная защита, выселение, аварийное жилье, приватизация, исполнение решения.

Исследование посвящено вопросу, который остается за пределами обычного подсчета удовлетворенных исков: изменилось ли жилищное положение гражданина после суда. Доступ к правосудию сохраняет ценность лишь при возможности получить определенный и исполнимый результат. А. Р. Карайман пишет, что статья 11 ЖК РФ не называет «порядок подачи жалобы и перечень административных органов» [6]. Неопределенность особенно заметна в споре, где гражданин одновременно оспаривает решение администрации, требует признать право пользования и просит предоставить помещение.

В таблице 1 предложена трехуровневая проверка судебной защиты. Показатели не подменяют юридическую оценку, а задают последовательность анализа материалов дела.

Таблица 1. Уровни оценки судебной защиты

Уровень	Проверяемый вопрос	Признак неполной защиты
Доступ	Может ли гражданин предъявить надлежащее требование без чрезмерных препятствий	Возврат заявления, спор о виде судопроизводства, непосильные расходы
Судебное решение	Установлены ли статус, нуждаемость, пригодность жилья и последствия вмешательства	Решение основано на регистрации либо записи ЕГРН без оценки фактических обстоятельств
Исполнение	Получил ли гражданин жилье, возмещение, вселение либо прекращение нарушения	Решение остается в очереди, параметры помещения не определены

Трехуровневая модель отделяет процессуальную победу от результата. Е. В. Бердникова и С. Н. Соловых указывают: «Нередко права граждан нарушаются органами местного самоуправления, ответственными за их расселение, что заставляет их прибегать к судебным и иным процедурам юридической защиты» [5]. Расхождение возникает раньше исполнения: суды неодинаково определяют сам объем гарантии. Позднее неопределенная резолютивная часть порождает новый конфликт с приставом и публичным должником.

В таблице 2 сопоставлены статус гражданина, подлежащие доказыванию обстоятельства и подходящий результат. Общая ссылка на право проживания не заменяет указанного разграничения.

Таблица 2. Статус, доказывание и судебный результат

Статус гражданина	Основные обстоятельства	Возможный результат
Собственник аварийного помещения	Рыночная стоимость, единственность жилья, учет нуждаемости, срок приобретения	Возмещение либо другое помещение в предусмотренном законом случае
Наниматель по социальному найму	Состав семьи, площадь, благоустроенность, границы населенного пункта	Предоставление равнозначного помещения
Лицо, отказавшееся от приватизации	Право пользования на дату приватизации, отсутствие другого пригодного жилья	Сохранение или специальная компенсация утрачиваемого пользования
Добросовестный приобретатель	Возмездность, добросовестность, действия публичного собственника	Отказ в истребовании либо установленная законом компенсация
Ребенок-сирота	Реальная доступность и пригодность имеющейся доли	Предоставление специализированного жилья или выплата

КС РФ применяет содержательную оценку статуса. В деле о малоимущем собственнике Суд отверг формальную зависимость права от титула, поскольку такая зависимость «ни из статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, ни из каких-либо других его норм не следует» [3]. Внеочередное предоставление поэтому оценивается по нуждаемости, а не по прежнему титулу. КС РФ связал правовые последствия с ситуацией, когда «публично-правовое образование не предпринимает должных мер для защиты своего имущественного права на жилое помещение» [4]. Верховный Суд при пересмотре спора об аварийном доме признал нарушения существенными, поскольку без их устранения «невозможны восстановление и защита нарушенных прав» [1]. Приведенные формулы требуют исследования фактической жизненной ситуации, а не одного документа о собственности или регистрации.

Исполнение нуждается в такой же точности. Суд, обязывающий предоставить жилье, должен назвать вид права, минимальную площадь, территорию, санитарные требования и срок. При присуждении возмещения необходима проверка рыночной стоимости на дату, близкую к реальному изъятию. По делам детей-сирот прекращение производства об административном правонарушении «не влечет прекращения обязанности органа местного самоуправления исполнить... требование» [2]. Подмена квартиры неопределенной перспективой бюджетного финансирования оставляет конституционную гарантию без материального результата.

В таблице 3 сформулированы предложения, вытекающие из анализа. Каждая мера направлена на конкретный источник неполной защиты.

Таблица 3. Предложения по совершенствованию судебной защиты

Проблема	Предлагаемая мера	Ожидаемый результат
Неясное соотношение ЖК РФ и ГК РФ	Закрепить в ЖК РФ правило о субсидиарном применении гражданского законодательства	Предсказуемая квалификация смешанных отношений
Формальный учет собственности или регистрации	Установить обязательную оценку пригодности, доступности и единственности жилья	Решение с учетом реальной нуждаемости
Неопределенная резолютивная часть	Ввести перечень обязательных параметров предоставляемого помещения	Исполнимое требование без нового иска
Длительное исполнение публичной обязанности	Обязать суд устанавливать срок и периодическую судебную неустойку при уклонении	Сокращение периода ожидания
Разрозненная статистика	Публиковать данные об удовлетворении и исполнении по категориям жилищных дел	Проверяемая оценка эффективности защиты

Для применения предложенного подхода суду достаточно последовательно ответить на четыре вопроса. Вначале устанавливается юридическое основание проживания, затем проверяется реальная жилищная нужда, после чего определяется соразмерный способ защиты и формулируются параметры исполнения. При изъятии аварийного помещения оценке подлежат стоимость, пригодность замены и последствия переселения для семьи. При выселении исследуются основание вселения, продолжительность проживания, семейные отношения, наличие другого доступного помещения и интересы несовершеннолетних. В споре с публичным органом резолютивная часть должна содержать срок исполнения и признаки жилья, достаточные для работы судебного пристава. Подобная последовательность уменьшает риск нового процесса из-за неясности уже вынесенного решения. Одновременно сохраняется индивидуальная оценка обстоятельств: одинаковая площадь не означает равнозначных условий для человека с инвалидностью, многодетной семьи и одиноко проживающего гражданина.

Предложения сохраняют специальные гарантии для разных групп граждан. С. И. Сулова и Д. А. Формакидов пишут: «изучение данных вопросов носит фрагментарный характер» [7]. Анализ подтвердил рабочую гипотезу: разрыв между решением и восстановлением особенно заметен при обязанности публичного образования предоставить пригодное жилье.

Литература:

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 18-КГ25-484-К4. С. 12 печатной нумерации (страница 11 PDF). URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2517694 (дата обращения: 15.07.2026).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 г. № 29-П. П. 4 мотивировочной части, с. 18; п. 1 резолютивной части. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision848458.pdf> (дата обращения: 15.07.2026).
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 20-П. П. 3.1, с. 12–13. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision676746.pdf> (дата обращения: 15.07.2026).
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2026 г. № 35-П. П. 3.4, с. 19–20 печатной нумерации (страницы 18–19 PDF). URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision912461.pdf> (дата обращения: 15.07.2026).
5. Бердникова Е. В., Соловых С. Н. Проблемные аспекты судебной защиты прав собственников жилых помещений при переселении из аварийного жилья в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 72. DOI: 10.18500/1994–2540–2023–23–1–72–78.
6. Карайман А. Р., Яковлев В. И. Актуальные проблемы защиты жилищных прав // Epomen.Global. 2025. № 60. С. 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-zaschity-zhilischnyh-prav> (дата обращения: 15.07.2026).
7. Суслова С. И., Формакидов Д. А. Аналогия закона при разрешении жилищных споров // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 1 (63). С. 88. DOI: 10.17072/1995–4190–2024–63–88–111.

Эволюция составов преступлений злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий в дореволюционной России

Трофимова Татьяна Александровна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы исторического развития составов должностных коррупционных преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ, в рамках отечественного института права до революционных событий начала XX века. Исследование проведено на основании изучения и анализа основных исторических и юридических нормативных правовых источников, сохранившихся до настоящего времени [1–8].

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, история отечественного права, должностные преступления, интересы службы, уголовно-правовые нормы.

The evolution of the elements of the crimes of abuse of official authority and exceeding official authority in pre-revolutionary Russia

Trofimova Tatyana Alexandrovna, master's student
Russian New University (Moscow)

This article examines certain issues related to the historical development of the elements of official corruption-related offences provided for in Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation, within the framework of the domestic legal institution prior to the revolutionary events of the early 20th century. The study is based on the examination and analysis of the main historical and legal regulatory sources that have survived to the present day.

Keywords: abuse of official authority, excess of official authority, history of Russian law, official crimes, interests of service, criminal norms.

Институт ответственности за должностные преступления, в том числе за злоупотребление должностными полномочиями и их превышение, имеет в России глубокие исторические корни. Как справедливо отмечал выдающийся юрист Н. С. Таганцев «если мы желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного его уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его»... [9, с. 21]. Анализ отечественных правовых памятников

свидетельствует о том, что уголовное законодательство за превышение должностных полномочий сформировалось не сразу и восходит к своим генетическим нормам к концу XVI — началу XVII в. На протяжении столетий шел постепенный процесс от разрозненных казуистических запретов к формированию обобщенных составов преступлений, от охраны исключительно интересов государства — к защите более широкого круга общественных ценностей» [1, 7].

Первые письменные официальные упоминания о должностных преступлениях и об ответственности за их совершение содержатся в Судебнике 1497 года, который был издан при Иване III (Иване Великом), в ст. 19 «О неправомерном разбирательстве дела». Но, в приведенной правовой норме речь шла об неосторожном или случайном должностном преступлении, поэтому данная статья нашла отражение и развитие, а также расширенное дополнение в Судебнике Иоанна IV (Ивана Грозного), датированного июнем 1550 г. В целом, Судебник предусматривал исполнение единых законов, норм и правил, исходящих в первую очередь, от царствующего монарха, на территории Московского государства, которое было объединено из разрозненных автономных княжеств домосковской Руси [2, 3, 6, 8].

В законодательных актах Судебника 1550 г. будут содержаться статьи, в которых указано, что при совершении должностным лицом коррупционного деяния с целью извлечения личной выгоды при исполнении им своих служебных полномочий, часто связанных с вершением правосудия, данное «лицо» будет подвергнуто наказанию в соответствии с указанной статьей (т. е. указанным способом).

Законодатель указывает в ст. 2 Судебника 1550 г. на наступление последствий за неправомерное вынесение судебного решения: «Если боярин, окольный; дворецкий; казначей или дьяк примет решение без надлежащего разбора дела в суде, или выдаст правую грамоту, решение признается недействительным. При этом судьи ответственности не несут, а истец может передать дело в суд на новое рассмотрение и все полученное с него вернуть назад» [3].

В соответствии с сословной и должностной иерархией периода правления Иоанна IV, к должностным лицам относились: высшее управленческое сословие — бояре, которые согласно Судебнику Иоанна III (Ивана Великого) были наделены полномочиями отправления правосудия и разрешением судебных споров, иные привилегированные служащие также принадлежавшие высшему сословию, которые могли по указу царя вершить правосудие — окольные, дворецкие, а также организационно — управленческий состав административных территориальных единиц — наместники, волостели, тиуны, финансово-хозяйственные управляющие — казначеи, работники судебной-бюрократического аппарата — дьяки. Статус данных лиц предполагал широкий спектр их влияния на народную общественность, сопряженную с их непосредственной служебной деятельностью.

Возможно определить, что к середине XVI века на территории Московского государства возникла необходимость закрепить на законодательном уровне ответственность должностных лиц за совершение служебных преступлений, порочащих честь и достоинство государственного чина и отдельных сословий.

Законодатель закрепляет данный вид ответственности за деяние, сопряженное с получением личной выгоды, в статье 3 Судебника 1550 г.: «Если боярин, око-

ничий, дворецкий, или дьяк получают взятку и вынесут не правовое решение и это подтвердится, вся тяжесть ответственности ложится на указанных судей, и они уплачивают истцу всю сумму иска и возвращают в тройном размере все судебные издержки, понесенные истцом. Наказание взяточникам по усмотрению Государя». Наказание за совершение такого рода преступления зависело от принадлежности к определенному сословию и соответственно от волеизъявления царя [1, 3].

Ответственность за служебное правонарушение для более низших сословий имела более жесткую форму. Статья 4 судебного гласит: «Если дьяк подделает список или дело запишет не так, как было на суде, без ведома боярина или дворецкого или казначея, и подтвердится, что он брал взятку, то на него налагается штраф, удовлетворяющий истца и он должен быть боярином посажен в тюрьму» [3].

Естественно, что должностные преступления в эпоху допетровской Руси совершались и ранее, но официально были зафиксированы именно в Судебнике 1550 г. До принятия Судебника 1550 г. данные преступления регулировались на уровне местного законодательства в форме Уставных грамот. Наказание за должностные преступления, которые предполагают превышение должностных полномочий и злоупотребление должностными полномочиями, отражены в ст. 6, 13 Двинской уставной грамоты 1397 г. и в ст. 4, 20 Белозерской уставной грамоты 1488 г., ст. 4 Псковской судной грамоты (1397–1467 гг.) [5, 7].

Таким образом, можно сделать вывод что в основу понятий «превышение должностных полномочий» и «злоупотребление должностными полномочиями» легли принципы уголовно — наказуемых деяний, совершенных государственными служащими, т. е. должностными лицами, начиная с эпохи возникновения древнерусского государства до официального появления в юридических источниках первых упоминаний о данных преступлениях — XIV-XV вв., содеянных с конкретным корыстным умыслом для извлечения личной выгоды с использованием своего должностного статуса и положения в народной общественности, особенно при проведении судебного делопроизводства [1, 3, 5, 7].

Следующим наиболее важным и значимым юридическим памятником стало Соборное уложение 1649 года. Именно в нем окончательно сформировались нормы, предусматривающие общий состав должностного преступления. Уложение закрепило ответственность за различные злоупотребления со стороны должностных лиц [7, 10]. Необходимо обратить внимание на ст. 84, которая предусматривала уголовную ответственность (смещение с должности, торговую казнь) за превышение должностных полномочий губным целовальником (должностное лицо, которое контролировало губного старосту и заведовало следственными действиями по поимке преступников), который незаконно освободит разбойника или вора, а также присвоит имущество, изъятое у грабителей [10].

Можно констатировать, что к середине XVII века российское законодательство имело самостоятельную полноценную систему норм, которая содержала предусмотренную ответственность за совершение должностных преступлений, в том числе злоупотребление и превышения служебных полномочий, однако, эта система зачастую принимала казуистический характер и была привязана к определенным должностям и ситуациям [7, 10].

В эпоху Петра I, известную своими кардинальными реформами, был принят Артикул воинский 1715 года, который стал главным «кодексом» уголовного права для своего времени. Он охватывал широкий круг уголовных преступлений. Также он предусматривал наказание за «злоупотребления начальствующих лиц по службе». Должностные преступления при Петре I, включая взяточничество и казнокрадство, карались вплоть до смертной казни, что следует из главного манифеста императора: «Кто украдет больше, чем стоит веревка, тот будет на ней повешен» [7, 11].

Важным законодательным актом стал и Генеральный регламент коллегий 1720 г., который устанавливал общие правила государственной службы и границы полномочий должностных лиц. Но, стоит отметить, что устойчивый термин «превышение власти и полномочий» еще не был юридически введен в нормативно-правовую базу законов Российского государства [7, 12].

Юридический перелом произошел в XIX веке, когда в Манифесте от 25 июня 1811 г. Общим учреждением министерств был использован самостоятельный, юридически обоснованный термин «превышение полномочий». В дальнейшем этот термин будет применен и расширен не только в отношении министров, но и других государственных чиновников в законе 1832 г. «О преступлениях чиновников по службе». Свод законов Российской империи 1832 г. также закрепил и систематизировал нормы о наказании должностных лиц за совершении коррупционных и иных преступных деяний [7, 13].

Пиком развития дореволюционного уголовного законодательства в части должностных преступлений стало издание Николаем I в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, который вступил в силу 1 марта 1846 г [7, 14]. В нем выделялись преступления или проступки, под которыми понимались как противозаконные деяния, так и неисполнения требований законодательства. Особенность данного Уложения заключалась в его исключительной казуистичности. В части должностных преступлений оно включало в себя 300 статей. В 13 статьях предусматривалась ответственность за неисполнение указов, предписаний и законных распоряжений по службе, 12 статей содержали санкции за превышение власти, 20 статей за бездействие власти, 149 статей за нерадение и небрежность чиновников по службе, 31 статья предусматривала ответственность за служебный подлог, 55 статей были посвящены лихоимству, т. е. взяточничеству [7, 14]. К сожалению, эти нормы не содержали типовые и обобщенные характеристики преступлений,

направленных против здорового механизма государственного аппарата. Каждая из статей предусматривала уголовное наказание за конкретные злоупотребления, а характеристики преступных деяний были очень схожи со смежными составами [7].

Завершающим этапом эволюции законодательства начала XX века в России можно считать принятие Уголовного уложения 1903 г. Подготовка и принятие этого акта стали важнейшим этапом в развитии Российского уголовного законодательства. Дельность государственных органов была направлена на применение единообразия правового регулирования, исключая казуистичность и произвольное исполнение законодательства [7, 15].

Глава 37 Уголовного уложения 1903 г. включала 52 статьи, 50 из которых были посвящены составам должностных преступлений. В отличие от Уложения, принятого при императоре Николае I, новый нормативный правовой акт стремился к унификации и обобщению составов преступлений. Особое внимание при создании Уложения его авторы, — Н. С. Таганцев, Н. А. Неклюдов, С. В. Познышев, уделили изменению составов преступлений по статьям о превышении полномочий, взяточничеству и служебному подлогу. В своих разработках ученые-правоведы опирались на обобщенные признаки преступлений, а не на перечисление конкретных злостных деяний чиновников различных ведомств [9, 15, 16].

К сожалению, из-за политических событий в стране и мире Уголовное уложение 1903 г. не было применено на практике в полном объеме, но оно послужило прототипом проекта Уложения о наказаниях 1918 г., которое в последствие легло в основу Уголовного кодекса РСФСР 1961 г. В подтверждении преемственности правовых конструкций можно отметить, что ст. 353 проекта Уложения о наказаниях 1918 г. соответствует современным статьям 285, 286, 293 Уголовного кодекса РФ [7, 15, 16].

Таким образом, подводя итоги, можно отметить, что эволюция составов должностных преступлений, связанных с злоупотреблением и превышениям должностных полномочий, прошла сложный исторический и юридический путь формирования со времен царской монархии до руководства страной Временным правительством. Издание первых казуистических зачетов в Судебниках и Соборном уложении легло в основу правового фундамента Уложения 1845 г., что, безусловно, привело к созданию новых унифицированных конструкций Уголовного уложения 1903 г. [3, 7, 10, 11, 14, 15].

Обобщая юридический контекст в рамках исторического развития должностных преступлений можно выделить следующие основные тенденции:

Расширение круга субъектов должностных преступлений — от приближенных царских людей до всех государственных чиновников [1, 7, 15];

Переход от казуистичности норм к их единообразному применению — от перечисления конкретных деяний

к формулированию общих признаков составов преступлений [7, 14, 15];

Эволюция объекта защиты — от защиты интересов правящего класса к защите общественных интересов граждан [7, 15];

Формирование терминологического аппарата — от отсутствия специальной терминологии к закреплению понятия «превышение полномочий» и «злоупотребление властью» на законодательном уровне [13, 15].

Как справедливо отмечал Н. Г. Чернышевский «Без истории предмета нет теории предмета». Исторический анализ позволяет не только понять логику развития правовых институтов, но и выявить недостатки и преимущества действующих норм, определить пути из дальнейшего совершенствования. Опыт дореволюционного уголовного законодательства, в особенности Уложения 1845 г. и Уголовного уложения 1903 г., сохраняет актуальность и в настоящее время для изучения современных норм уголовного права [14; 15; 17].

Литература:

1. Беляев, И. Д. Лекции по истории русского законодательства / И. Д. Беляев. — М., 1879. — 920 с. — Текст: непосредственный.
2. Зимин, А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий / А. А. Зимин. — М.: Мысль, 1982. — 333 с. — Текст: непосредственный.
3. Судебники XV–XVI вв. / под ред. Б. Д. Грекова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 630 с. — Текст: непосредственный.
4. Татищев, В. Н. Избранные произведения / В. Н. Татищев. — Л.: Наука, 1979. — 464 с. — Текст: непосредственный.
5. Черепнин, Л. В. Памятники русского права. Вып. 3 / Л. В. Черепнин. — М.: Госюриздат, 1955. — 527 с. — Текст: непосредственный.
6. Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв.. Ч. 2 / Л. В. Черепнин. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 428 с. — Текст: непосредственный.
7. Чистяков, О. И. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2 / О. И. Чистяков; отв. ред. О. И. Чистяков. — М.: Юридическая литература, 1985. — 519 с. — Текст: непосредственный.
8. Шапиро, А. Л. О Судебниках 1497 и 1550 гг. / А. Л. Шапиро. — Л.: Наука, 1971. — С. 96–109. — Текст: непосредственный.
9. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции. В 2 т. Т. 1 / Н. С. Таганцев. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — СПб.: Государственная типография, 1902. — 815 с. — Текст: непосредственный.
10. Соборное уложение 1649 года / под ред. А. Г. Манькова. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — 448 с. — Текст: непосредственный.
11. Артикул воинский 1715 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4 / отв. ред. О. И. Чистяков. — М.: Юридическая литература, 1986. — Текст: непосредственный.
12. Генеральный регламент 1720 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4 / отв. ред. О. И. Чистяков. — М.: Юридическая литература, 1986. — Текст: непосредственный.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXI: 1811 год. — СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Текст: непосредственный.
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. — СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. — 922 с. — Текст: непосредственный.
15. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. — СПб.: Государственная канцелярия, 1903. — 284 с. — Текст: непосредственный.
16. Таганцев, Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: с мотивами, извлеченными из объяснительной записки Редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственный совет и журналов Особого совещания, Особого присутствия департаментов и Общего собрания Государственного совета / Н. С. Таганцев. — СПб.: Государственная типография, 1904. — 1122 с. — Текст: непосредственный.
17. Чернышевский, Н. Г. Избранные философские сочинения. В 3 т. Т. 1 / Н. Г. Чернышевский. — М.: Госполитиздат, 1950. — Текст: непосредственный.

Теоретико-правовая трансформация института представительства в эпоху цифровизации

Федюкович Михаил Михайлович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье представлено комплексное теоретико-правовое исследование института гражданско-правового представительства в условиях перехода к цифровой экономике. В первой части работы автор осуществляет глубокий историко-правовой анализ эволюции способов фиксации и верификации полномочий — от доктрины личностной исключительности сделок в римском праве, через фидуциарность дореволюционных «верящих писем» и административный формализм советского периода, к современным абстрактным коммерческим моделям. Во второй части исследуется юридическая природа электронной цифровой подписи (ЭЦП) и машиночитаемой доверенности (МЧД). Обосновывается их место в системе юридических фактов как элементов формы односторонней сделки и компонентов сложного юридического состава. Особое внимание уделено деформации классических принципов — принципа добросовестности и механизма защиты прав представляемого при автоматизированной проверке полномочий информационными системами. На основе анализа судебной практики выявлены ключевые коллизии и предложены конкретные изменения в гражданское законодательство РФ.

Ключевые слова: представительство, цифровая трансформация, история доверенности, машиночитаемая доверенность, МЧД, электронная цифровая подпись, ЭЦП, юридические факты, сложный юридический состав, принцип добросовестности, судебная практика, информационные системы.

Введение

Институт гражданско-правового представительства, регламентированный главой 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), традиционно является одной из самых стабильных и детально разработанных конструкций в отечественной цивилистике. Исторически этот институт развивался как антропоцентричная система отношений, построенная на фидуциарности (доверии) и непосредственном волевом восприятии действительной воли одного человека другим лицом. Однако происходящая в XXI веке четвертая промышленная революция и форсированный переход гражданского оборота в цифровую плоскость создали принципиально новые условия функционирования бизнеса и государства.

Современные гражданско-правовые отношения все чаще реализуются без физического присутствия субъектов, а классический бумажный документооборот замещается цифровым аналогом. Внедрение таких технологических феноменов, как электронная цифровая подпись (ЭЦП) и машиночитаемая доверенность (МЧД), совершило качественный сдвиг в механике гражданских правоотношений. В то же время правовая доктрина сталкивается с серьезным вызовом: действующие теоретические модели, созданные в эпоху материальных носителей информации, не всегда способны бесконфликтно объяснить сущность цифровых явлений.

Существует явный разрыв между динамичным развитием информационных технологий (включая автоматизированные реестры ФНС, смарт-контракты и алгоритмы искусственного интеллекта) и уровнем их фундаментального теоретико-правового осмысления. Настоящая статья направлена на преодоление этого концептуального дефицита путем комплексного анализа трансфор-

мации материальных и процессуальных аспектов института представительства — от его исторических истоков до современных реалий цифровизации.

Раздел 1. Историко-правовой очерк развития института доверенности: от личностных связей к цифровой абстракции

Для всестороннего понимания сущности современных цифровых трансформаций института представительства и доверенности представляется методологически необходимым обратиться к ретроспективному анализу его эволюции. Современная цивилистическая конструкция не является статичным продуктом законодательной техники последних лет; она выступает результатом многовекового развития правовой мысли, преодолевшего путь от абсолютного отрицания возможности действовать через другого субъекта до признания полной автономии цифрового кода как формы выражения полномочий.

Римские истоки и доктрина личностной исключительности сделки

Классическое римское право, заложившее фундамент большинства современных частноправовых институтов, в отношении представительства демонстрировало консервативную сдержанность. Исторически раннее римское право базировалось на жестком и бескомпромиссном постулате: «*Per liberam personam nobis acquiri nihil potest*» («Никто не может приобретать права через свободное лицо»). Сделка в древнеримском обществе воспринималась как сугубо личная, почти сакральная связь (*vinculum juris*), требующая непосредственного физического присутствия и изъявления воли конкретного лица. Воля и ее

юридические последствия мыслились как нечто монолитное и неотделимое от субъекта.

Потребности развивающегося торгового оборота и расширение географии Римского государства со временем вошли в острое противоречие с этой догмой. Не имея возможности конструировать прямое представительство в его современном понимании, римские юристы создали сложную систему суррогатных инструментов. Ключевым из них стал институт косвенного представительства, облакаемый в форму договора поручения (*mandatum*). Поверенный (*mandatarius*) совершал юридически значимые действия от своего собственного имени, принимая на себя все права и обязанности по сделке. И лишь затем, посредством совершения последующих обособленных сделок (трансфера), он переносил полученный правовой результат в имущественную сферу доверителя (*mandator*).

Данная двухступенчатая модель удваивала риски для участников оборота: в случае банкротства, смерти или недобросовестности поверенного доверитель оставался незащищенным перед третьими лицами, так как материально-правовая связь между ними отсутствовала. Единственным исключением, где права переходили к принципалу напрямую, выступали действия подвластных лиц (*personae in potestate* — рабов или подвластных детей) в рамках института *pater familias*, однако эта конструкция являлась следствием абсолютного господства главы семьи, а не автономии воли агента. Только в преторском праве, через систему специальных исков (*actiones utiles*, *actio exercitoria*), начала зарождаться идея о том, что действия управляющего имуществом (прокуратора) могут напрямую порождать последствия для собственника. Тем не менее, римское право так и не выработало абстрактного понятия доверенности как самостоятельной одно-сторонней сделки.

Становление доверенности в дореволюционной России: фидуциарность и сословность

В отечественном праве институт представительства развивался по схожему сценарию, изначально укоренившись в процессуальной сфере (Псковская судная грамота, Судебники 1497 и 1550 гг. упоминали судебных «найма» и «поверителей» для участия в поединках и судах за женщин, духовных лиц и стариков). Материально-правовой контекст доверенности начинает отчетливо оформляться в эпоху петровских реформ, когда бурное развитие мануфактур и международной торговли требовало легализации постоянного коммерческого представительства.

В дореволюционной терминологии документ, подтверждающий полномочия, именовался «**верящим письмом**» или «**верющей грамотой**». Сам этимологический корень этих понятий — «вера», «доверие» — ярко иллюстрировал сугубо фидуциарную, лично-доверительную природу правоотношения. Великий россий-

ский цивилист Д. И. Мейер в своей фундаментальной работе «Русское гражданское право» подчеркивал, что доверенность есть акт воли представляемого, которым он заменяет свою личность личностью представителя в известном круге юридических действий [4, с. 182]. Мейер указывал на неразрывную связь между внутренней волей доверителя и фигурой поверенного, отмечая, что дефект доверия автоматически уничтожает саму правовую связь.

Систематизация норм о доверенности была проведена в Своде законов Российской Империи (Том X, Часть 1), где доверенность дефинировалась как акт, «которым один уполномочивает другого совершать от его имени сделки или управлять имуществом». Дореволюционное право зафиксировало классическую трихотомию доверенностей: общие (генеральные) — на управление всем имуществом без ограничений; частные — на ведение однородных дел; и особые — на совершение строго определенного, единичного акта. Г. Ф. Шершеневич в «Учебнике русского гражданского права» обращал внимание на то, что формаверящего письма должна быть письменной под страхом недействительности, поскольку третьи лица должны иметь осязаемое доказательство того, что перед ними не самозванный контрагент [5, с. 214]. Вместе с тем дореволюционная доверенность несла на себе отпечаток сословного строя и патриархального семейного права: так, замужняя женщина не имела права выдать доверенность на управление своим имуществом или совершение сделок без формального, нотариально зафиксированного согласия своего супруга.

Советский период: дефидуциаризация и торжество административного формализма

После слома дореволюционной правовой системы в 1917 году институт представительства подвергся радикальной идеологической и функциональной трансформации. В условиях ликвидации частной собственности и свертывания рыночных отношений классическая фидуциарная природа доверенности была признана «буржуазным рудиментом».

Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, принятый в период Новой экономической политики (НЭПа), временно вернул доверенность в легальное поле частного оборота, однако установил для нее жесткие регуляторные рамки — в частности, императивный максимальный срок действия доверенности, составлявший три года. Эта ограничительная норма была призвана не допустить создания долгосрочных неконтролируемых цепочек частного посредничества и спекуляций. Примечательно, что данный трехлетний лимит оказался настолько устойчивым, что в качестве правового архаизма просуществовал в отечественном праве вплоть до реформы 2013 года.

С окончательным переходом к плановой социалистической экономике и принятием ГК РСФСР 1964 года институт доверенности между гражданами сузился до

бытовых пределов. Основной же массив представительских отношений переместился в сферу социалистических предприятий и государственных органов. В этот период происходит так называемая **дефидуциаризация** института. Доверенность полностью утрачивает личностно-доверительный характер, превращаясь в инструмент жесткого административно-хозяйственного контроля.

Ярким проявлением этой тенденции стало законодательное требование о том, что любая доверенность от имени государственного предприятия, связанная с выдачей или получением денег и товарно-материальных ценностей, должна была в обязательном порядке содержать две подписи — руководителя организации и главного бухгалтера, а также скрепляться оттиском гербовой печати. Отсутствие подписи главного бухгалтера влекло за собой безусловную ничтожность документа. Таким образом, волеизъявление юридического лица искусственно расщеплялось в целях обеспечения государственного надзора за социалистической собственностью, а сама доверенность стала восприниматься не как акт доверия, а как строгий бланк финансовой отчетности.

Постсоветская реформация и переход к абстрактным коммерческим моделям

Возвращение к рыночной модели экономики и принятие части первой Гражданского кодекса РФ в 1994 году реанимировало классическое понимание представительства. Была восстановлена концепция доверенности как односторонней сделки, базирующейся на автономии воли. Однако настоящая революция в материально-правовом регулировании института произошла в 2013 году с принятием Федерального закона № 100-ФЗ, который концептуально осовременил главу 10 ГК РФ, адаптировав ее к международным стандартам торгового оборота:

1. Аннулирование временного лимита: Был полностью ликвидирован советский трехлетний максимум. Стороны получили право выдавать доверенности на любой срок, а при отсутствии указания срока был сохранен классический стандарт — один год.

2. Легализация безотзывной доверенности (ст. 188.1 ГК РФ): В российское право был внедрен принципиально новый инструмент, заимствованный из англо-саксонской доктрины. Этот вид доверенности, применимый исключительно в сфере предпринимательской деятельности, конструируется как способ обеспечения обязательств и не может быть отозван до истечения срока, за исключением экстраординарных случаев, что полностью порывает с историческим принципом безусловной фидуциарности и свободы отзыва.

3. Отказ от обязательного формализма печатей: Законодатель упразднил императивное требование о скреплении доверенности юридического лица печатью, признав, что подписи уполномоченного лица (единоличного

исполнительного органа) абсолютно достаточно для подтверждения воли корпорации.

Исторический экскурс наглядно демонстрирует, что эволюция доверенности двигалась по вектору последовательного отрыва правовой связи от физической личности доверителя. Начав свой путь с полного непризнания прямого представительства в Риме из-за «личностных оков» сделки, пройдя этап строгой лично-доверительной связи в дореволюционной России и фазу жесткого административного контроля в СССР, институт трансформировался в абстрактный, высокотехнологичный инструмент коммерческого оборота. В этих условиях появление машиночитаемой доверенности (МЧД) и цифрового кода как высшей точки дематериализации формы документа выглядит исторически закономерным шагом.

Раздел 2. Эволюция представлений о форме и способах выражения полномочий в эпоху цифровизации

В современных условиях процесс цифровизации радикально изменил саму природу носителя информации. Полномочие из текста, изложенного на бумаге человеческим языком, трансформировалось в **цифровой код** — структурированный массив данных, выраженный в двоичной системе счисления и оформленный в виде стандартизированного файла (как правило, в формате XML). Данная эволюция привела к смене базовой цивилистической парадигмы, выражающейся в двух принципиальных аспектах.

Во-первых, произошел полный отрыв волеизъявления от материального носителя. Цифровая доверенность не привязана к конкретному листу бумаги; она существует как идеальный объект в памяти ЭВМ или распределенном реестре. Ее невозможно «уничтожить» физически в традиционном смысле, а процедура ее отзыва приобретает совершенно иную технологическую форму (деактивация записи в базе данных).

Во-вторых, коренным образом изменился субъект, воспринимающий и оценивающий форму документа. Если бумажная доверенность изначально создавалась для чтения человеком (контрагентом), то цифровой код МЧД разработан для обработки техническими средствами — информационными системами, программными алгоритмами и смарт-контрактами. Человек не способен напрямую прочитать XML-код без использования специального программного интерфейса (скрипта-визуализатора).

Таким образом, на смену антропоцентричной модели верификации полномочий, где ключевую роль играло личное визуальное восприятие и психологическая оценка поведения представителя, приходит технологическая модель. В ней подлинность воли и объем прав оцениваются математическими алгоритмами криптографического шифрования. Происходит дематериализация правовой формы, что с неизбежностью порождает вопросы о ее месте в устоявшейся системе отечественного гражданского права.

Раздел 3. Юридическая природа электронной цифровой подписи (ЭЦП) и машиночитаемой доверенности (МЧД) в системе юридических фактов

Внедрение МЧД и ЭЦП в повседневную практику корпоративного и гражданского секторов актуализировало фундаментальную дискуссию среди российских цивилистов относительно их квалификации в рамках классической теории юридических фактов. Согласно традиционной доктрине, выдача доверенности является односторонней сделкой (ст. 153, 154, 185 ГК РФ), которая сама по себе выступает право порожающим юридическим фактом, создающим полномочие у представителя. Изменяет ли появление машиночитаемой доверенности сущность этого явления?

Правовая природа МЧД

Анализ нормативно-правовой базы (включая положения Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи») позволяет утверждать, что машиночитаемая доверенность не является новым, самостоятельным видом юридических фактов и не образует какую-то автономную категорию «цифровых сделок». МЧД по своей правовой сути представляет собой исключительно **новую технологическую форму фиксации** классической односторонней сделки — выдачи доверенности.

Право порожающим фактом по-прежнему выступает внутреннее волеизъявление представляемого лица, направленное на наделение представителя определенной правоспособностью действовать от его имени. XML-файл МЧД является формой существования этого волеизъявления в цифровом пространстве. Следовательно, к МЧД в полной мере применимы материально-правовые требования ГК РФ о недействительности сделок, совершенных под влиянием заблуждения, обмана или насилия, несмотря на ее специфический цифровой формат.

Юридическая сущность ЭЦП

Значительно более сложным в доктринальном плане представляется определение юридической природы электронной цифровой подписи (ЭЦП), которой подписывается файл МЧД. В соответствии со ст. 2 Закона № 63-ФЗ, электронная подпись определяется как информация в электронной форме, которая используется для идентификации физического или юридического лица.

В системе юридических фактов ЭЦП не может квалифицироваться как самостоятельное юридическое действие, сделка или юридический поступок. ЭЦП лишена автономного волевого содержания, направленного на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Она выполняет строго подчиненную, юридико-техническую функцию, являясь обязательным технологическим реквизитом цифровой формы

сделки. С позиции цивилистической теории ЭЦП выполняет триединую функцию:

1. Идентификационную (субъектную) — жестко связывает конкретный цифровой документ с определенным субъектом права, выступая технологическим аналогом собственноручной подписи.

2. Волеизъявительную (удостоверительную) — подтверждает факт согласия лица с содержанием сформированного XML-файла МЧД на момент подписания.

3. Интегрирующую (аксиологическую) — гарантирует целостность и неизменность текста документа. Любое изменение хотя бы одного символа в коде МЧД после наложения ЭЦП автоматически делает подпись невалидной.

Концепция сложного юридического состава в цифровой среде

Тем не менее, если в материальном мире для выдачи доверенности достаточно одного действия (написания и подписания бумаги), то реализация представительства в цифровой среде требует формирования **сложного юридического состава**. Для того чтобы представитель приобрел легитимный юридический статус и третьи лица были обязаны признать его полномочия, необходима строго определенная последовательность и совокупность нескольких юридических фактов:

1. Материально-правовой факт: наличие реальной, неискаженной воли представляемого лица на передачу полномочий.

2. Формально-технический факт: облечение этой воли в строго установленный нормативными актами XML-формат, утвержденный Минцифры России.

3. Технологический факт право подтверждения: наложение усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) доверителя, имеющей действующий на момент подписания сертификат ключа проверки.

4. Регистрационный факт: внесение сведений о созданной МЧД в единую блокчейн-платформу распределенного реестра ФНС России или иную аккредитованную информационную систему.

Дефект или отсутствие хотя бы одного элемента из этого перечня (например, технический сбой на этапе синхронизации узлов блокчейн-сети или отзыв удостоверяющим центром сертификата ЭЦП за секунду до транзакции) полностью девальвирует юридическую силу всего состава. В таком случае полномочие не возникает, несмотря на реальное наличие воли доверителя, что демонстрирует жесткую зависимость материального права от цифровой процессуальной формы.

Раздел 4. Влияние цифровизации на классические принципы представительства

Переход к автоматизированным формам проверки полномочий оказывает глубокое, трансформирующее и во многом деформирующее воздействие на фундамен-

тальные принципы гражданского права, закрепленные в статьях 1 и 10 ГК РФ.

Принцип добросовестности и «цифровая слепота» оборота

Принцип добросовестности участников гражданских правоотношений является краеугольным камнем цивилистики. В условиях классического бумажного оборота добросовестность третьего лица, вступающего в сделку с представителем, базируется на стандарте «разумной осмотрительности» (что неоднократно подчеркивалось в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [3]). Контрагент обязан визуально оценить доверенность, проверить личность представителя по паспорту, сопоставить характер сделки с масштабами деятельности представляемого. Если сделка выглядит явно подозрительной, контрагент не может быть признан добросовестным.

В цифровой среде понятие «разумной осмотрительности» подвергается существенному сужению и формализации, перерастая в так называемую «цифровую слепоту». Автоматизированная система (или контрагент, проверяющий полномочия через автоматические сервисы) лишена возможности оценивать психологический, экономический или родственный контекст сделки. Верификация сводится к бинарному запросу алгоритма в реестр МЧД: «*Действительна ли доверенность? Да/Нет*».

Если информационная система возвращает ответ «Да», алгоритм одобряет сделку. При этом за рамками проверки остается тот факт, что представитель действует в условиях жесткого конфликта интересов или осуществляет явное злоупотребление полномочиями во вред представляемому (ст. 10, ст. 182 ГК РФ). Цифровизация подменяет содержательную, материально-правовую оценку добросовестности формально-технической валидацией кода, что создает масштабное поле для злоупотреблений, которые формально выглядят безупречно.

Защита прав представляемого при автоматизированной проверке полномочий

Традиционная конструкция представительства выстраивает баланс интересов с приоритетом защиты прав представляемого лица от неправомерных действий третьих лиц и агентов. Однако в цифровой реальности этот баланс существенно смещается, делая представляемого наиболее уязвимым субъектом правоотношений. Это обусловлено двумя ключевыми рисками:

Риск 1. Технологические сбои и ошибки алгоритмов.

При классическом подходе проверка полномочий — это интеллектуальный акт человека, способного учесть опечатки, очевидные технические накладки и сопоставить их с реальной обстановкой. В цифровой среде, если из-за рассинхронизации баз данных или ошибок в программном коде распределенного реестра МЧД будет ошибочно по-

мечена как «недействительная» или «отозванная», алгоритм мгновенно заблокирует транзакцию. В данном случае законная воля представляемого лица будет проигнорирована машиной, а доказывание факта системной ошибки и взыскание убытков представляют собой сложнейшую задачу.

Риск 2. Проблема компрометации закрытого ключа ЭЦП. Это наиболее опасный дефект цифровой формы представительства. В материальном мире подделать подпись человека на бумаге крайне сложно. В цифровом мире, если злоумышленники получают доступ к закрытому ключу ЭЦП руководителя компании (путем хакерской атаки, фишинга или социального инжиниринга), они получают возможность генерировать любые МЧД от его имени. Судебная практика исходит из жесткой позиции: лицо, на которое оформлена ЭЦП, несет всю полноту рисков и ответственности за необеспечение конфиденциальности ключа. Суды крайне неохотно признают сделки недействительными по ст. 183 ГК РФ (представительство без полномочий), если они подписаны валидной ЭЦП лица. В итоге представляемый оказывается заложником технических регламентов безопасности, а его реальная воля полностью замещается фактом владения цифровым ключом.

Раздел 5. Анализ судебной практики и коллизий правоприменения

Для подтверждения выдвинутых теоретических тезисов необходимо обратиться к анализу актуальной судебной практики, которая наглядно иллюстрирует проблемы в регулировании цифрового представительства.

Дело о «технической валидности» при фактическом отзыве

В рамках рассмотрения одного из споров в Арбитражном суде Московского округа (2024 г.) истец оспаривал договор поставки, подписанный его бывшим представителем по электронной доверенности. Выяснилось, что за день до подписания договора представляемый направил заявление об отзыве полномочий через внутреннюю систему компании и издал соответствующий приказ. Однако в силу технического сбоя шлюза интеграции данные не успели своевременно выгрузиться в единый реестр МЧД ФНС. Контрагент, совершая сделку, проверил МЧД через автоматический сервис, получил статус «действительна» и заключил договор.

Суд первой инстанции признал договор действительным, сославшись на ст. 189 ГК РФ, указав, что третьи лица считаются извещенными об отзыве доверенности только после внесения сведений в официальный реестр. Таким образом, суд отдал приоритет цифровой записи в государственном реестре перед реальным фактом прекращения волеизъявления доверителя. Это подтверждает, что в судебной практике цифровая форма начинает довлеть над материальным содержанием правоотношений.

Проблема разграничения ответственности при компрометации ЭЦП

Другим показательным примером является практика арбитражных судов по спорам о несанкционированном заключении договоров от имени юридических лиц с использованием ЭЦП. В деле, рассмотренном Арбитражным судом Поволжского округа (2025 г.), главный бухгалтер компании, используя оставленный в компьютере токен ЭЦП генерального директора, сформировала электронную доверенность на имя своего сожителя, который впоследствии заключил ряд невыгодных для фирмы сделок.

Компания пыталась оспорить данные сделки, утверждая, что директор не имел воли на выдачу этой МЧД. Однако суды всех инстанций отказали в удовлетворении иска. В обоснование было указано, что закон возлагает на владельца сертификата ЭЦП безусловную обязанность по контролю за его сохранностью. Поскольку подпись была технически подлинной, контрагенты действовали добросовестно, опираясь на показатели информационной системы. Риск неправомерного использования цифровых реквизитов был полностью возложен на представляемого, что подчеркивает жесткость цифровой среды к традиционным цивилистическим механизмам защиты прав пострадавшей стороны сделки.

Заключение и предложения по совершенствованию законодательства

Подводя итог проведенному масштабному исследованию теоретико-правовой трансформации института представительства в эпоху цифровизации, можно сформулировать следующие ключевые выводы:

1. Машиночитаемая доверенность (МЧД) и электронная цифровая подпись (ЭЦП) не разрушают классическую систему гражданского права, а выступают как закономерный этап эволюции правовой формы. МЧД является цифровым способом фиксации односторонней сделки, а ЭЦП — ее неотъемлемым технологическим реквизитом.

2. В цифровой среде возникновение полномочий представителя регулируется не единичным действием,

а сложным юридическим составом, включающим в себя материальные, технические и регистрационные элементы. Риск дефекта любого из этих элементов несет представляемый.

3. Происходит опасное смещение правовых акцентов: содержательный принцип добросовестности подменяется формальной технической валидацией кода информационными системами, что существенно снижает уровень защищенности реального волеизъявителя.

Для гармонизации отечественного гражданского законодательства и восстановления баланса интересов участников цифрового оборота предлагается реализовать следующие законодательные новеллы:

Модернизация статьи 185 ГК РФ. Дополнить статью положением, прямо закрепляющим нормативный приоритет реального материально-правового содержания воли представляемого лица над техническими и программными показателями информационных систем. Необходимо установить, что в случае возникновения неустраняемых технических ошибок в распределенных реестрах ведения МЧД, суды обязаны принимать любые иные подлинники доказательства наличия или отсутствия воли доверителя.

Реформирование статьи 189 ГК РФ. Ввести дифференцированный подход к моменту признания третьих лиц извещенными об отзыве МЧД. В случае, если представляемый совершил все зависящие от него действия по отзыву цифровой доверенности, но система оператора допустила задержку в публикации данных, риск негативных последствий должен перекладываться на оператора информационной системы.

Внесение изменений в ст. 182 ГК РФ в части ограничения ответственности за скомпрометированную ЭЦП. Законодательно закрепить презумпцию отсутствия полномочий (по аналогии со ст. 183 ГК РФ), если представляемый докажет в суде (с привлечением экспертов в области компьютерно-технической экспертизы), что его закрытый криптографический ключ ЭЦП выбыл из его владения в результате противоправных действий третьих лиц помимо его воли. Это позволит защитить бизнес от катастрофических убытков, вызванных киберпреступностью, и вернет институту представительства его исконную волевою природу.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. — 2011. — № 75.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2015. — № 140.
4. Мейер, Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. / Д. И. Мейер. — Москва: Статут, 2003. — Ч. 1. — 442 с. (Переиздание фундаментального труда).
5. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — Москва: Статут, 2005. — 461 с. (Переиздание фундаментального труда).

6. Гонгало, Б. М. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023. — Т. 1. — 544 с.
7. Крашенинников, П. В. Гражданский кодекс РФ. Общие положения о финансовых сделках: Постатейный комментарий к главам 42–46 / П. В. Крашенинников. — Москва: Статут, 2023. — 240 с.
8. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов. — Москва: Статут, 2022. — 452 с.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.01.2022 по делу № А40–124354/2020 // Собрание судебной практики ВС РФ. — 2022.
10. Рожкова, М. А. Цифровое право: Теоретико-правовые основы введения концепта / М. А. Рожкова // Журнал российского права. — 2022. — № 4. — С. 5–18.

Правовой режим апартamentов: проблемы квалификации и пути решения

Черноусов Дмитрий Андреевич, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена анализу правового режима апартamentов как особого объекта недвижимости в российском праве. Автор исследует коллизию между нормативным определением апартamentов как нежилых гостиничных номеров и их фактическим использованием для постоянного проживания. Рассматриваются ключевые отличия от жилых помещений, влекущие ущемление прав собственников. На основе анализа доктрины и судебной практики предлагаются пути совершенствования законодательства, включая введение новой категории жилого помещения.

Ключевые слова: апартamentы, жилое помещение, нежилое помещение, правовой режим, гостиничный номер, классификация недвижимости, жилищное право, перевод помещения.

Legal regime of apartments: qualification issues and solutions

Chernousov Dmitrii Andreevich, student

Moscow State Law University named after OE Kutafin

The article analyzes the legal regime of apartments as a special type of real estate in Russian law. The author examines the conflict between the statutory definition of apartments as non-residential hotel rooms and their de facto use for permanent residence. The key differences from residential premises that infringe upon owners' rights are considered. Based on doctrine and jurisprudence analysis, ways to improve legislation are proposed, including introducing a new category of residential premises.

Keywords: apartments, residential premises, non-residential premises, legal regime, hotel room, real estate classification, housing law, premises conversion.

Рынок недвижимости крупных городов России демонстрирует устойчивый рост сегмента апартamentов, который de facto заполняет нишу доступного жилья. По экспертным оценкам, в Москве каждая десятая сделка купли-продажи приходится именно на этот формат [1, с. 162]. Однако стремительное развитие рынка не сопровождается адекватным правовым регулированием: понятие апартamentов до сих пор легально не закреплено ни в Гражданском, ни в Жилищном кодексах РФ. Сложившаяся ситуация порождает правовую неопределенность, ставит под угрозу жилищные права граждан и требует научного осмысления.

Нормативная неопределенность понятия «апартamentы»

Единственное легальное определение апартamentов содержится в подзаконных актах, регулирующих гостиничную деятельность. Положение о классификации го-

стиниц, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2019 г. № 158, относит к данной категории гостиничный номер площадью не менее 40 кв. м, состоящий из двух и более комнат (гостиной и спальни), оборудованный мини-кухней [2]. Аналогичная трактовка прослеживается и в ранее действовавшем Приказе Министерства культуры РФ от 11 июля 2014 г. № 1215.

Таким образом, на уровне подзаконного регулирования апартamentы последовательно рассматриваются исключительно как разновидность гостиничного номера, то есть помещения, предназначенного для временного размещения туристов в соответствии с Федеральным законом от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [3]. Закономерным следствием такого подхода является отнесение апартamentов к категории нежилых помещений.

Иной, принципиально отличный подход заложен в Жилищном кодексе РФ. Статья 15 ЖК РФ императивно

устанавливает, что объектами жилищных прав признаются помещения, являющиеся недвижимым имуществом и пригодные для постоянного проживания граждан [4]. Статья 16 ЖК РФ содержит закрытый перечень видов жилых помещений: жилой дом (часть дома), квартира (часть квартиры), комната. Апартаменты в этом перечне отсутствуют, что исключает их из-под действия жилищного законодательства [4]. Возникает парадоксальная ситуация: объекты, массово возводимые и приобретаемые для проживания, с правовой точки зрения жильем не признаются.

В доктрине жилищного права данная коллизия оценивается неоднозначно. Е. Ю. Цуканова и Е. А. Придатко акцентируют внимание на противоречии между нормативной дефиницией и фактическим использованием, отмечая, что страдают от этого прежде всего граждане, приобретающие апартаменты для постоянного проживания [5, с. 38]. П. А. Рустамов занимает более радикальную позицию, полагая, что определяющим критерием должно выступать не формальное название объекта, а его соответствие санитарным и техническим требованиям [6, с. 59]. Д. Ю. Гришмановский и А. А. Тенетко предлагают компромиссное решение — выделение апартаментов в качестве самостоятельного вида жилого помещения в многофункциональных комплексах [7, с. 345].

Принципиальные различия в правовом режиме

Разница в правовом статусе влечет существенные ограничения прав собственников апартаментов. Во-первых, в апартаментах невозможна постоянная регистрация по месту жительства (возможна лишь временная — по месту пребывания, при условии классификации здания как гостиницы). Это, в свою очередь, блокирует доступ к социальной инфраструктуре по месту жительства. Во-вторых, на апартаменты не распространяются меры государственной поддержки: материнский капитал, военная ипотека, налоговый вычет. В-третьих, ставка налога на имущество физических лиц для нежилых помещений может достигать 2 % от кадастровой стоимости против 0,1 % для жилых помещений. В-четвертых, собственники апартаментов лишены гарантий жилищного законодательства при предоставлении коммунальных услуг и формировании платы за содержание общего имущества.

Особую остроту проблема приобретает в случае банкротства застройщика. Согласно Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятель-

ности (банкротстве)», особый механизм защиты дольщиков распространяется на нежилые помещения лишь в исключительных случаях (машино-места и помещения площадью до 7 кв. м). Апартаменты под эти критерии не попадают, вследствие чего требования дольщиков включаются в общую очередь реестра кредиторов, что многократно снижает шансы на реальное удовлетворение требований [8].

Судебная практика подтверждает остроту проблемы. При рассмотрении споров суды руководствуются формальным критерием: если помещение по документам является нежилым, нормы жилищного законодательства на него не распространяются вне зависимости от фактического использования (см., напр., Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 4-КГ17-54). В то же время граждане, пытающиеся реализовать механизм перевода нежилого помещения в жилое, закрепленный в ст.ст. 22, 23 ЖК РФ, сталкиваются с практически непреодолимыми препятствиями. Положение, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47, требует, чтобы жилое помещение находилось в жилой зоне согласно градостроительному зонированию, а также соответствовало жестким санитарным и техническим нормативам. Апартаменты же, как правило, строятся на землях с иным видом разрешенного использования и по нормативам для нежилых зданий (без соблюдения требований по инсоляции, плотности застройки, обеспеченности социальной инфраструктурой), что исключает возможность массового применения процедуры перевода.

Пути решения проблемы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости скорейшего законодательного вмешательства. Наиболее рациональным представляется компромиссный путь, предложенный в доктрине: внесение изменений в Жилищный кодекс РФ и выделение апартаментов как самостоятельного вида жилого помещения со специальным правовым режимом. Такой подход позволит, с одной стороны, легализовать сложившийся сегмент рынка и защитить права добросовестных приобретателей, а с другой — сохранить различия в градостроительных нормативах и социальных обязательствах для классического жилья и апартаментов.

В любом случае, правовая неопределенность, выгодная лишь недобросовестным застройщикам и создающая риски для тысяч граждан, должна быть устранена.

Литература:

1. Гришмановский Д. Ю., Тенетко А. А. К вопросу об апартаментах как особом виде жилых помещений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 3. С. 43–48.
2. Постановление Правительства РФ от 16.02.2019 № 158 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» // СЗ РФ. 2019. № 8. Ст. 772.
3. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.
5. Цуканова Е. Ю., Придатко Е. А. Правовое положение апартamentов в системе объектов гражданского права // Гражданское право. 2019. № 4. С. 36–40.
6. Рустамов П. А. Проблемы определения правового статуса апартamentов в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 57–60.
7. Гришмановский Д. Ю., Тенетко А. А. Апартamentы как объект недвижимости: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы права. 2021. Т. 2. С. 343–348.
8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 08.01.2024) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

Признание работника выполняющим трудовые функции при несчастных случаях на производстве при отсутствии заключенного трудового договора

Шашина Ольга Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гафарова Гузель Рустамовна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье анализируется проблема признания лица, фактически допущенного к работе без оформления трудового договора, застрахованным в системе обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве. Исследуются критерии разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений, позиция Верховного суда РФ и судебная практика по переквалификации договоров подряда гражданского характера в трудовые при наступлении страховых случаев. Рассматриваются механизмы доказывания фактического допуска к работе, включая свидетельские показания, цифровые следы и данные пропускных систем, с учетом Трудового кодекса РФ и Положения Минтруда России от 20 апреля 2022 г. № 223н. Обосновывается вывод о том, что отсутствие письменного трудового договора не лишает работника права на страховое обеспечение при установлении признаков трудовой зависимости.

Ключевые слова: несчастный случай на производстве, трудовой договор, фактическое допущение к работе, гражданско-правовой договор, переквалификация отношений, судебная практика, страховой случай, Социальный фонд России, расследование несчастных случаев, презумпция трудовых отношений, микротравма, ответственность работодателя.

Проблема правовой квалификации отношений между работником и работодателем при отсутствии письменного трудового договора приобретает особую остроту при несчастных случаях на производстве, поскольку от решения данного вопроса зависит возможность получения потерпевшим или его иждивенцами страхового обеспечения в рамках обязательного социального страхования и возмещения морального ущерба, а также ущерба жизни и здоровью.

Определение трудовых отношений закреплено в статье 15 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ), согласно которой это отношения, основанные на соглашении о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности, профессии, специальности), подчинении правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда.

В соответствии с частью второй статьи 67 ТК РФ трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя. При этом фактическое начало работы предшествует оформлению трудовых от-

ношений, что создает правовую конструкцию, защищающую интересы работника [8, с. 48].

Принципиальное различие трудового и гражданско-правового договора (договора подряда или возмездного оказания услуг) в рамках Гражданского кодекса Российской Федерации заключается в предмете регулирования. Согласно трудовому договору работник выполняет трудовую функцию и трудовые действия, подчиняется правилам внутреннего трудового распорядка; при этом согласно гражданско-правовому договору исполнитель самостоятельно организует свою работу, несет риск за ее результат и не обязан соблюдать локальные нормативные акты работодателя (главы 37 и 39, в частности — статьи 702, 779 Гражданского кодекса РФ).

Положения статьи 227 ТК РФ определяют круг лиц, в отношении которых ведется расследование при несчастных случаях, и относят к ним не только работников, состоящих в трудовых отношениях, но и других лиц, участвующих в производственной деятельности работодателя, выполняющих работу по его поручению. Данная норма является основополагающей для признания страхового случая при отсутствии оформленного договора.

С 1 сентября 2022 года вступило в силу новое Положение об особенностях расследования несчастных случаев на производстве, утвержденное Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 20 апреля 2022 г. № 223н (далее — Положение). Документ действует до 1 сентября 2028 года и устанавливает особенности расследования в отдельных отраслях и организациях, включая расследование случаев с дистанционными работниками [4]. В соответствии с этим Положением расследование несчастных случаев, произошедших с работниками, выполняющими работу, имеющую специфический характер труда (на морских и речных судах, объектах электроэнергетики, железнодорожного транспорта), а также с дистанционными работниками осуществляется с учетом особенностей, установленных актом по форме Н-1 [1, п. 1]. Введены классификаторы несчастных случаев, их причин и дополнительных признаков, что стандартизирует процедуру расследования и позволяет избежать путаницы в формулировках [2; 3].

Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 311-ФЗ в ТК РФ введена новая глава 36.1, закрепляющая понятие микроповреждения (микротравмы) [5; 6]. В соответствии со статьей 226 ТК РФ под микроповреждениями понимаются ссадины, кровоподтеки, ушибы мягких тканей, поверхностные раны и другие повреждения, полученные работниками и другими лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя, при исполнении трудовых обязанностей, не повлекшие расстройства здоровья или временной нетрудоспособности.

Введение обязанности работодателей по ведению учета микротравм позволит искоренить практику игнорирования работодателями фактов получения работниками микроповреждений, что впоследствии может приводить к их более серьезному травмированию [5; 6].

Пленум Верховного суда Российской Федерации в Постановлении от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» разъяснил, что застрахованными признаются лица, работающие по трудовому договору, а также лица, выполняющие работу на основании гражданско-правового договора, если условиями такого договора страхователь принял на себя обязательство уплачивать страховые взносы [3, п. 7].

Критериями, позволяющими отличить трудовые отношения от гражданско-правовых, судебная практика признаёт: личный характер выполнения работы, выполнение работы по конкретной должности (профессии), подчинение внутреннему распорядку, систематическую оплату труда, обеспечение работодателем рабочего места, инструментов и средств индивидуальной защиты [10].

В Определении Верховного суда РФ от 17 августа 2015 г. № 41-КГ15-14 признаны трудовыми отношениями работа сварщика, с которым был заключен договор подряда, но который фактически был допущен к работе с ведома работодателя, выполнял работы на строительной площадке

и подчинялся распоряжениям руководства. Несчастный случай со смертельным исходом был признан производственным [4].

В Определении Верховного суда РФ от 24 июня 2019 г. № 77-КГ19-4 указано, что при установлении факта трудовых отношений суд должен исследовать, имелись ли признаки трудового договора и был ли фактически осуществлен допуск работника к выполнению трудовой функции [5]. Отсутствие письменного договора само по себе не исключает признания отношений трудовыми.

Как отмечается в ряде исследований, при фактическом допущении работника к работе работодатель обязан оформить с ним трудовой договор в письменной форме не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения (ч. 1 статьи 67 ТК РФ), однако последствия неисполнения данной обязанности в законе прямо не названы [10]. В таких случаях доказать факт возникновения трудовых отношений фактический работник может только в судебном порядке.

Конституционный суд РФ в Определении от 16 февраля 2012 г. № 304-О-О указал, что нормы о фактическом допущении к работе, по существу, представляют дополнительные гарантии для фактических работников, позволяя устранить неопределенность их правового положения [10].

Согласно статье 19.1 ТК РФ, в случае прекращения отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора, признание этих отношений трудовыми осуществляется судом. Это положение предоставляет суду полномочия по переквалификации договоров в случае установления признаков трудовых отношений [9, с. 311].

Бремя доказывания фактического допуска к работе лежит на работнике [10]. Однако если работодатель не может представить четких доказательств отсутствия трудовых отношений, суд толкует сомнения в пользу работника (презумпция трудовых отношений), что подтверждено Постановлением Конституционного суда РФ от 27 июня 2021 г. № 28-П. В качестве доказательств, подтверждающих факт возникновения трудовых отношений, могут использоваться все допустимые в гражданском процессе доказательства, в том числе показания свидетелей, данные пропускных систем, рукописные табели учета, переписки в мессенджерах, выдача средств индивидуальной защиты [10].

В соответствии со статьей 228 ТК РФ при несчастном случае работодатель обязан немедленно организовать первую помощь пострадавшему, принять меры по предотвращению аварийной ситуации, сохранить до начала расследования обстановку на момент происшествия, проинформировать о несчастном случае соответствующие органы и организации.

Статья 228.1 ТК РФ устанавливает порядок извещения о несчастных случаях: при групповом, тяжелом несчастном случае или несчастном случае со смертельным исходом работодатель в течение суток обязан направить

извещение в территориальный орган Роструда, прокуратуру, орган исполнительной власти субъекта РФ, работодателя, направившему работника, в территориальный орган страховщика (СФР).

В отличие от гражданско-правового деликта, где ответственность наступает по правилам главы 59 ГК РФ и требует доказывания вины, причинно-следственной связи и размера вреда, страховое обеспечение по трудовому законодательству предоставляется вне зависимости от вины работодателя, что принципиально расширяет защиту потерпевшего.

Если несчастный случай произошел с лицом, выполнявшим работу эпизодически, не подчинявшимся правилам внутреннего распорядка и получавшим оплату за конкретный результат, суды отказывают в признании трудовых отношений, квалифицируя договор подряда, и случай не признается производственным.

При рассмотрении споров о признании несчастного случая производственным суды назначают судебно-медицинские экспертизы для установления механизма травмы и связи повреждения здоровья с выполнением трудовой функции, а также экспертизы условий труда. Правовые последствия для работодателя при признании несчастного случая производственным в отсутствие трудового договора включают: проведение расследования, составление акта по форме Н-1, выплату пособия по временной нетрудоспособности, возмещение морального вреда, а также административную ответственность по статье 5.27 КоАП РФ (штраф от 50 000 до 100 000 рублей для юридических лиц).

Социальный фонд России, осуществив страховые выплаты потерпевшему, имеет право предъявить работодателю регрессные требования в размере произведенных выплат, если будет доказано, что тот не уплачивал страховые взносы, намеренно скрывая фактическую трудовую природу отношений.

В разъяснении Минтруда в письме от 10 июня 2016 г. № 15-2/ООГ-2136 под производственной деятельностью работодателя подразумевается производство не только материальных, но и нематериальных благ, включая оказание услуг во всех сферах, что определено в ОКВЭД 2 [2].

Суды активно используют цифровые доказательства: переписки в мессенджерах, геолокационные данные, данные электронных попусков, видеозаписи с камер наблюдения, что существенно облегчает доказывание факта допуска к работе при отсутствии письменных документов.

Как отмечает в своем исследовании споров о фактическом допущении к работе С. В. Прусакова, для признания трудовых отношений необходимо доказать три обстоятельства: 1) сам факт допущения работника к работе; 2) осведомленность работодателя о начале работы или поручение им такой работы; 3) наличие у представителя работодателя, осуществившего фактический допуск, соответствующих полномочий [10]. Если при этом лицо, наделенное полномочиями по найму работников, не давало указаний о допуске лица к работе, но не могло

не знать, что новый работник к ней приступил, суд может признать фактическое допущение произошедшим с ведома работодателя [10].

В качестве примера благоприятной для работников судебной практики можно привести апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 15 мая 2013 г. № 33-2607/2013, в котором суд установил трудовые отношения на основании фактического допущения продавца к работе, осуществленного заведующей магазином, признанной представителем работодателя [9, с. 312]. Согласно статье 67.1 ТК РФ, если физическое лицо было фактически допущено к работе работником, не уполномоченным на это работодателем, и работодатель отказывается признать отношения трудовыми, работодатель, в интересах которого была выполнена работа, обязан оплатить такому физическому лицу фактически отработанное время [9, с. 311–312].

В другом деле, рассмотренном Ростовским областным судом (апелляционное определение от 10 августа 2016 г. по делу № 33-12192/2015), суд установил факт трудовых отношений между работником и работодателем на основании установленного графика работы (сутки через двое) и систематической оплаты труда, несмотря на отсутствие письменного трудового договора [9, с. 313].

При этом существующая проблема доказывания трудовых отношений при отсутствии письменного договора остается одной из наиболее сложных в правоприменительной практике; необходимо совершенствовать механизмы выявления неформальной занятости [10].

В целях совершенствования законодательства предлагается усилить межведомственное взаимодействие между СФР, Рострудом и налоговыми органами для выявления организаций, выплачивающих вознаграждения без уплаты страховых взносов, а также рассмотреть возможность внесения изменений в статью 67 ТК РФ, закрепив обязанность работодателя в трехдневный срок оформлять трудовой договор в письменной форме при фактическом допуске, а за нарушение — увеличить размер административных штрафов до уровня, сопоставимого с выгодой от экономии на страховых взносах.

Важным направлением профилактики является разъяснительная работа среди населения и работодателей о последствиях теневой занятости, особенно в строительстве, сельском хозяйстве и на обрабатывающих производствах, где риск травматизма традиционно высок.

Таким образом, отсутствие письменного трудового договора не может служить непреодолимым препятствием для получения страхового обеспечения, если в ходе расследования и судебного разбирательства установлена совокупность признаков фактической трудовой зависимости. Именно судебная практика сегодня выполняет компенсаторную функцию, восполняя пробелы в правоприменении и обеспечивая баланс интересов сторон при наступлении страховых случаев, а изменения ТК РФ существенно усовершенствовали механизмы расследования и учета несчастных случаев, включая микротравмы, что создает дополнительные гарантии защиты прав работников.

Литература:

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 20 апреля 2022 г. № 223н «Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, форм документов, соответствующих классификаторов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве» (зарегистрирован в Минюсте России 1 июня 2022 г., регистрационный № 68673) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206010028>
2. Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 01 июля 2022 г. № 15-3/ООГ-1517 «О порядке расследования и учета несчастных случаев на производстве». — URL: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/351161635/modid/99>
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Бюллетень Верховного суда РФ. — 2011. — № 5. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8229/>
4. Определение Верховного суда РФ от 17 августа 2015 г. № 41-КГ15-14 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=437226#FndmVQVkiDR9Pxq2>
5. Определение Верховного суда РФ от 24 июня 2019 г. № 77-КГ19-4 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=588807#h3qmVQVh49fj5Xy4>
6. Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 1 (2025) // Официальный сайт Верховного суда РФ. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/reviews/34367/>
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&number=197-%D0%A4%D0%97&sort=-date&page=1&limit=50&nd=99&volid=1002002001000>
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&number=14-%D0%A4%D0%97&sort=-date&page=1&limit=50&nd=3160&volid=1001996005000>
9. Куренной, А. М. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / А. М. Куренной, С. Ю. Головина и др.; под ред. С. П. Маврина, В. А. Сафронова. — М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. — 848 с.
10. Пирогов, А. А. Фактический допуск работника к работе: проблемы правового регулирования // Вестник магистратуры. — 2025. — № 1–3 (160). — С. 55–57.
11. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3803. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&number=125-%D0%A4%D0%97&sort=-date&page=1&limit=50&nd=2&volid=1001998031000>
12. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 311-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27. — Ст. 5139. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&number=311-%D0%A4%D0%97&sort=-date&page=1&limit=50&nd=95&volid=1002021027010>
13. Определение Конституционного суда РФ от 16 февраля 2012 г. № 304-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усвятцева С. В. на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 16, частями 1 и 2 статьи 68 Трудового кодекса Российской Федерации» // Гарант.ру. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70048262/>
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&number=195-%D0%A4%D0%97&sort=-date&page=1&limit=50&nd=98&volid=1002002001000>

Обращение в суд с иском об установлении сервитута по законодательству Российской Федерации

Шилова Елизавета Вячеславовна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается, как в России через суд решается вопрос о сервитуте. Когда требуется определить компетентную инстанцию по делам о его введении, пересмотре параметров либо отмене, во внимание принимают два основания: природу спорной связи и круг лиц — состав участников.

Ключевые слова: установление сервитута, прекращение сервитута, субъектный состав участников спора, нормы в законодательстве.

Appeal to the court with a claim for establishing a servitude under the legislation of the Russian Federation

Shilova Yelizaveta Vyacheslavovna, master's student

North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article examines how the issue of an easement is resolved in Russia through the court. When it is necessary to determine the competent authority for cases involving the introduction, revision, or cancellation of an easement, two factors are taken into account: the nature of the disputed relationship and the range of participants.

Keywords: establishment of an easement, termination of an easement, subject composition of the parties to the dispute, and legal regulations

Для данной категории споров обращение в суд допускается без предварительных согласительных действий. По делам об установлении сервитута обязательный досудебный порядок законом не предусмотрен. Когда сторонам не удастся согласовать условия сервитута либо возникает спор о самой необходимости его установления, защита соответствующего интереса переносится в судебную плоскость. Заинтересованное лицо вправе предъявить иск об установлении сервитута. Предварительное досудебное урегулирование для данной категории споров законом не требуется.

Определением суда апелляционной инстанции было отменено определение районного суда о возвращении на основании пункта 1 части 1 статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) [4] искового заявления Г. к В. об установлении сервитута в связи с несоблюдением досудебного порядка урегулирования спора, установленного пунктом 3 статьи 274 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [6].

Когда разногласие возникает ещё до возбуждения дела, допустима передача материалов обратно в первую инстанцию. Именно такой вывод апелляционный состав признал обоснованным. Основанием послужило то, что предусмотренный федеральным законом обязательный внесудебный порядок урегулирования спора не сводится к формальному действию. Когда конфликт ещё допускает урегулирование без участия суда, применяется внесудебный порядок. Закон заранее определяет необходимые действия сторон. Их исполнение предшествует подаче иска.

Обращение в суд допустимо, когда стороны не достигли согласия ни по поводу установления сервитута, ни относи-

тельно его конкретных условий. Такое решение спора вытекает из пункта 3 статьи 274 ГК РФ и инициируется заинтересованным лицом. При этом указанная норма не требует обязательного досудебного урегулирования [1].

Когда участники не смогли согласовать ни саму возможность установить соответствующее вещное обременение, ни его содержание и пределы, урегулирование передается суду. Инициатором такого спора вправе выступить та сторона, которая настаивает на закреплении данного правомочия.

Если ранее стороны уже предпринимали попытку согласовать установление сервитута либо определить его условия и к соглашению не пришли, повторное направление претензии перед обращением в суд не требуется. Такой порядок сохраняется и тогда, когда заявлено требование об уточнении параметров сервитута как вещно-правовой способ защиты. Основанием для данного вывода служит положение части 5 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) [3].

Из сферы ведения судов общей юрисдикции выведены экономические споры, а также иные дела, если их рассмотрение федеральный конституционный закон или федеральный закон относит к арбитражным судам. При этом в части 3 статьи 22 ГПК РФ закреплено, что остальные категории, названные частями 1 и 2, подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции.

Арбитражному суду подведомственны дела, согласно частей 1 и 2 статьи 27 АПК РФ: к ней отнесены споры, возникающие в экономической сфере, а равно иные материалы, имеющие связь с осуществлением предпринима-

тельской и другой хозяйственной деятельности. Обычный состав участников таких производств образуют юридические лица, а также граждане, самостоятельно ведущие бизнес при наличии статуса индивидуального предпринимателя. Когда на это имеется специальное указание в Кодексе или в федеральном законе, участие допускается и для иных лиц, включая публично-правовые образования, органы государства и муниципалитетов, должностных лиц, объединения без прав юридического лица и граждан, не обладающих статусом предпринимателя.

При определении суда, уполномоченного рассматривать спор, одного критерия недостаточно. Подведомственность устанавливают с учетом двух обстоятельств одновременно: состава участников и характера правоотношения, из которого возникло требование. Именно их совокупность позволяет разграничить компетенцию судов общей юрисдикции и арбитражных судов. При разрешении вопроса о подсудности определяющим выступает содержание спорного правоотношения, а не внешний признак спора. Само по себе требование об установлении права ограниченного пользования чужим объектом в отношении недвижимости, которая теоретически может использоваться в предпринимательских целях, не переводит дело в категорию экономических, если участники спора не обладают статусом предпринимателей. Обратная зависимость также не действует: участие индивидуальных предпринимателей не меняет юрисдикцию, когда предмет конфликта не связан с их коммерческой деятельностью.

Например, определением районного суда было прекращено на основании статьи 220, пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ производство по делу по иску И. к обществу об установлении сервитута. Суд исходил из того, что истец И. имеет статус индивидуального предпринимателя, при обращении с требованиями просил установить сервитут в отношении земельного участка с назначением «для производственных целей» для обеспечения доступа к принадлежащему истцу земельному участку, нежилым помещениям, расположенным в здании склада. Установив, что нужды истца как собственника объекта коммерческого назначения связаны с необходимостью обеспечения проезда транспортных средств для провоза товаров, при-

обретенных в связи с ведением предпринимательской деятельности, суд пришел к выводу, что спор носит экономический характер и с учетом субъектного состава подлежит разрешению арбитражным судом [6].

В другом деле суд апелляционной инстанции, отклоняя доводы жалобы об отсутствии компетенции у суда общей юрисдикции на рассмотрение дела по иску Ш. о прекращении сервитута, установленного ранее в отношении части принадлежащего ему земельного участка решением арбитражного суда, правомерно указал следующее [6].

Подведомственность требования о прекращении сервитута связывается прежде всего с тем, кто участвует в споре и из каких материальных отношений он возник. Само по себе то обстоятельство, что обременение ранее было установлено определённым судом, не предопределяет выбор той же судебной системы для его прекращения. Поэтому после утраты собственником участка статуса, относящегося к предпринимательской деятельности, судебная коллегия обоснованно отнесла дело к судам общей юрисдикции, а не к арбитражу.

Верховным Судом Российской Федерации, в соответствии со статьями 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» [5], в целях обеспечения единого подхода к разрешению судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел, связанных с установлением сервитута на земельный участок, проведено обобщение судебной практики.

К числу вещных прав сервитут относят по прямому указанию закона. Такое место данной конструкции закреплено в статье 216 ГК РФ, что позволяет соотносить её правовую природу с собственностью.

Из земельно-правового регулирования выводится основание установления сервитута. При этом пунктом 1 статьи 23 Земельного кодекса Российской Федерации задаётся лишь исходная предпосылка, тогда как порядок должен согласовываться с гражданским правом [2].

Нормы, определяющие содержание сервитута и порядок его оформления, содержатся в статьях 274–276 ГК РФ. Именно к ним обращаются при установлении соответствующего режима.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // Российская газета, № 211–212, 30.10.2001.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Российская газета, № 137, 27.07.2002.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Российская газета, № 220, 20.11.2002.
5. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Российская газета, № 27, 07.02.2014.
6. «Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) [Электронный ресурс]: <http://www.consultant.ru>. Дата просмотра — 13.07.2026.

Плата за сервитут

Шилова Елизавета Вячеславовна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

При разрешении спора о плате за сервитут её сумму устанавливает суд. Основанием служат разумность и соразмерность обременения конкретным условиям дела, включая срок действия, размер затронутого участка и род занятий участников. Уплата возможна единовременно либо периодически.

Ключевые слова: плата за сервитут, единовременный платеж, периодический платеж, нормы в законодательстве.

Fees for servitude

Shilova Yelizaveta Vyacheslavovna, master's student

North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

When a dispute arises over the payment for an easement, the amount is determined by the court. The basis for this determination is the reasonableness and proportionality of the burden to the specific circumstances of the case, including the duration of the easement, the size of the affected land, and the occupations of the parties involved. The payment can be made in a single amount or in installments.

Keywords: fees for servitude, one-time payment, periodic payment, legal regulations.

Сумму платы за ограниченное пользование чужим объектом определяет суд. При ее установлении учитываются разумность и соразмерность, а также характер деятельности сторон, пределы затронутой территории и срок действия данного права. Платеж может иметь единовременный либо периодический характер.

Размер возмещения за сервитут связывается не с абстрактным ограничением, а с тем, как именно используется обремененный участок. Из содержания, закрепленного в пункте 5 статьи 274 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] и пункте 6 статьи 23 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ) [2], следует право собственника такой земли требовать плату от лиц, в чьих интересах установлен сервитут.

Когда спор связан с предоставлением сервитута, суду недостаточно установить допустимость такого обременения. Одновременно требуется определить денежную компенсацию, причитающуюся собственнику участка, который будет использоваться другим лицом в установленном объеме. Поэтому вопрос о величине платы входит в предмет доказывания по делу; если правообладатель не принимает безвозмездный вариант, истец обязан подтвердить заявленный размер вознаграждения. Для этого представляются относимые доказательства, включая экспертное заключение, полученное по назначению суда (часть 2 статьи 56 ГПК РФ [4], часть 2 статьи 65 АПК РФ [3]). Возражения по предложенной плате допустимо обосновывать доказательствами. Такое процессуальное поведение опирается на часть 1 статьи 65 АПК РФ и часть 1 статьи 56 ГПК РФ.

При определении вознаграждения за сервитут исходить нужно не из формального наличия обременения, а из его хозяйственного результата. Размер платы соотносят, с одной стороны, с выгодой, которую извлекает обладатель соседнего объекта, а с другой — с теми потерями

и затруднениями, которые несет собственник земли, чьи правомочия ограничены.

В состав платы включают не только общую компенсацию, но и те издержки, которые разумно возникают у владельца недвижимости вследствие сужения его возможностей либо из-за необходимости обеспечить пользование объектом со стороны управомоченного лица. Речь может идти об обустройстве или поддержании проезда, снятии либо переносе ограждений, установлении порядка доступа и контроле его соблюдения, а также о содержании используемой полосы территории в требуемом виде. Помимо этого, подлежат учету убытки, возникающие тогда, когда из-за сервитута прекращаются ранее действовавшие обязательства собственника обремененного участка по отношению к иным лицам.

Оценка последствий, вызванных сервитутом, требует сопоставления нескольких обстоятельств. Значение имеют не только срок действия такого обременения и площадь участка, на которую оно распространяется, но и интенсивность ограничения пользования при предполагаемом характере эксплуатации земли. Отдельно подлежат учету бытовые и хозяйственные неудобства для собственника, а также то, препятствует ли данное обременение свободному распоряжению участком.

При определении способа внесения платы за сервитут недостаточно исходить лишь из заявленных истцом требований. Решение о единовременном платеже либо о периодических выплатах целесообразно принимать с учетом содержания соответствующего обременения, его продолжительности, условий осуществления и степени затрагивания чужого имущества. Такой подход позволяет точнее соотносить интересы обеих сторон.

В деле об имуществе потребовалось оформить сервитут, необходимый для проезда через соседнюю терри-

торию. С таким требованием организация обратилась в арбитраж, указав на необходимость ограниченного пользования наделом, владельцем которого выступает индивидуальный предприниматель. При рассмотрении спора саму возможность установления данного права ответчик не отрицал, однако настаивал, чтобы суд специально определил размер платы за такое пользование [5].

Достаточной, по мнению организации, была ежемесячная выплата в размере 2 000 рублей. Этой суммой, как полагала организация, покрывались неудобства и ограничения, возникающие для предпринимателя.

С такой оценкой не согласились. При исчислении платежа оставили без внимания расходы на устройство подъезда к участку для транспорта организации. Кроме того, отдельно указали на отсутствие учета того, как спорная площадь используется при проезде автомобилей каждой из сторон фактически.

После сопоставления доводов участников и изучения экспертного заключения суд определил двухэлементный порядок оплаты. Единовременно в пользу предпринимателя подлежит взысканию 50 000 рублей. В дальнейшем организация обязана перечислять по 8 000 рублей ежемесячно, производя оплату до 5-го числа.

При этом суд апелляционной инстанции исходил из следующего.

При отсутствии специальных предписаний федерального закона допускается денежная компенсация за такое обременение. По пункту 5 статьи 274 ГК РФ и пункту 6 статьи 23 ЗК РФ ее вправе требовать собственник участка, если ограниченное пользование установлено в интересах иных лиц.

При определении размера компенсации суд не исходил из произвольной оценки. В основу был положен вывод специалиста об экономическом преимуществе, которое общество извлекает из сохранения сервитута. Помимо этого, были приняты во внимание фактическая загрузка проезда через участок предпринимателя, пределы реально задействованной площади и предполагаемые затраты общества на устройство собственного подъезда для автотранспорта в обход спорной территории.

Условиями сервитута стороны вправе заранее предусмотреть механизм изменения платы. Когда ограничение прав собственника участка усиливается либо, напротив, уменьшается, каждая сторона сохраняет возможность требовать в судебном порядке пересчета соответствующей суммы как в сторону увеличения, так и в сторону снижения.

На разрешение арбитражного суда был передан вопрос о денежной компенсации за ограниченное пользование чужой землей. Заявителем выступало общество, просившее определить плату на уровне 3 000 рублей в месяц.

Судебное разбирательство было инициировано из-за незавершённости условий о сервитуте. Участники правоотношения не урегулировали размер возмещения за поль-

зование чужим земельным участком. Не был определён и порядок последующего изменения такой платы.

По делу о возмездном установлении сервитута суд первой инстанции принял редакцию условия, предложенную одной из сторон общества; при дальнейшем рассмотрении в апелляционной и кассационной инстанциях этот вывод сохранен. В согласованной судом формулировке закреплено: «Плата за сервитут составляет 1 000 рублей в месяц. Плата за пользование подлежит ежегодному изменению на размер уровня инфляции, установленного в федеральном законе о федеральном бюджете на очередной финансовый год, который применяется ежегодно по состоянию на начало очередного финансового года начиная с года, следующего за годом, в котором заключено настоящее соглашение». Тем самым для сервитута установлены 1 000 рублей в месяц и последующая ежегодная индексация [5].

Попытка организации добиться признания недействительным условия договора, позволявшего изменять размер платежа, судебной поддержки не получила. Суды сочли такое оспаривание необоснованным.

В другом деле инициатором спора выступил собственник земельного участка. Он обратился в суд, настаивая на увеличении платы за сервитут, хотя ее размер уже был определен соглашением сторон. Свою позицию истец связывал с тем, что фактическое пользование его землей стало более интенсивным: выросла частота проезда транспорта, а со стороны обладателя сервитута была повышена и разрешенная масса транспортных средств. Однако на пересмотр договорных условий другая сторона согласия не дала [5].

Фактическое использование ответчиком чужого земельного участка как подъездного пути к принадлежащему ему объекту было принято судами во внимание наряду с доводами участников спора, представленными доказательствами и заключением специалиста о размере платы. Установив, что обременение для собственника земли усилилось: под проезд стала вовлекаться более значительная часть территории,росло количество транспортных средств и увеличилась интенсивность нагрузки, суды изменили согласованное ранее условие о сервитутной плате. Ежемесячный платеж определен в размере 5 000 вместо 3 500.

Ограниченность земельного фонда и возрастающий спрос на участки усиливают внимание к плате за сервитут. Этот инструмент используется не только для урегулирования доступа и пользования чужой землей, но и для упорядочения соответствующих связей между участниками. За счет этого формируются более предсказуемые условия землепользования, что связано и с устойчивостью территориального развития.

Тем самым плата за сервитут действует в земельных отношениях сразу в двух плоскостях — юридической и экономической. Через нее обеспечивается более обоснованное использование земельных участков, одновременно поддерживается защита интересов их правообладателей.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // Российская газета, № 211–212, 30.10.2001.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Российская газета, № 137, 27.07.2002.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Российская газета, № 220, 20.11.2002.
5. «Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) [Электронный ресурс]: <http://www.consultant.ru>. Дата просмотра — 13.07.2026.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 30 (633) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 05.08.2026. Дата выхода в свет: 12.08.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.